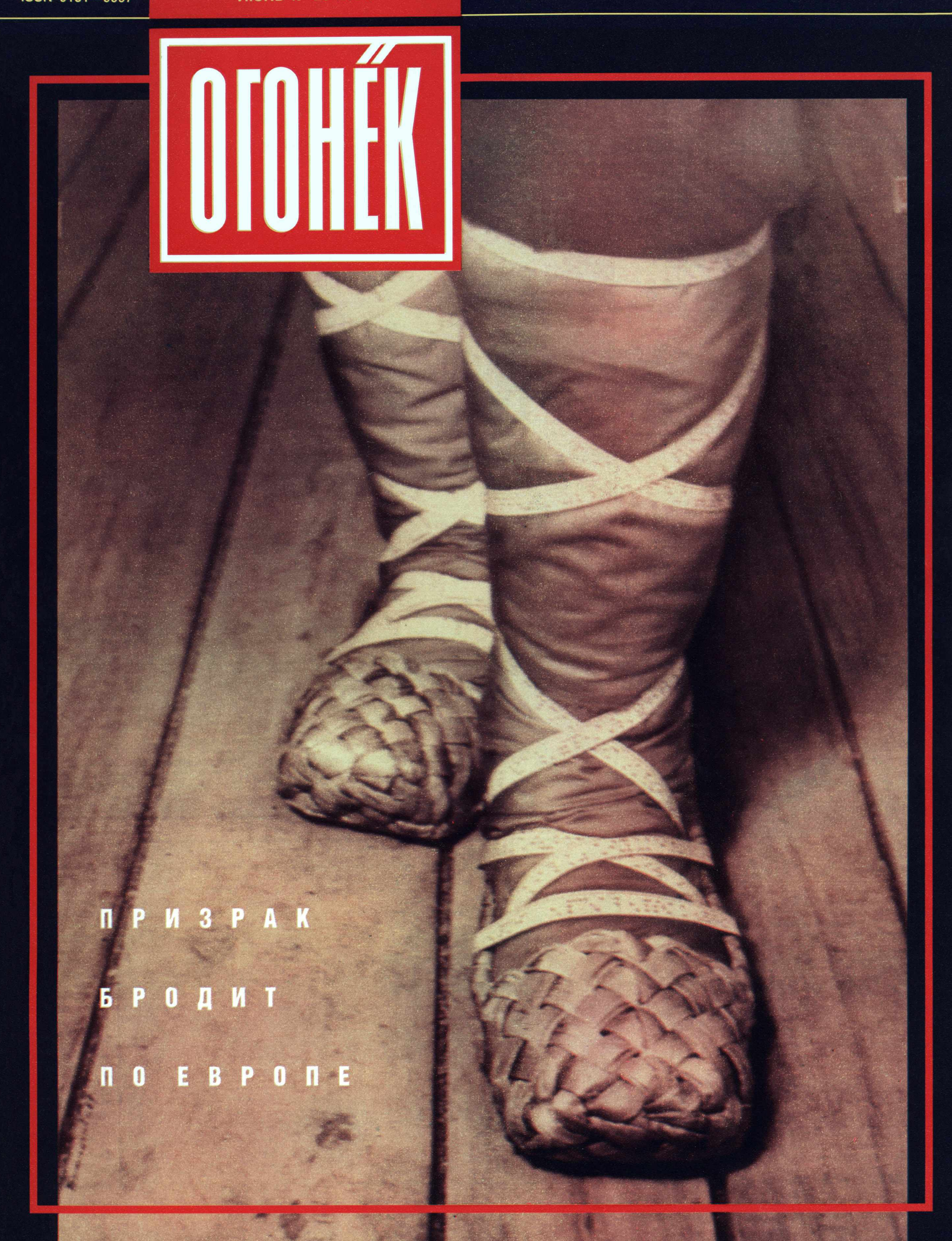

ISSN 0131—0097
ИЮНЬ № 23 1991.
THE WEEKLY MAGAZINE
ОГОНЁК
ПРИЗРАК
БРОДИТ
ПО ЕВРОПЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 23 (3333)

1 — 8 июня

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Плакат Г. БИТЮЦКОГО

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 13.05.91. Подписано к печати 28.05.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 491. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

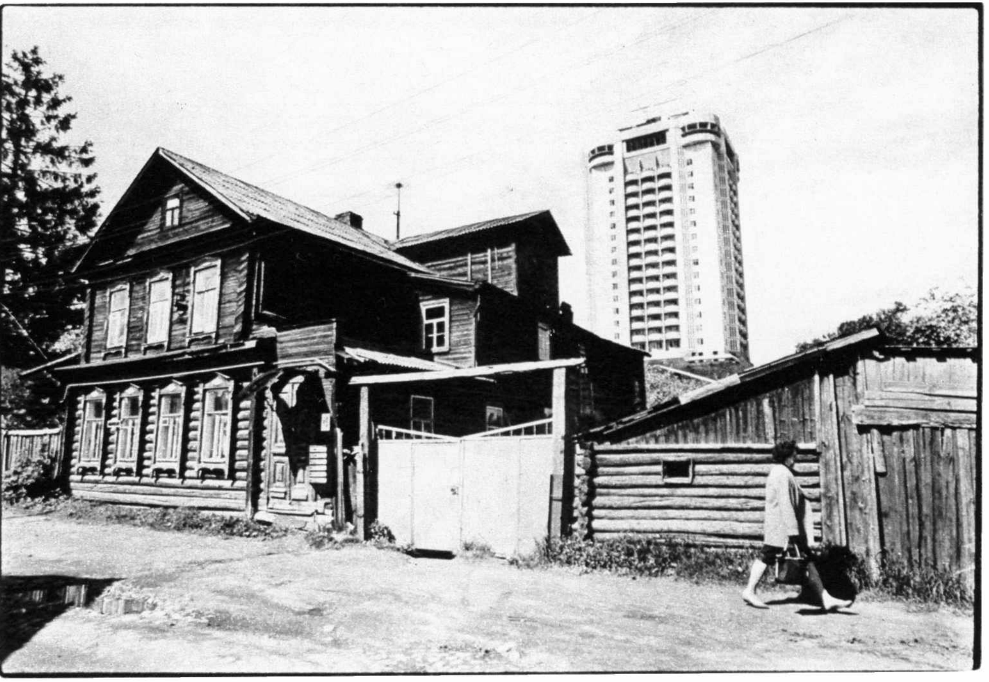
Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

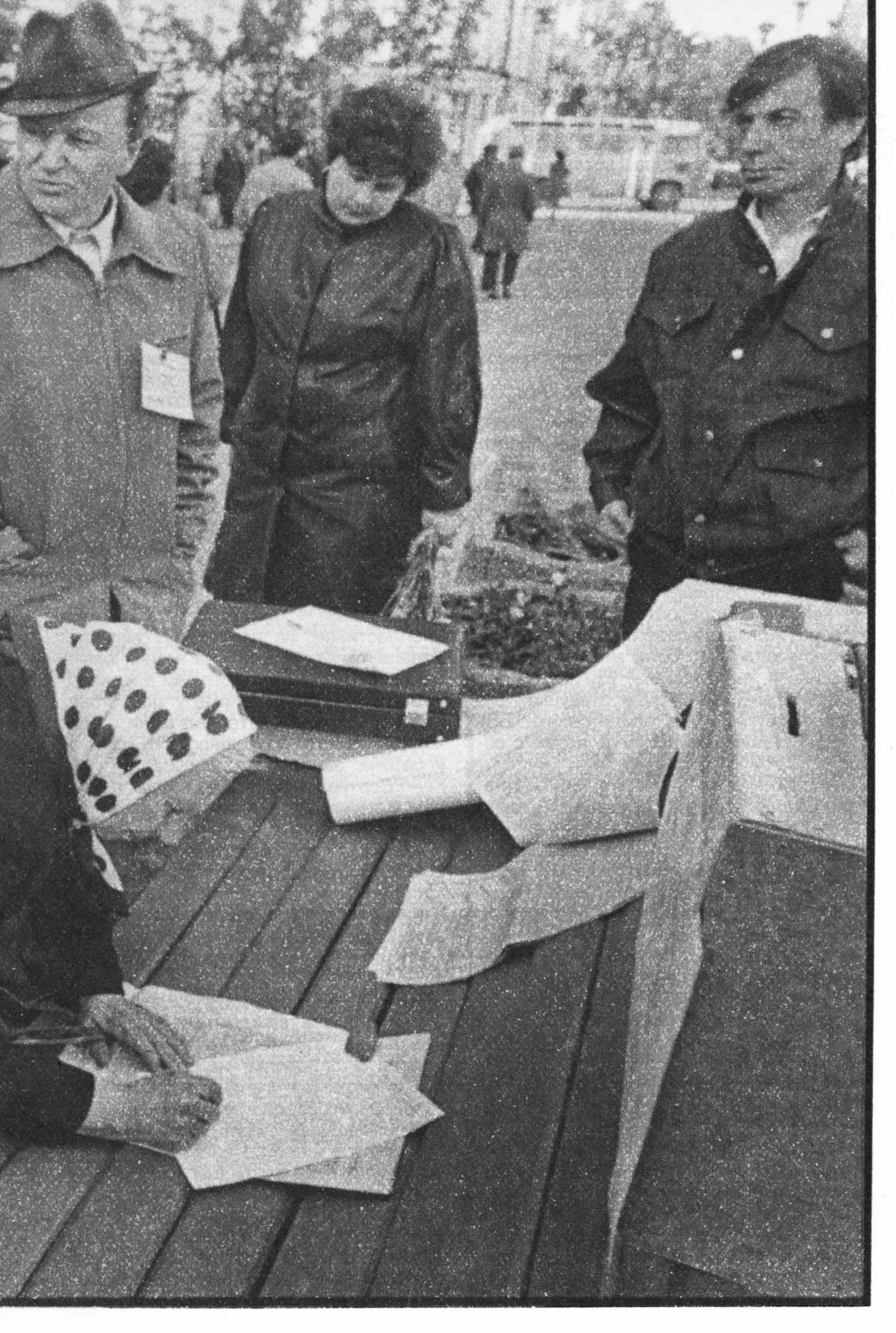
Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НАКАНУНЕ

Ирина ЖУРАВСКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

СЦЕНЫ ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

В Твери шел дождь, а трамваи от вокзала не шли. Свободные такси и частный «извоз», заполнившие площадь, ждали явно не меня и не моих попутчиков, толпой валивших с московского поезда. Горожане курсировали по улицам с такой же удвоенной, видимо, повышением цен и пустыми прилавками скоростью, как жители столицы, и так же на бегу отвечали на любые вопросы.

Можно спросить, как пройти к гостинице, как — к картинной галерее, покажут охотно. И по магазинам унылым, мимо бабушек с пучками редиски по рублю, притулившихся у дверей, тоже послоняешься. На рынке мимо рядов, занятых стойкими, непромокаемыми кооператорами, подойдешь к «живому товару», спросишь, почем петух, удивишься: всего 60. Про барана, правда, собралась спросить — увели: вымок совсем баран.

Он всегда странно-неприкаянный, этот первый день в чужом городе. Ходишь, глазеешь. Город сам по себе, ты сама по себе. Где она, эта точка сцепления, и будет ли вообще? И что я хочу от него — пару провинциальных анекдотов? Остренький репортаж на тему «Провинция выбирает президента» из города, где вице-губернатором служил когда-то Салтыков-Щедрин и чью «Историю одного города» на редкость поучительной считает один из кандидатов в президенты — Борис Ельцин?

— Политическая жизнь меж двух столиц вас интересует? — понимающе улыбаясь, будут спрашивать меня.— Что ж, вникайте. Сенсаций только не ждите.

Я не ждала. И может, зря...

«Не торопитесь, медленно ссорьтесь, чтоб успеть помириться!»
Из пьесы «Поющий поросенок». Цитата на щите около тверского ТЮЗа.

На улице Урицкого, «офонаревшей» подобно московскому Арбату, движение тоже только пешеходное. И пешеходы движутся сегодня в основном между двумя очередями — в рыбном за спасительным минтаем и в кондитерском за тортом. Обычно атакуемый народом «Петушок» свободен, перепелиные яйца, единственно завезенный продукт, спросом, видимо, не пользуются.

В недалеком перестроечном прошлом именно здесь, рядом с «Петушком», помещалась знаменитая «политическая тумба». Бог знает почему выбранная тверскими спорщиками в качестве открытой трибуны. Потом, правда, тумбу убрали — устал народ от политики.

Заглянув в ближайшие магазины, где глаз порадовало только изобилие канадских пуховиков по 2000 рублей, впрочем, видно, совсем не взволновавших тверской покупательский спрос, выслушав за пирожком и кофе исповедь пожилой женщины, с утра пытавшейся отоварить майский талон на сахар, я уже собиралась покинуть место былых политических баталий, как возле одной из лавочек началось некое центростремительное движение. Толпа нарастала и спустя несколько секунд привычно оформилась в очередь. Впрочем, кое-кто в очередь не становился, но, сбившись вокруг скамейки, тоже отходить не спешил. Так в Твери начался сбор подписей в поддержку кандидатуры Бориса Ельцина.

— Ну вы, ребята, даете. Уже все кончили подписи собирать, а вы — здрасте. Чего раньше-то думали? Рыжкову вон больше двух миллионов наподписывали...

— Ладно тебе, дай подписать, пусть знают, кто за кого...

— Эх вы, за кого? Капиталистов себе на шею захотели, дождетесь. Дурни мы, дурни, своими руками — хомут на шею.

— А ты, дедуль, сколько еще лет от Рыжкова коммунизма ждать собрался? Не устал еще?

— Вы глядите, еще и деньги собирают... Что ж, у российского головы казна совсем оскудела?

— А уж это каждый сам решает, кому финансом помочь. Не хочешь — не давай, а мне рубля не жалко. Надо ж листовки там всякие, плакаты. Из Москвы, что ли, ждать?

Список рос, страсти накалялись. Не найдя понимания по одну сторону скамейки, оппоненты переходили на другую, и спор разгорался вновь. Мне тоже, честно говоря, было не совсем понятно: зачем собирать подписи, если кандидат включен в список? Зачем деньги, если выделено по 200 тысяч на каждого кандидата централизованно?

— Понимаете, было решение «ДемРоссии», что подписи надо собирать только в крупных центрах — Москве, Ленинграде, Свердловске. И собрали достаточно. Но нам все звонят люди, говорят, надо организовать, надо знать сторонников, спрашивают, как деньгами помочь,— объяснил мне Игорь Васильевич Соболев, один из «сборщиков», член Республиканской партии, когда нам удалось, прорвав плотное кольцо, отойти от скамейки. Но его тут же потребовали обратно: листы для списков кончились, надо готовить новые.

Нам так и не удалось поговорить тогда. И позже тоже — урывками. Он все время был занят. То на работе, к пяти — у скамейки, вечером на заседании в комитете поддержки... А тогда, в первый раз, я смотрела на этого немолодого, тихого, стеснительного, что ли, человека, явно инженера, явно технаря, и не понимала: его-то что прибило к этой скамейке? Он совершенно вроде не стыковался со своим темпераментным сподвижником, громко отвечавшим на все ехидные вопросы, живо реагировавшим на любые реплики. Игорь Васильевич явно не был уличным трибуном, его какая-то тихая решимость — и через эту скамейку пройти — видно, давалась нелегко.

Это потом, позже и вовсе не от него я узна́ю, как инженер Соболев, еще лет 30 назад что-то там переоборудуя в здании мединститута (бывшего на излете тридцатых резиденцией НКВД), обнаружил следы пыточного оборудования. И специальная расстрельная камера там была, где глазок, в который дуло вставлялось, на уровне человеческого сердца. Потому, когда уже с «Мемориалом» искали захоронения, упирались в тупик: нет следов стандартной «пули в затылок». Но все равно искали и ищут, писали и пишут заявления в прокуратуру и прочие органы... Хотя и от этой темы, говорят, народ тоже «устал». И мы в это поверим, нам не странно... В «странные» скорее Игоря Васильевича определим. И успокоимся...

«...Пока доминирует позиция, «возврата к прошлому не может быть». В этом убеждены 60—70 процентов тверичей».
Из газеты «Сигнал — Тверь», январский номер, пока последний.

На «подписи за Рыжкова» я, естественно, опоздала. Собрали вовремя. По сведениям А. Н. Шевченко, председателя местного комитета ДОСААФ, возглавившего инициативную группу поддержки Н. И. Рыжкова «Тверь-1»,— 19 тысяч и 47 подписей. В докладе на пленуме обкома прозвучало — 34 тысячи, но не будем придираться.

Во всяком случае, свой вклад в почти трехмиллионный список потенциальных сторонников Николая Ивановича жители Тверской области внесли.

О том, как собирали подписи, я всякое слышала — и на партсобраниях по месту жительства, и на предприятиях, и в воинских частях. «Поучились бы, как работать»,— пеняли демократам у скамейки. Но, честно говоря, следов особого натиска я не обнаружила. Вот на комбинате «Тверская мануфактура», рассказывают, приходили, кто хотел — подписался. На прядильной фабрике № 1 только одного «подписанта» и сыскали.

— И я лично,— подтвердил А. Н. Шевченко,— проехал по предприятиям. На фабрику головных уборов приехал, обратился к секретарю парткома: не поможете ли со сбором подписей, мне-то неудобно со стороны. Она говорит: я вообще-то против буду голосовать, но вам помогу, о чем разговор. Подписывали люди. Потом попросили меня выступить — бурное было такое собрание, не представляете.

Это я как раз представить могу. Ну пойди объясни сегодня, как бывший премьер, за пять лет управления экономикой добившийся лишь того, чему мы все теперь сообща радуемся, собирается Россию на путь истинный вывести! И программу кандидата еще не прислали. Приходится на биографию Николая Ивановича опираться, на выступления в печати. Вот по рекомендации первого секретаря обкома местная газета интервью из «Рабочей трибуны» перепечатала...

— Я вам честно скажу, когда в своем кругу эту группу создавали, меня спросили: ты-то сам за Рыжкова? Ответил прямо: еще не решил. Может, вообще ни за кого. Но на данном этапе, считаю, Николай Иванович должен быть внесен в список. Бабушка моя говаривала — из двух зол... Вот-вот.

Вообще с Александром Николаеви-

чем беседовать интересно. Ну кому пришло бы в голову еще двадцать лет назад раскрыть знаменитую книгу Джона Рида и проштудировать табличку уровня жизни питерского рабочего 1917 года? Он вчитался, потом с цифрами своего, 70-го, сравнил и почти то же самое получил. Ни копейки-то лишней рабочему человеку за 50 лет «побед и свершений».

— Может, путь не тот, Александр Николаевич?

— Все дело в коррупции, блатмейстерстве, взяточничестве. Мы так и понимали перестройку — с этим борьба. Но ведь развал, расслоение общества. Все страны идут к социализму, а мы — в прошлый век!

По натуре своей Александр Николаевич политической конфронтации не приемлет и искренне обижается на колкости противников.

— Я после войны два года в Австрии прожил, видел становление демократического общества там. Ничего похожего. У нас сплошное бескультурье. Не верю я нашим демократам — злой и несерьезный народ.

Впрочем, и горкому Александр Николаевич не слишком доверяет.

— Трусят все чего-то. Осторожничают. Если есть с чем, надо выступать. Хотел группу уже расформировать, вроде подписи собрали, чего еще. Нет, говорят, работайте. А как работать-то — ни инструкций, ничего.

Вот тут я согласиться не могу. Пленум обкома выразил свое отношение достаточно ясно: «призывает всех коммунистов, всех жителей области активно поддержать кандидатуру Н. И. Рыжкова». Дальше уже, видимо, партийная дисциплина сработает.

> **«Явились честолюбивые личности, которые задумали воспользоваться дезорганизацией власти для удовлетворения своим эгоистичным целям».**
> ***М. Е. Салтыков-Щедрин. «История одного города».***

Что касается «злых и несерьезных», то вечером именно к ним, то есть в общественный комитет по поддержке кандидатуры Б. Н. Ельцина (а в основе его, естественно, местные демократы), я и направляюсь.

По пути в невеселом тверском троллейбусе, где с сегодняшнего дня проезд только по талонам (а талоны продают, к изумлению пассажиров, только по полтора рубля), проезжая мимо жалкой, несмотря на дорогостоящее величие Доски почета, зияющей пустотами вместо фотографий передовиков, мимо монументальной и тоже заброшенной «гранаты» (как здесь называют недостроенную еще к Олимпиаде гостиницу), все пытаюсь угадать: что увижу?

Все торчит колом это сотни раз слышанное «устали от политики», все свербит это язвительное «так называемые». Где-то уже в историческом прошлом эйфория первых перестроечных выборов, борьба кандидатов от аппарата с кандидатами от... Ну, конечно, от демократов, уверенно произносил народ заветное слово. Оно потускнело, поникло, как потускнели и сникли наши собственные ожидания немедленных результатов.

Маленькая квартира на первом этаже жилого дома. Здесь добровольное общество автолюбителей и приемная депутата Верховного Совета РСФСР В. Белова. Здесь, пока депутат в Москве, его помощник, четкая и спокойная Людмила Семеновна, и координационный комитет «ДемРоссии». Но сейчас сбились над программой совместных действий представители чуть ли не всей тверской политической палитры. Ветераны за демократию, республиканцы, кадеты, просто сочувствующие беспартийные. Человек девять-десять. Нормально для спокойной работы. Без горящих глаз и бурных дебатов.

Кто за что отвечает, как достать транспорт, чтобы обеспечить дежурство 12 июня в отдаленных районах. Ведь только сегодня, проверив списки голосования на референдуме, обнаружили любопытную закономерность: там, где «чистые» цифры — к примеру, 220 по списку, 220 взяли бюллетень, 220 проголосовали,— итоги далеко не в пользу поста президента. Совпадение? Во всяком случае, информация к размышлению.

Когда с избирателями встречаться, кому в область ехать? И сами себя все одергивают: никак из «неформалов» не вылезем, опять много лишних слов.

Но было одно обстоятельство, которое шло поперек всех моих предварительных ожиданий. Если честно, тогда у скамейки в бесконечные звонки будущих избирателей я не поверила. Слишком непременен в городском быту какой бы то ни было интерес к предстоящему президентству, слишком часто повторяли здесь нечто сакраментальное о всеобщей усталости...

А телефон действительно надрывался. Что требуется, чем помочь? И Людмила Семеновна покорно записывала адреса, телефоны, фамилии.

— Если б не звонили, может, и бросил бы все,— говорит Евгений Семенов, депутат горсовета, председатель только что созданного комитета поддержки, тоже республиканец, зам. начальника цеха на «Искоже».— Вы думаете, мы не понимаем, в каком положении очутились, слабости своей не видим? Рассчитывали на три раунда любительского бокса, получили 15 профессионального.

Да, все они сами понимают. И что лидеров своих, каких-никаких, в Москву по Верховным Советам роздали. Что кто посмышленей вовремя из межстоличной Твери подается в Москву и Ленинград. Что многим вовсе не так уж хотелось класть на алтарь зыбкой политики интересы семьи, дома, работы. Зачем? Чтоб потом крутиться на сковороде перед избирателями — мол, мы, демократы, в меньшинстве, исполком старый... Ах, у вас трубы прорвало? Конечно, поможем. И топаешь по инстанциям, просишь, требуешь. А тебе улыбочка — давайте, крикуны, работайте...

Да, откололись многие. А эти остались. Их путают в аппаратной рутине, их изматывают бесконечные сессии Советов. Им-то самим давно уже ясно, что это нелепое, безалаберное, изначально не способное к работе создание российской революционности было хорошо лишь во времена дружной физзарядки — кто «за». Что вместо 200 депутатов горсовета хватило бы 50, но освобожденных от всего остального. А избирателю какое дело до этих теорий: мы вас выбирали, где результат?

Где и что считать результатом? Ну выделяли обкомовской столовой 20 кг мяса на одного едока в месяц, ну раскопали — срезали. Ну сессию осеннюю по экономическим вопросам подготовили, постановление приняли, а какая теперь экономика в отдельно взятом городе? И опять на Москву гляди, опять на нее надейся.

Граждане тверские тоже поглядели — и опять в электричку московскую за продуктом.

А вы там, в столице, все правильно говорите, слабое движение, беспомощные, наивные люди... Только вот желающих-то на эти места городской власти, что вдали от телекамер, интервьюеров и высокой политики, не находится. У кого депрессия, у кого апатия...

Им, оставшимся, через все предстоит пройти. Через издевки опытных аппаратчиков, недовольство избирателей, через ироническое сочувствие бывших сподвижников, через будничную занудь хозяйственных дел. Может, так и должно было быть, может, нормально, иначе как вырасти до слова, которым себя окрестили?

> **«Тяжело, конечно, и здесь, и на воле. Каждый в своей тюрьме, за решетками каждый. От себя куда убежишь. Свое дерьмо где захоронишь. Все свое с собою и носим».**
> ***Г. Гаврилов. Из не напечатанной пока повести «Зона».***

Как пройти к церкви «Белая Троица», объяснить невозможно. Надо просто идти, поворачивая с улицы на улицу, петляя меж старых тверских «деревяшек», поверх которых то и дело выглядывает купол.

Я пришла уже к концу службы. «Слева встань,— сказала бабушка,— сюда пойдет, поговоришь». Встала, страдая от какой-то неловкости и будущего разговора, и стояния своего на самом виду. И вдруг рядом до боли знакомое: «Так первая ж ты толкнула, ах, не стыдно врать-то в храме?» Две старушки, оттесняя друг друга, ставили свечки. Вот уж действительно все свое несем с собой.

Я ждала отца Геннадия, или Геннадия Владимировича Гаврилова. Бывшего лейтенанта Балтфлота, бывшего военного инженера. Бывшего зека Потьмы и Пермской политической.

Он незнаменит в Твери (хотя диссидентство здесь имеет собственную историю — все-таки место ссылки), и среди известных ныне имен правозащитников его имя не звучит. А уж тогда, в 68-м, кому был известен тридцатилетний лейтенант из закрытого городка в Эстонии, который с начала Пражской весны вел свою «хронику», а после августовской трагедии написал «Открытое письмо гражданам Советского Союза»?

Все было: предательство друзей, передавших личные к ним письма по известному адресу, арест, суд, шесть лет лагерей и новые друзья — Буковский, Галансков... Годы скитаний после и путь к учению Рериха, путь к религии... Послушничество в Новокузнецкой церкви, а семья, двое детей в убогой квартирке в Новосибирске... И только последние шесть лет — Тверь, «Белая Троица», священник, реабилитация.

Я слушаю его рассказ в маленькой церковной крестильне, где так нелепо выглядит мой диктофон, и думаю, что, может, так же нелепо в сознании этого сильного человека, себя самого вопреки всесоюзной камере творившего, выглядят суетные нынешние политические баталии, метания справа налево и обратно, битвы аппарата с молодой порослью демократов.

— Ну что ж вы хотите, это нормальная жизнь. Это взросление. Кто-то прошел его раньше, кто-то позже. Наша доморощенная демократия пока маленький ребенок, только учится ходить и все падает, падает под ноги сложившейся коммунистической структуре. А та, естественно, пинает. И через это придется пройти. С достоинством и терпением. Маленькая лодка поворачивает быстро, а громадный крейсер чтобы развернуть... Не надо нам равняться на Запад. Мы многого не поймем, многое по природе своей принять не сможем. Собственный путь человек ли, страна сами проходят. И мы пройдем — не завтра, не через год, но пройдем. Когда переболит, перегорит внутри, когда избавимся от шор и мифов своих. У Солженицына не зря ведь именно это слово — «обустроить»... Спокойно и расчетливо, без экзальтации и паники.

Ночью в гостинице я читала страницы его не напечатанной пока книги, жесткой, не щадящей ни автора, ни читателя, выстраданной до этой последней фразы: «Кончаются, однако, и полярные ночи. Постараемся же сохранить наступающий день как можно дольше». Сохраним?

> **«Прошедший опрос показал, что с чувством юмора в нашем коллективе все в порядке. Среди кандидатур на пост Президента РСФСР были названы М. Тэтчер и В. Лоскутов».**
> ***«Еженедельные новости». Издание Тверского завода стеклопластиков и стекловолокна.***

В той комнатушке, где вечером намечал программу действий комитет поддержки Б. Ельцина, не обратить внимания на Виталия Федоровича Лоскутова было просто невозможно. Слишком уж выбивался из общего «демороссовского интерьера» — солидность хозяйственника, спокойный тон руководителя, в спорные моменты взгляды обращались к нему... Извинившись, ушел раньше. А мне все покоя не давало: кто же он, почему здесь?

Объяснили — директор завода стеклопластиков, из партии вот вышел... Узнала телефон, набрала номер, опять удивилась — трубку снял сам директор. Невелика, видать, фирма у Лоскутова.

А через час он встречал меня у проходной своего роскошного, из стекла и бетона, заводского корпуса.

— Все правильно, секретаря у меня нет. Сократил. А зачем? Два года уже, все знают, телефонограмм не принимаю. Серьезные документы в канцелярию поступают, девочки по назначению передадут, в том числе и мне. А то начинается... «В связи с наступлением зимы сообщите...». Я что, не в России живу, про зиму из телефонограмм узнавать...

И пошло-поехало. Ну ладно, сауна с бассейном в каждом цехе, так еще и швейное ателье тоже в каждом — «одевать-то женщин надо во что-то». Ладно буфеты — почище городских ресторанов и обеды бесплатные,— так еще и овощной ларек, магазин полуфабрикатов и просто магазин, где талоны можно отоварить, еду купить — не Бог весть что, но с городским выбором не сравнить. Ну конференц-зал огромный — понятно, три с половиной тысячи коллектив,— так еще и с электронным голосованием. «Пораньше Верховного Совета сделали,— смеется Лоскутов.— Адская машина. Председателя профкома тут прокатили, разбить хотел. Не скажу, что приятно стоять тут на сцене, пока она считает, кто тебе как директору доверяет, а кто нет. Однако держусь. От 70 до 95 процентов "за" бывает. Нормально пока. У нас ведь, знаете, за бесплатные обеды голосовали, так и то 10 процентов против».

Чудес в природе не бывает. Коллектив хорошо работает, а значит, имеет. За последние годы, когда чуть не поголовный в промышленности спад, у них рост общего производства на 33 процента, а товаров народного потребления — в четыре раза. Может, аренда, народное предприятие?

— Да нет, мы в прежнем режиме. Знаете, сегодня, как ни назови предприятие, все равно обложат. Вот, скажем, дали свободу договора заключать, мы только раскрутились — и поставщиков нашли, и потребителям коекаким отказали (военные, например, нашу продукцию в землю зарывали), с другими работать начали. А тут команда — все договора по местам... Только об экспорте договорились — опять — 40 процентов отдай. Какой смысл? А я уверен, дай предприятиям свободу повертеться без инструкций и подачек, выгребут — и для себя, и для страны с большей пользой.

На заводе Лоскутов 29 лет с небольшим перерывом на работу зам. зав. промышленным отделом обкома и начальником областного управления по печати. Не сиделось — «заводской я мужик, что мне в креслах делать?».

31 год был членом партии. Прошлый год был последним. Завод тогда ждал XXVIII съезда. Свои предложения обдумывали, открытое письмо составляли.

Нехлипкая ведь организация была — 500 человек, было о чем со съездом говорить. Вот, скажем, демократический централизм — девять человек решили, сотни под козырек. Или взносы — не больше одного процента надо. Не жалко, только зачем этот все растущий аппаратный класс кормить — для демократического централизма?

Прошел съезд. Тихо. А тут еще КП РСФСР учредилась — еще один аппарат. И последняя капля — то письмо, которое на съезд посылали, вернулось в обкоме с пометкой «разберитесь с жалобой завода стеклопластиков». Тогда-то и начался массовый заводской исход. Когда 300 коммунистов покинули партийные ряды, расстался с билетом и директор — «не хотел оставаться в партии начальников».

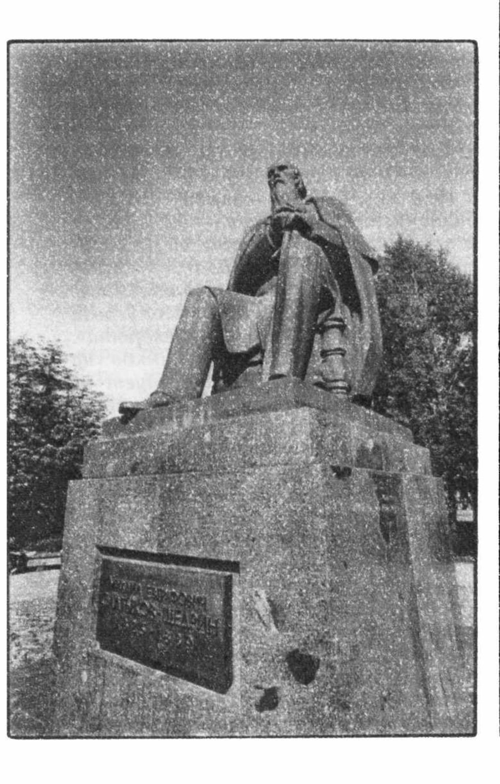
Вышла из КПСС и бывший секретарь парткома Антонина Николаевна Зеленова, в цехе теперь аппаратчицей: «Когда стали рабочие партбилеты отдавать, думаете, кто-нибудь из райкома, горкома приехал с людьми поговорить, понять хоть? Никто. Вот тогда я и поняла, не нужны мы им. Не до нас...»

Приезжал как-то на завод корреспондент одной из центральных газет. Долго ходил, смотрел, с рабочими разговаривал. Потом признался, хотел, мол, рассказать, как без партийной организации завод в прорыве оказался... Так и не вышла статья.

— Не надо хозяйственников в политику, не надо политиков на хозяйство. Но понимать друг друга мы должны. А выбирая президента, и я и себе, и заводу обязан завтра обеспечить.

«В Твери начались тихие и мирные предвыборные баталии»,— прочла я напоследок в местной газете. Будут ли они такими же дальше — не знаю. И как голоса распределятся, и сколько оттянут на себя от двух основных (во всяком случае, по Твери судя) претендентов остальные, тоже предсказать не берусь.

Только и в этих сценах провинциальной жизни вперемежку с дождем и политикой, пустыми прилавками и маетой человеческих сомнений мы живем не вчера и пока не завтра. Сегодня. Кто-то погромче, кто-то потише. И Бог его знает, может, главное происходит в нас, когда кажется, что ничего не происходит...

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС» ПОДНИМАЕТСЯ

20 мая Верховный Совет страны 321 голосом против 37 и при 32 воздержавшихся одобрил наконец после полутора лет работы Закон о порядке выезда и въезда в СССР советских граждан. Наш корреспондент Геннадий ЖУКОВЕЦ попросил прокомментировать это событие заместителя министра иностранных дел СССР Владимира Федоровича ПЕТРОВСКОГО.

— Свершилось. Живущие на одной шестой части земной суши обрели новую степень свободы. Но мы все еще не ощущаем ее. Может быть, вам, профессионалу-международнику, легче объяснить, что пришло к нам всем вместе и к каждому человеку в отдельности 20 мая?

— За всю историю нашего государства, и дореволюционную, и послереволюционную, страна такого закона не имела. Впервые жители СССР обрели в законодательном порядке право на въезд в любую страну мира. Мы, собственно, получили закон, защищающий наши естественные права оставаться самим собой, быть хозяевами страны, собственного дома и собственной судьбы. Мы отбросили еще одну нелепость тоталитарной системы, когда кто-то, руководствуясь некими высшими интересами, решал за нас, в какой стране нам жить, работать, отдыхать, лечиться...

Теперь свое право на въезд и выезд каждый гражданин СССР будет осуществлять по заграничному паспорту, который выдается государственными органами. И что крайне важно: любой гражданин не может быть произвольно лишен этого права. Паспорта будут выдаваться сроком на 5 лет и по мере надобности продлеваться.

— Значит, завтра можно подать заявление на получение паспорта, заказать билет на поезд или самолет — и в путь! Ну, скажем, на Багамские острова...

— Само постановление и время вступления закона в силу были предметом острых дискуссий в парламенте. Некоторые народные депутаты предлагали сначала решить транспортные или экономические проблемы, а уже потом ставить вопрос о свободе передвижения граждан. Они ставили закон в зависимость от механизмов его исполнения.

Хотя закон вступает в полную силу через полтора года, в постановлении Верховного Совета сделана существенная оговорка. Кабинету министров СССР поручено в двухнедельный срок внести в Верховный Совет предложения о поэтапном введении в действие некоторых его статей. А до его полного вступления в силу граждане, заявившие о выезде из СССР на постоянное место жительства в другую страну, должны представить либо приглашение от родственников, постоянно проживающих за границей, либо разрешение на въезд от принимающей стороны.

Это, по существу, уже сегодня коренное изменение структуры нашей выездной системы, основой которой является обязательное наличие приглашения.

— Не получится ли так, что граждане, прожившие всю жизнь за «железным занавесом», решат все разом вкусить дух свободы, даруемый законом? Нет ли опасений, что страна лишится многих энергичных и талантливых людей, которые попытаются реализовать свой потенциал в других странах?

— При обсуждении проекта закона именно эта проблема «утечки умов» занимала едва ли не центральное место. Высказывались такие суждения, что право покидать страну приведет к массовому оттоку интеллигенции. Приводились различные оценки, согласно которым за 10 лет, например, из СССР на постоянное жительство в зарубежные страны может выехать до 7 миллионов человек, из них не менее миллиона специалистов и 1,5 миллиона квалифицированных кадров. По другим данным, уже в 1991 году в случае принятия закона в поисках работы за границу отправятся до 2 миллионов человек. При этом указывалось на опасность необратимого исхода элитарного слоя научных кадров, который может подорвать и серьезно нарушить базу общенациональной науки СССР.

Такие прогнозы навряд ли обоснованны. Прежде всего те, кто их составлял, не брали в расчет решающее обстоятельство: объем этих потоков будет определяться не пожеланиями советских граждан, получивших загранпаспорта, а иммиграционной политикой принимающей страны. А в большинстве развитых стран (США, Великобритания, Франция, Италия, Австрия, Швеция, Австралия, Новая Зеландия, отчасти ФРГ) наблюдается тенденция к ужесточению внутренних условий в отношении приема иностранной рабочей силы. В некоторых странах (США, Австралия, Норвегия) установлены квоты на въезд иностранцев. И повсеместно к соискателям предъявляются жесткие требования (специальность, профессиональные навыки, знание языка, состояние здоровья), которые станут естественной помехой оттока наших специалистов.

В целом же растущее беспокойство в странах Европы, а также США перед предполагаемым наплывом рабочей силы из СССР побуждает правительства продумывать и принимать законодательные и административные меры по предотвращению нерегулируемого потока мигрантов.

Конечно, с принятием закона к основной массе эмигрантов из СССР, которую составляют группы по национальным признакам — евреи, немцы, греки, армяне (по данным УВИР МВД СССР, за 1990 год из страны на постоянное жительство выехали 450 тысяч человек),— добавятся лица, которые будут выезжать за границу на условиях трудового найма. По оценкам Центра социально-стратегических исследований (Москва), их количество составит около 2,5 миллиона человек на ближайшие 10 лет.

Но даже возможное увеличение выездов и в определенной мере «утечка умов» не могут быть основанием для того, чтобы ставить под сомнение сам принцип свободы выезда из своей страны. Мы делаем еще один шаг к цивилизованности, к стандартам передовых демократических государств.

— Наверное, можно уповать и на то, что из страны не уедут специалисты, которые обладают военными, государственными, технологическими секретами? Как правило, это люди высокой квалификации.

— Тысячи ненужных «секретов» — удел тоталитарных режимов. И у нас дело доходило до абсурда. Прикоснувшись к какой-либо из этих «тайн», люди на 20—25 лет лишались права выезда. Я не говорю уже о перемене места жительства. Свой отпуск эти люди не могли провести в другой стране, не могли воссоединить семьи. Сейчас законом твердо определено, что, если человек является осведомленным в сведениях, составляющих государственную тайну, выезд ему может быть не разрешен на срок, не превышающий пяти лет. Этот срок соответствует международным стандартам. Только в отдельных случаях он может быть продлен комиссией, образованной Кабинетом министров СССР.

— В печати сообщалось, что около 50 миллионов иностранцев желают посетить нашу страну. Кроме того, в СССР по трудовым соглашениям работают иностранные граждане из Вьетнама, Болгарии, КНДР, других стран, и, судя по всему, им у нас работать выгодно. Выражается тревога, не захлестнет ли СССР волна въездов, с которой мы не справимся?

— Хорошо, что вы задали этот вопрос. Многие заблуждаются относительно того, что новый закон распространяется и на иностранцев. Совсем нет. Он касается только граждан нашей страны. Или бывших наших граждан, которых по разным причинам и в разное время лишили гражданства. Теперь осуществляются меры к тому, чтобы они могли, если пожелают, восстановить свое право считаться гражданами СССР.

Хочу отметить еще момент, важный для тех лиц, которые по разным причинам покидают нашу страну. Переселяющиеся из СССР в Израиль теперь автоматически не лишаются советского гражданства, как это было раньше, а имеют право сохранять прежнее гражданство. Такое решение устраивает не только Израиль, но и арабские страны, которые также выступают против того, чтобы этих людей отрывали навсегда от нашей страны.

— Несомненно, что новый закон привлечет внимание мировой общественности, правительств ряда стран. Что можно сказать о его значении в международных отношениях?

— С принятием Закона о въезде и выезде СССР выходит на уровень развитых демократических государств мира на одном из важнейших гуманитарных направлений. Мы — равноправные участники мирового процесса гуманизации мирового сообщества, расширения прав человека.

Для меня знаменательно то обстоятельство, что закон принят в канун 70-летия замечательного ученого и правозащитника Андрея Дмитриевича Сахарова. И международный конгресс, посвященный его памяти, по существу, открывает серию мероприятий по линии общественности, которые будут проводиться в Москве в связи с предстоящей в сентябре — октябре Московской гуманитарной конференцией в рамках общеевропейского процесса, которая продолжит развитие общеевропейской концепции прав человека. Созданные в Европе и в ООН высокие международные стандарты вполне отвечают интересам цивилизованных стран и в то же время открыты для их синтеза с национальными особенностями.

Отрадно, что общественность страны, наши законодатели начинают все больше осознавать необходимость вхождения в сообщество цивилизованных государств. И на этом пути не нужно изобретать собственный велосипед по части новых законов.

АНАТОМИЯ ОДНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА: СОЦИАЛИЗМ В КАЖДОМ ДОМЕ

...Из номера в номер перечитываю «Огонек» и диву даюсь — ни одной публикации, ни одного письма, ни одной строчки в защиту нашего доброго, старого, социалистического времени.

А. ТЕРЯЕВ
поселок Шамлуг, Армения

...Работать умею и люблю. Но хочу работать, чувствуя себя свободным человеком, и, естественно, зарабатывать. Хоть от нужды немного освободиться и чтобы дети не чувствовали себя ущемленными. Хорошо было бы работать с таким человеком, как Артем Тарасов...

А. КУЗЬМИНА
Москва

...Сталин — это признанный, заслуженный международный гений. С ним победили фашизм, разруху и врагов народа. С энтузиазмом трудились, укрепляли индустрию и сельское хозяйство, радовались наполнению прилавков. Вышли по всем показателям на передовые позиции в мире.

Ю. ВАКИН
Волгоград

«Дедушка, кто такой Ворошилов?» — спросила меня моя внучка, прочитав название улицы. Я вспомнил о тысячах угробленных по его вине солдат. Что мне ответить девочке?

В. ВЛАДИМИРОВ
г. Липецк

...Я, дочь крестьянина-бедняка, заявляю на весь мир: все, что было у нас хорошего за 70 лет, дал нам Октябрь 1917 года. Прежде всего это свобода от богатеев-угнетателей. Я родилась при Ленине, жила 73 года с Лениным и умру с Лениным в сердце.

А. НИКОЛАЕВА
с. Борино, Липецкая область

...Мой отец, комбриг Василий Петрович Стольник, был арестован в 1938 году в феврале, а в апреле того же года был расстрелян. Я ознакомился с уголовным делом. Обвинение в духе того времени — вредительство, связь с «врагами народа» и прочее. Подписи отца под протоколом я не увидел. Видимо, до расстрела папа не дожил, погиб во время пыток... После реабилитации мне вернули орден Ленина, которым папа был награжден незадолго до ареста. Отца мне не вернут никогда.

В. СТОЛЬНИК
г. Нововолынск

...Мы не были и не хотели быть захватчиками, мы воевали за честь и свободу братских нам латышского и литовского народов. Платили за это огромной ценой — жизнями своих боевых друзей, а теперь нас называют «оккупанты»...

С. ГРОШЕВ,
подполковник в отставке, инвалид Великой Отечественной войны
г. Муром

...Горбачев объявил перестройку, только он не предполагал, во что это выльется. Он объявил свободу, а так называемые демократы, вместо того чтобы на него молиться, плюют на него.

Н. БИДНЕНКО
пос. Кузьмоловский, Ленинградская область

...Предлагаю учредить приз журналистам за лучшую верноподданническую работу. Приз назвать «Тридцать невзоровиков». На лицевой стороне — профиль знаменитого журналиста, на обратной — надпись «За усердие».

А. ЛЕВИЦКИЙ
Симферополь

...Я вспоминаю всю свою жизнь — и энтузиазм 1955 года, когда рванула поднимать целину, и стремление к знаниям, и бесконечные командировки, и желание «все взять на себя». И нищенские оклады, талоны, карточки... Не было в этой жизни, кроме семейного счастья, ни одного счастливого дня.

И. АРАКЕЛЯН
Кривой Рог

...Я всей душой за единый Союз, но непременно на добровольной основе, в противном случае будет воссоздана все та же империя на штыках, которую мы имели с 1917 года. Я голосовал против такого Союза и одновременно против его социалистической направленности. Невозможно изменить звериную сущность волка, какую бы овечью маску на него ни напяливать.

В. ИГНАТОВСКИЙ
Москва

...Все это Нина Андреева называет великими достижениями социализма.

Г. СОРОКИНА
Шадринск

■

Раб, попирающий раба. Еще в школе, следя за процессом деколонизации, я никак не мог взять в толк: как это вчерашний раб, обретя свободу, думает не о том, как облегчить участь других рабов, а, напротив, о том, как еще более их унизить? И лишь значительно позже я понял, что тот, кто стал рабом не по положению, а по сути, видит единственный способ поднять себя в собственных глазах — унизить тех, кто оказался ниже его. Ему кажется, что он поднимется тем выше, чем более унизит другого.

Именно этим духом и заражена сейчас армия. Давно прошли те времена, когда красноармеец был в почете у тех, кто наверху и кто внизу. Служба, даже в самых престижных войсках, воспринимается как тяжкая повинность — порой даже хуже, чем заключение: там можно хотя бы заслужить сокращение срока, а тут...

Откуда же это берет начало? Спросите у любого хулигана, беспричинно избивающего малышей, и он наверняка ответит, что его били еще хуже. Это легко переносится на закрытую среду — в интернаты, места заключения, в армию. Это давно стало привычным для руководителей этих структур, считающих, что иначе и быть не может. А как же иначе? Что, офицера не бьют? Еще как! Пусть не сапогами, но инсульт после «ковра» разве легче сломанной челюсти? Или, может быть, генералов не бьют? Я могу назвать не один случай инфаркта после «разговора» у главкома.

То, что мы видим на поверхности и называем «дедовщиной», корнями уходит глубоко, питая все «дерево». Однако и «дерево дедовщины» не росло бы, не будь «почвы». А она отчетливо проявилась, когда отдельные нации ощутили свою несвободу в нашей «самой свободной» стране. Молдова, восстав против «слияния наций», заменила латинским алфавитом кириллицу и тут же начала давить более малочисленную народность — гагаузов. А Грузия? Возжелав самоопределения, она начисто лишила этой возможности абхазов в 1989 году. А когда Южная Осетия заявила о своих правах, то вольнолюбивая Грузия стала давить осетин всеми возможными способами. Может, ей стоит задуматься о том, что народ не может быть свободным, если стоит на несвободе другого?

Так что, прежде чем решать проблему «дедовщины» в армии, надо решить массу аналогичных вопросов в обществе, а главное — научиться «по капле выдавливать из себя раба». Жаль только, что капель этих — море...

В. ХАРАБЕРЮШ,
полковник запаса,
ст. научный сотрудник,
кандидат наук
Житомир

■

Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов» от 13 августа 1990 года — первый законодательный акт, в котором вспомнили о самой многочисленной массе репрессированных в те годы — о крестьянах. Он постановляет: «признать незаконными... репрессии в отношении крестьян... и полностью восстановить права этих граждан».

Я, сын раскулаченных, высланный вместе с родителями, восторженно встретил этот Указ. Приехав на родину, увидел, что еще цел деревянный дом отца. Нашел свидетелей-долгожителей, хорошо знавших нашу семью. Обратился с просьбой о реабилитации в местную прокуратуру и в Прокуратуру РСФСР, в ее 1-й отдел. Там разыскали архивные сведения на моих родителей. Они чудовищны и смехотворны. Вспомнил, как меня выбросили на улицу в январский мороз 1930 года. Как прошел ссылку, бродяжничал, учился. С 1942 года воевал, был награжден боевыми орденами, стал членом КПСС, списан с военного учета в звании капитана. Конечно, я не мог удержаться и обратился с исковым заявлением о возвращении дома отца по праву наследования. Ответ был следующий: «Определением Сысертского райнарсуда Свердловской области от 4.02.91 года отказано в принятии искового заявления в отношении имущества Ваших родителей, раскулаченных в 1930 году, так как, согласно директиве ВЦИК № 757 от 29.09.37 года, прием и рассмотрение ходатайств о возврате имущества раскулаченных, изъятого до 1934 года, прекращен и не подлежит рассмотрению в судах. Оснований для опротестования данного определения прокуратура района не находит».

Естественно, возникает вопрос: по законам каких лет мы живем? Каковы же «права этих граждан», упоминаемых в Указе от 13 августа 1990 года? Наши отцы и матери были сломлены и погибли. Неужели и нам не удастся восстановить справедливость?

Н. НЕЧАЕВ
г. Экибастуз

■

Постоянство. В одних случаях это замечательное качество, в других — сродни тупости. К этой мысли поневоле приходишь, листая учебник по новейшей истории, вышедший в издательстве «Просвещение» в 1989 году. Возможно, аналогичные учебники последующих лет будут диаметрально отличаться от этого эталона постоянства, но сегодня ученикам средних школ приходится иметь дело именно с данным источником знаний.

Так, на страницах 66, 67 можно почерпнуть информацию о том, что в 1968 году в Чехословакии «праворевизионистское направление в КПЧ и антисоциалистические силы образовали политический блок, получивший поддержку международного империализма... в ЧССР возникла угроза контрреволюционного переворота». И появление советских танков на улицах Праги было, как следует из учебника, большим благом для наших заблудших братьев.

На страницах 112 и 113 мы узнаем о чудовищном кризисе капитализма, который вот-вот поглотит в своем чреве загнивающее буржуазное общество. Уж кому, как не нам, судить об этом их кризисе с высоты наших пустых прилавков, обмотавшись, как керенками, серпантином из павловских сторублевок. И, наверное, американцы давно сгинули бы в пучине перепроизведенных товаров, если бы не компартия США, которая, как можно почерпнуть на странице 126,

тоже хочет быть руководящей и направляющей силой. Ох и трудно ей приходится, бедной. подталкивать к революции пролетариат, которому империалисты в целях оболванивания платят 2—3 тысячи долларов в месяц!

Достойное место отводится в учебнике роли КПСС в построении коммунизма, к которому книга нас обещает обязательно привести. Возможно, это предсказание и в самом деле сбудется, во всяком случае. один из главных признаков коммунизма — отмирание денег — уже почти налицо. Судя по всему, следующим этапом должно быть отмирание населения, но об этом замечательный учебник под редакцией профессора В. Фураева кокетливо умалчивает. Хотелось бы пожелать и профессору, и всему творческому коллективу дальнейших успехов. И пусть сегодня наши школьники, читая этот учебник, издевательски смеются. Посмотрим, как они будут смеяться завтра: ведь именно им, по товарищу Фураеву, жить при коммунизме.

И. СМИРНИЦКИЙ
Калуга

■

В настоящее время я являюсь офицером и прохожу службу на Байконуре, в городе Ленинске Казахской ССР. Уже в течение года я борюсь с Министерством обороны в надежде осуществить свое гарантированное Конституцией право на свободный выбор профессии. В Вооруженные Силы попал случайно — был переведен с 4-го курса гражданского вуза в военный институт в Ленинграде. Сотням таких, как я, отказывают в увольнении, нарушая декларацию ООН о правах человека и Хельсинкское соглашение от 1975 года, подписанное в том числе и СССР. В настоящее время на Байконуре образовалась целая армия людей, категорически не желающих продолжать службу.

В моей беседе с чиновником из Главного управления космических средств мне угрожали тюремным заключением, если я буду участвовать в демонстрациях протеста. На мои письма Президенту СССР, Верховному Совету СССР, министру обороны, Комиссии Конституционного надзора я получал ответы из того же московского управления космических средств, начинающиеся «Ваши письма Президенту и т. д... нами рассмотрены...». На мои запросы в международные правозащитные организации ответа нет.

Все это доказывает, что положение с правами человека в СССР, их соблюдение остались на уровне застойных лет, когда травить людей за инакомыслие считалось чуть ли не гражданским долгом. Сейчас я намерен дискредитировать звание офицера, чтобы таким образом покинуть армию, так как делать мне больше нечего.

И. МИХОВ,
ст. лейтенант
г. Ленинск

■

Мы, ученики 8 «Г» класса средней школы № 18 города Тореза, не хотим читать наизусть на экзамене по русской литературе отрывок из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», который называется «Партия и Ленин». В нем поэт с упоением прославляет «громящий кулак» большевистской партии. Кого собирается громить этот самоуверенный идеолог новой жизни? Уж не того ли мужика, который в ужасе организованного голода изо всех сил выращивал хлеб и вопреки всякому здравому смыслу все-таки кормил громителей? А чего стоит строчка в общем-то талантливого поэта о том, что «...завтра царства стираю в карте я»! Человек, принадлежащий к партии, которая объявила «мир народам», бесцеремонно заявляет о возможности уничтожения других государств. И еще рифмует свое хладнокровное признание с «величественнейшим», по его собственному выражению, «словом ПАРТИЯ»! Мы считаем это стихотворение безнравственным и отказываемся отвечать его на экзамене.

34 ученика 8 «Г» класса
школы № 18 города
Тореза Донецкой области

■ **ОТКЛИК**

В «Огоньке» № 17 прочитал статью В. С. Павлова «Отойти от края пропасти — доспорить можно потом». Интересны его мысли, и не только об экономике, но и об истории России, СССР. Не претендуя на всесторонний анализ данной статьи, хотел бы высказаться по двум пунктам, которые с учетом уроков нашей истории несколько настораживают.

Первое. Для решения продовольственной проблемы, для соединения земли «с трудом для тех, кто хочет ее обрабатывать», В. С. Павлов прежде всего предлагает «увеличение размеров приусадебных участков... всем желающим жителям сельской местности». Значит, заранее планируется, что 6, 8 или 10 часов работы в колхозе и совхозе — это не есть соединение труда с землей? Тогда что это? Поденщина, существовавшая многие десятилетия? По-моему, это косвенное признание того, что сегодняшние колхозы и совхозы лишь идеологические фетиши, и не более.

Второе. О соотношении групп «А» и «Б» в экономике. То, что без «А» невозможно «Б», понятно мало-мальски грамотному человеку. Но примеры группы «Б» приведены В. С. Павловым по меньшей мере некорректно. В них главным образом предметы не самой первой необходимости: «сложная бытовая техника, видеомагнитофоны, легковые автомобили». Для десятков миллионов людей нашей страны обувь, одежда — вот что главное. Зачем же лукавить? Или в который раз нас призывают к индустриализации ради самой индустриализации?

И. КУРЕНКОВ,
кандидат философских наук
Москва

■

Символ профсоюзов как «школы коммунизма» — ВЦСПС — приказал долго жить в конце прошлого года. Ставшая притчей во языцех, эта неповоротливая, бюрократическая машина, размещавшаяся в здании Дворца труда на Ленинском проспекте, имела 18 отделов и управлений, 8 рабочих групп и комиссий. Общая численность штата сотрудников ВЦСПС даже после предшествовавших «кончине» неоднократных сокращений составляла 750 человек.

Ликвидировав ВЦСПС, делегаты XIX съезда профсоюзов СССР приняли решение образовать на его месте (все в том же Дворце труда) Совет Всеобщей Конфедерации профсоюзов СССР. По сообщению «Вестника профсоюзов» № 2 за 1991 год, это не просто смена вывески: количество подразделений нового профцентра по сравнению с ВЦСПС уменьшилось в два раза, а число штатных работников — в 2,5 раза. Как сообщил недавно в интервью газете «Труд» председатель ВКП СССР Владимир Щербаков, работавший ранее зампредом ВЦСПС, в штате Совета Конфедерации сейчас работают 230 человек.

Между тем существуют и другие цифры. На учете в парторганизации Совета ВКП, например, состоит 660 человек. Зарплату, по данным бухгалтерии, в феврале получали 400 человек. И еще одна любопытная деталь: сегодняшний аппарат Совета ВКП СССР занимает в здании на Ленинском проспекте... 560 комнат. Попробуй узнай, сколько чиновников в этом профсоюзном органе на самом деле.

Такие вот тайны профсоюзного Дворца...

В. КОРНЕЕВ
Москва

■

Тридцатые годы навсегда врезались в мою память. По утрам черные репродукторы громогласно объявляли о том, что в мире больше нет такой страны, как наша, «где так вольно дышит человек». И мы, юные ленинцы, бодро шагая в изодранных сандалиях, бесконечно гордились своей державой. И не понять нам было, почему у взрослых такие испуганные лица, почему мать провожала отца на работу с глазами, полными слез. Почему вечерами пустели улицы и наступала гнетущая тишина, иногда прерываемая шумом отъезжающей машины, которую взрослые почему-то называли «черным вороном»... А утром все повторялось сначала: сияло солнце, ревели репродукторы. И жизнь казалась прекрасной.

На 74-м году Советской власти Л. П. Кравченко снова решил повеселить советский народ, уставший, по его мнению, от политики. Детские годы я вспомнил не зря. Опыт сталинско-ждановского оболванивания народа полностью соответствует «доктрине» Л. П. Кравченко. Что ему стоит дать команду транслировать по всем радио- и телеканалам с утра до ночи бодрящую музыку, в том числе песни и марши 30-х годов? А чего, спрашивается, грустить? Что полки в магазинах пустые? Зато «черные вороны» не рыщут. Что нормы выдачи продуктов по карточкам с каждым месяцем уменьшаются? Так ведь гуманитарную помощь из-за границы получаем! Вот теперь еще установим мощные репродукторы в наших городах и селах где-нибудь поблизости от продовольственных магазинов, и, глядишь, приплясывая под бодрую музыку, люди сами запоют: «Эх, хорошо в стране Советской жить!»

Веселиться так веселиться!

Б. АБАЛИХИН,
доктор исторических наук,
профессор
Волгоград

■

В прошлом году я подписался на ряд газет и журналов, заплатив крупную сумму денег, то есть заключил с Министерством связи договор на доставку мне подписных изданий, среди которых «Огонек», «Известия», «Аргументы и факты», «Московские новости» и другая периодика. Вступив с данным ведомством в правовые отношения, я предполагал, что корреспонденция, которую я подписал, будет доставляться мне своевременно. Однако этого нет. Газеты я получаю с опозданием в 3—4 дня. На почте это объясняют тем, что некому их носить, нет почтальонов, так как мала зарплата. Деньги же, полученные за возросшую подписку, пошли на повышение окладов руководящим кадрам. Я не против того, чтобы министр связи лично приносил мне газеты, но я в это не верю. Поэтому прошу его наладить мне доставку газет и журналов в срок, в противном случае хотелось бы получать неустойку, как это принято во всем цивилизованном мире.

Н. ЛЕОНТЬЕВ
Москва

■

Я хотел бы обратиться к нашим государственным руководителям с одним главным вопросом: когда, через сколько дней или лет закончится этот глобальный опыт по построению социализма? Я не спрашиваю обо всем «едином и обновленном», а лишь о России или, если хотите, только о Карелии, где я живу. Ведь нам уже нечего есть, нечего надеть, с нас уже нечего содрать. Бессмысленно сравнивать нас с зарубежом. Жаль, что не отделилась Карелия вместе с Финляндией! Очень хотелось бы получить ответ на мой вопрос. Жить мне, если Бог даст, еще довольно долго, и, если планы по построению коммунизма простираются на всю мою оставшуюся жизнь, я прошу уведомить меня об этом сейчас. В этом случае мне придется менять взгляды на жизнь, ломать пока еще живущие во мне моральные устои и учиться добывать средства к существованию новыми способами. И уж можете мне поверить, я сделаю все, чтобы побольше урвать и поменьше отдать. В крайнем случае уйду за границу. Поймите, что я не желаю и не буду строить социализм, и никто меня не заставит это делать. Если уж так хотят, пусть строят его сами, своими руками, но только без меня. Таких, как я, очень много, гораздо больше, чем наши коммунистические лидеры, судя по всему, думают.

К. ПОПОВ
Петрозаводск

Ирина ВАСИЛЬЕВА,
сценарист, член Союза
кинематографистов СССР

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС МОЛЧАНИЯ

Несколько лет назад кто-то там у них объявил забастовку, то ли итальянские, то ли американские кинематографисты. Не помню, где и почему, но помню, что они своего добились — это они-то, разобщенные индивидуалисты, прагматики, не ведающие чувства локтя.

А наш несчастный кинематографический бойкот Центрального телевидения практически провалился. Нет, на отдельных участках произошли отдельные победы. Но в процессе праведной борьбы удручающе заголилось для всех нечто наше сокровенное, на мой взгляд, стыдное, перевесившее выигрыш. Время прошло. Чего теперь ворошить? Какой бойкот? Зачем? А затем, что был он, боюсь, не последний.

Мы же ведаем чувство локтя. По собственным ребрам. Все выросли в коллективе и до сих пор не можем вернуться из внутренней эмиграции. Хочешь осадить человека, не надо изысканных матерных выражений. Последнее время все наши групповые споры кончаются одним: «Сам большевик!» — «От такого слышу!» Мы были и остались очень несвободными людьми. Уже вроде разулись, а большевистский пузырь долго еще будет ныть на ноге и не давать нормально двигаться. И разве не из этого большевистского комплекса родилась извиняющаяся формула: каждый участвующий в бойкоте Центрального телевидения волен выбирать любую приемлемую для него форму. Какую любую, хочется спросить со всей большевистской прямотой? Могу ли я считать себя участницей бойкота, если я просто не смотрю телевизор? Является ли формой участия в бойкоте, если я, заметив на экране телевизора товарища Кравченко (чтобы не показалось слишком частым склонение имени Кравченко, предлагаю считать его именем нарицательным или единицей штатного расписания), пульну в него из рогатки? Могут ли считать себя участниками бойкота те кинематографисты, которые бойкотировали телевидение с самого его рождения на Шаболовке, потому что их туда не приглашают.

Может быть, это примитив, но я считаю, что участие в бойкоте — это сознательная жертва. Как, скажем, голодовка в знак протеста не может происходить в форме отказа от спиртного или мясо-молочного. Тогда это будет называться диетой или постом. Так и в благородной акции Союза кинематографистов важно решиться, участвовать или не участвовать, и важно знать, что ты не один.

Мне повезло. Мне было чем пожертвовать: я отказалась от участия в передаче, которая была мне достаточно дорога. Это жертва ничтожная, почти незаметная. Мужик на барина обиделся, два года с ним не разговаривал, а тот и не заметил. Впрочем, если много мужиков? Тогда барин начинает нервничать, тогда он все чаще является на безоблачном фоне кастрированного им, нафталинного телевещания и вынужден что-то объяснять, почти оправдываться. Уступать, наконец, сдавать позиции.

Но если думать о народе — а думать о нем прямая обязанность большевиков,— то деятели мелкого творческого калибра для него статисты. Жертвуем, не жертвуем, народу все до фени, все тошно. Можно воровато, против воли затиснуть в «ящик» Элема Климова — это козырь, можно выставить на позор как-то психотропно приторможенного Хазанова — все равно экран покажет — человек явно не в себе, можно подать на воскресный десерт неизменного Петра Черняева. Это ничего. Но серьезным ударом было бы исчезновение из «Кинопанорамы» и «Киносерпантина» Виктора Мережко и Марка Захарова, а наших киногенералов, на которых у зрителя рефлекс. Последний был принципиально не согласен с идеей бойкота, но терпеливо отсиживал до конца на собраниях кинематографистов, убеждал, выдвигал серьезные культурные контраргументы. Про Мережко же Андрей Смирнов давал бодрящую информацию: его нет среди нас только потому, что он в отъезде. Дескать, вот приедет Витя, Витя нас поддержит. И очень, признаться, этого хотелось.

Две главные кинопередачи воспринимаются зрителями как персональные передачи их ведущих, они очень авторитетны, не заметить их исчезновения, наверное, не смог бы даже участник боев за Цусиму, проживающий в районе падения Тунгусского метеорита. Кравченко без них, как без штанов.

И вот выходит «Киносерпантин» без Захарова, где фиговым листочком сияет милое лицо гардемарина. Свято место пусто не бывает. Марк Анатольевич не погнушался решением общего кинематографического собрания, самоумалился, как большой, свободный человек. Молча.

Бывают времена, когда слова не срабатывают и в какой-то момент нужно поступать молча. Так, в 30-е годы из Германии молча отчалили лучшие люди. На их место, конечно, быстро пришли говорливые штрейкбрехеры, готовые сотрудничать с режимом. Какими доводами они возбуждали себя? Наверняка красивыми, правильными, вечными. Про то, что нельзя бойкотировать искусство, что нужно быть с народом, используя самую малую возможность влияния на умы, что художник выше любой политической реальности. Все это, конечно, так, только важен контекст. О, сегодня не пойте мне песен про народ, про разумное, доброе, вечное, про свободу художника, скажите: я жаден и тщеславен. И я пожму вашу мужественную руку.

Впрочем, Жигунов, легши грудью на амбразуру осиротевшего «Киносерпантина», об абстракциях, наверное, и не думал, просто попросили заменить Захарова, он и согласился, на то и артист, спасибо.

Виктор Иванович Мережко не думать не мог и, появившись в очередной «Кинопанораме», как бы должен был объясниться. Не отрывая глаз от телесуфлера, он и исполнил это, достаточно дежурно, достаточно формально, в рамках той самой общего пользования аргументации. И дальше полилось разумное, доброе, лояльное. А ты сидишь и, ненавидя себя за тяжелые пережитки пионерского прошлого, пытаешься умерить глупую обиду на этого талантливого, благополучного, умного человека, пытаешься понять его логику.

Да кто они такие, чтобы навязывать ему поступки, чтобы судить его? Заполошенные, безответственные политиканы, неудачники и бездари. Широк круг этих революционеров, страшно близки они к народу! В стадо сбиваются от серости, от неуверенности. Кричат про народ, про демократию, а по сути большевики. Компенсируют в политике собственные комплексы и других давят. Между собой перегрызлись. Чтобы окончательно развалить Союз кинематографистов, им только бойкота не хватало! Почему он должен плясать под их дудку? Пускай Некрасов пляшет, который разрешил поэтам не быть поэтами, но призвал к гражданственности!

Наш Союз болен. Потому что и все остальное перестало быть Союзом. Но кинематографисты, которые взорвали на своем V съезде всю культурную ситуацию в стране, продолжают оставаться, пожалуй, единственным форпостом сопротивляющейся интеллигенции. Как бы там ни было, это реальность, данная в ощущении и Гельману, и Герману, и Абдрашитову, и Климову, и Соловьеву, и многим, многим известным, порядочным, талантливым. Кто-то из них за бойкот, кто-то против, кто-то сомневается, но, чтобы не усугублять ситуацию междоусобицы, на телеэкране они не появляются. Ход мысли может быть разным. Результат один — либо ты с «плохими» своими, либо ты с «хорошим» Кравченко. Кто-то может быть сам по себе, но тем, кто на виду, этого, увы, не дано, тот, увы, в политике, и не надо лгать себе.

Можно ли считать, что ты поднялся выше злобы дня цехового диктата ради зрителя, ради проникновенного общения с ним, когда ты вписан в структуру такого телевидения, которое будет терпеть тебя до тех пор, пока ты обслуживаешь его с его антикультурной программой и власти с их антинародной политикой? В лучшем случае тут можно считать, что ты этакой гибкостью сохранил вечный российский расклад, когда добро торжествует, а зло побеждает. Уже хочется, чтобы «восторжествовал» наконец Кравченко, а не добро.

Что до зрителя, опять лукавство и высокомерие таких до боли знакомых формулировок старого Госкино, как «зритель не поймет, зритель не простит». Он тоже способен на жертву и терпение, и, взяв его в союзники по бойкоту, разве не большего контакта можно было достичь, чем когда ты являешься перед ним забавником в антрактах порочащего тебя официозного действа.

Слаб человек. Художники не терпят насилия, художники любят любовь. Когда приходят времена цензуры, любимчиков употребляют тоже, разве только не так грубо, со словами о любви, в укромных местах, где наливают даром. Даже если у вас очень счастливая природа таланта — вспомним добродушного сказочника Эльдара Рязанова, кстати, предшественника Мережко по «Кинопанораме»,— вас будут лаской ли, подлостью склонять к любви. Рязанов, исчерпав возможности компромисса, не дался, ушел. Популярности, возможно, поубавилось. Уважения — наоборот.

Может быть, стоило еще подождать. Когда бы начали грубо приставать, когда бы стали резать передачу, когда бы стреляли не в Вильнюсе, а поближе к дому, к детям, когда бы Кравченко рассосался бы сам собой, когда бы Союз кинематографистов стал бы вдруг сообществом сплошь талантливых, бескорыстных, приятных людей.

Я действительно не знаю, может быть, можно было еще немного ждать. Чтобы бойкот не получился столь горячечно, опрометчиво не продуман. Только, если не быть идеалистами, и сидели бы, и продумывали бы, и ругательски ругались бы до бесконечности. Да что в нашей жизни возможно продумать, если — рискованное сравнение — и сам Президент штампует Указ за Указом, не может ни дня без строчки Указа, которые сам же вскорости отменяет?

И мы такие, одним миром мазаны. Именно интеллигенция достойна своего правительства. Бойкот явился и тут же запылился. Каждый поддержал его в «приемлемой для себя форме» — удобной и привычной форме осуждения правительственного насилия, в форме кулуарного возмущения,— и потянулись на телеэкраны, ревниво глядя друг на друга: «ему можно, а я что, дурак?»

И все-таки я считаю, что бойкот был нужен. Даже если был изначально обречен. У нас это обыкновенно, у нас не бывает чистых исходов из конфликтов русской жизни. Трудно проскочить. Выбираем лишь меньшее из зол. Что говорить, хорошо быть богатым и здоровым, куда лучше, чем быть социально озабоченным, митингующим, в окружении небезупречных орущих людей. Для талантливого человека это серьезная опасность — слиться с голодной толпой. Политика — грязная глупая баба, и заразит, и пришибет, и опозорит, и опустошит. Недаром многие сторонятся ее. Вон из всей белорусской интеллигенции в недавних минских бунтах лишь один поддержал народ и пошел с ним на площадь — Василь Быков.

До таких проклятых дожили мы времен, когда опять встает вопрос о месте интеллигенции в жизни народа, вопрос о выборе позиции!

Да что за проклятие! Что мы делаем со словами? Уже нет неизнасилованных слов. Уже за всяким красивым оборотом мерещится глумливый призрак коммунизма. Во всяком, взывающем к общественной позиции, мерещится недобитый большевик. Чур, чур меня! Под словами же что-то еще ворочается.

«Мы привыкли, что в России лгут и раболепствуют ученые, писатели, инженеры... В России чрезвычайно трудно жить, не участвуя во лжи (и преступлении). Лучшие люди стараются свести к minimum'у этот неизбежный коэффициент лжи, а самые строгие из них находят для себя возможным и вовсе во лжи не участвовать... Но считаясь с человеческой слабостью и неизбежностью компромисса, необходимо всегда ставить вопрос о его пределах... Чем выше общественное положение лица и уважение к нему, тем меньшую (а не большую) тяжесть греха он может взять на себя. Мирянин может убить и получить прощение. Священник, проливший кровь, не может совершить литургии».

Писал хоть и не большевик, а все-таки очень определенный русский философ Г. Федотов.

■

В наше трудное, хаотичное время я хочу обратиться к разуму и сердцу «слабой половины человечества» — к женщине, дающей жизнь, красоту, гармонию, порядок. Сама природа определила ее роль на земле — созидателя жизни. Мы, женщины, занимающиеся много лет экологическими проблемами, не можем быть пассивными созерцателями всех природных бед и негативных явлений, идущих от человека. Для этого мы организуем экологическую ассоциацию женщин «За гармонию жизни» и приглашаем всех, кто чувствует в себе силу и желание, помочь нашему движению.

Женщина всегда бережно, заботливо относилась к своему очагу. И именно с этих позиций мы должны посмотреть на окружающий нас мир — наш город, наш район, наш дом. У нас разработана обширная научная программа действий человека в городах и сельской местности с учетом экологических норм жизни. Что может дать ассоциация и чем вы можете ей помочь в наших общих делах? Экологический информационный центр при ассоциации может оказывать консультации и проводить обучение. Возможны выездные школы в различные места, оказание экологической скорой помощи, конечно, с учетом наших возможностей. Мы могли бы провести экологическое картографирование, помочь повлиять на экологическую ситуацию, улучшить эколого-эстетическое состояние местности.

Чем же еще может привлекать женщин наша программа? Давайте считать себя цивилизованными людьми и обращать внимание на порядок, чистоту, дизайн окружающих нас мест, жить в гармонии с природой, ее красотой. В зависимости от вашего вкуса создавать уютные уголки природы, используя русскую национальную традицию, а также известные всему миру традиции природного дизайна Англии, Японии, Китая. Наше движение поддерживают Исследовательский центр по проблемам развития цивилизации, Госкомприроды РСФСР, Комиссия по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов Верховного Совета СССР и другие организации.

Ждем откликов, думаем, что эта проблема затронет ваши сердца.

Р. ВЕДЕНЕЕВА,
организатор экологической ассоциации женщин, доцент, член Географического общества СССР

ФАКУЛЬТАТИВ

Андрей МОКРОУСОВ

ПОПЫТКА ЖИТЬ В ПРЕДЧУВСТВИИ ИСХОДА

заметки на полях

Мы пришли. Мы вернулись.
Начнем с араратской оливы.
Арье ЮФФА

...Мы вовсе не предвидим быстрого наступления конца света. Но, кажется, определенная — и весьма многовариантная! — программа развития человечества выполнена, кажется, она исчерпала свои потенции и отработала все заложенные культурные модели. Даже сверх того. Не пора ли подвести некоторые итоги?

Попробовать очистить давно затоптанные в пыль слова и идеи от разночтений и ложных толкований. Пора, пора (пока еще есть возможность, и Иордан только блистает тонкой полоской на краю наших пустынь) остановиться, оглядеться и вернуться, может быть, на несколько стадий назад в поисках утраченных времен, пространств и смыслов.

...Итак — об искусстве арьергарда. Арьергард осознает себя в связи с определенной традицией и на определенном фоне. Фон этот складывается еще сейчас и складывался непрерывно и поступательно с начала 60-х (по преимуществу в Москве, Ленинграде и Прибалтике).

В идее искусство арьергарда полярно исходному авангардистскому принципу. Но они в равной мере полемичны по отношению к современной им действительности и культуре.

Авангард, стремясь уничтожить пределы презираемой «традиционной» культуры, неизбежно переносит свой уничижительный пафос на культуру в целом, на культуру как феномен. Стремясь прекратить разговоры, покончить с властью слова, он рассчитывается и со звуком. Авангард в этом смысле в своем пределе, в своей завершенности — абсолютная тишина «4 минут 33 секунд» Кейджа, когда музыкант все это время сидит за инструментом, не прикасаясь к нему.

Арьергард же — парадоксальная модификация самой этой культуры и последовательное и постепенное смещение ее границ. Так что точка отсчета авангардистских и арьергардистских переворотов принципиально различна — «революция» и «реставрация».

Авангард в своей агрессивности связан (и, если хотите, скомпрометирован этой связью) с прогрессистскими и позитивистскими взглядами на революцию. Его интересы сосредоточены вне, помимо и над частной личностью. Его специальная область — сфера коллективных действий, настроений и идеологий. В его логической схеме заложено опровержение авторского начала. Тотальный авангард моделирует уже не общество, а то, что называется «строй».

Авангард бестрагедиен, хотя и катастрофичен по самоощущению.

...В арьергарде же трагедия первична. А воскресение ритуала и мифа игровое, скорее это стилизация.

Авангарду присуща утопичность, поскольку сущее, сегодняшнее он опровергает с точки зрения гипотетического, логически выведенного завтра, которое реально еще не существует, но в авангарде уже обретает некую авторитарную безусловность.

...Тогда как арьергард обращается к прецедентам. В конфликте с современной ему реальностью он уходит в прошлое и ищет в прошлом некие объективные ракурсы, в которых границы современного будут подвергнуты творческому сомнению, остранению, смещению и... может, и вовсе отменятся? Арьергард по духу своему консервативен и «реакционен». Завтра для него нет и не будет: длящееся сегодня — ирреально, неподлинно. Поэтому арьергард строит свою, параллельную реальность, обращаясь к архетипам и культурному багажу.

Авангард и арьергард принадлежат к разным типам культур. Авангард — к «восходящим», открывающим новый или кажущийся новым, способ полагания смысла. Арьергард — к «нисходящим», являющимся «под занавес» развития той или иной культурной модели.

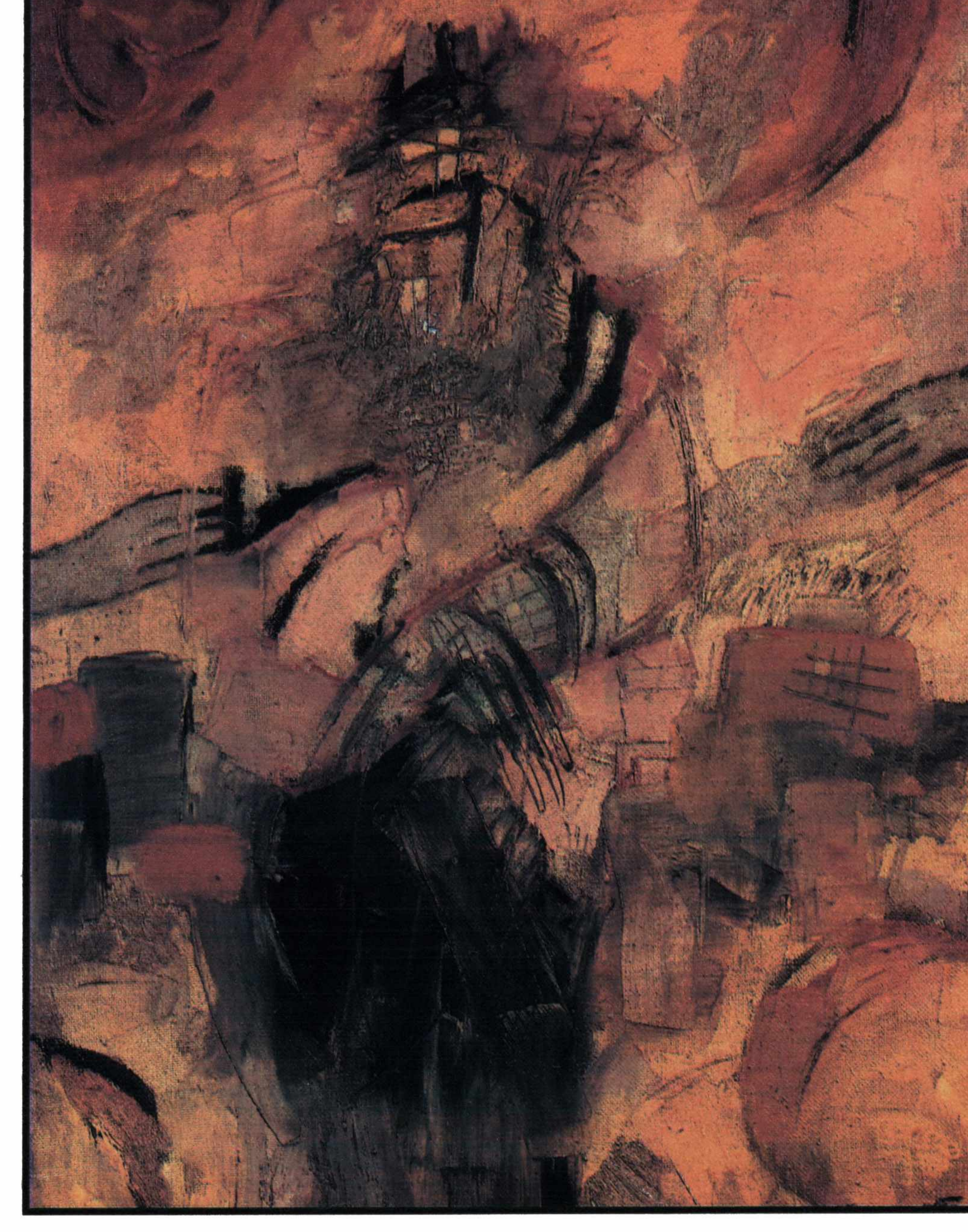
...К середине 80-х арьергард вернулся завершить тысячелетие культуры. «Я в столкновении с Культурой», «Я событием Культуре» — в конечном счете единственный и генеральный сюжет арьергарда. Главное: арьергард интересен не тем, что он воскрешает миф или барокко (он не воскрешает их в буквальном смысле этого слова), но именно своей направленностью на сам акт воскрешения. Чтобы проиллюстрировать идею арьергарда, мы выбрали лишь несколько работ художников нового поколения, живущих в разных городах страны, но работающих в близком друг другу направлении. Здесь важна не столько ориентация того или иного художника на миф или ритуал, сколько сама ориентированность на ценности, лежащие вне нашей сегодняшней культурной орбиты. Ритуал и миф входят в это искусство порой иллюзорно, порой замещенно, а когда и травестийно. Никто из выбранных художников не «празднует» ритуал и не описывает его в мифах. Они лишь с увлечением взрослых, в руках которых оказалась детская игра «Конструктор», «собирают» из отдельных элементов значения этих целостных систем свои авторские культурные микрокосмы. То, что миф и ритуал как таковые невозможно буквально реставрировать в нашей цивилизации (без утраты чего-то от нашей цивилизованности) — общее место. Для нас важнее знать, что они восстановимы, но не в искусстве. В искусстве возможна лишь некая аналогия мифотворчества. Что поделаешь, мы уж не «почвенные люди», как выражался Томас Манн. Разумеется, некоторые семантические пласты далеких смыслов так или иначе воспроизводятся, скажем — традиционная оппозиция «верха» и «низа», «солнца» и «луны», воды и земли, темного и светлого, прямого и кривого, круглого и линейного,— у Олега Бурьяна и Михаила Красныка. У Бурьяна: сакральный дом, мировое дерево, рыба как прародительница всего сущего, птица, противопоставленная рыбе, как горнее — дольнему, или душа — телу, Мировой океан, хранящий в себе Атлантиду... Для Матвея Вайсберга принципиальны мировая гора, путь-дорога, башня, потоп, коза, рыба как знак тотема... Для Красныка — мировая река как модель мироздания, пещера — вход в нижний мир из мира обетованного и возврат в обетованный мир из нижнего... У Александра Арзуманова — раскрытая ладонь, кольцо-круг, у Сергея Кругляка — зверь-змий, пара тварей людских. Колодец-близнецы у Ильи Куприянова. Но только лишь выявить эти значения и смыслы — вовсе не главное для арьергарда. Скорее главное — создание собственных «архетипов» по матрицам подлинных. По-другому не получается у арьергарда: человек, сталкиваясь с Хаосом, опираясь на уже лично им освоенную культуру, вошедшую в плоть и кровь его судьбы, противопоставляет Хаосу то, чем он только и владеет. «Попытка жить во времена исхода» оборачивается творчеством.

...И еще. Любопытно, что, помимо мифопоэтической направленности, для каждого художника арьергарда можно найти предпочтительные прецеденты в истории изобразительных искусств. Причем даже несколько: полистилистика — специфическая черта арьергарда. Для Вайсберга это будут экспрессионисты, Модильяни, Сутин. Для Бурьяна — Клее, Модриан. Этот определенный эстетический опыт вошел в поэтику арьергарда как некая «сумма технологии», став обязательным минимумом принадлежности к профессии и направлению. Но не объектом стилизации. Этот общий и в то же время различный для каждого исток — тот личностный и личный «обоз», к которому может прибегнуть художник, когда вокруг стоит пустыня, энтропийные стихии грозят поглотить с головой, а Иордан только блистает тонкой полоской на краю земли... И пахнет кровью вселенских катастроф и пóтом страшных времен... Как жаль, что мы не знаем, кто перейдет Иордан и вступит на новую землю обетованную нового века.

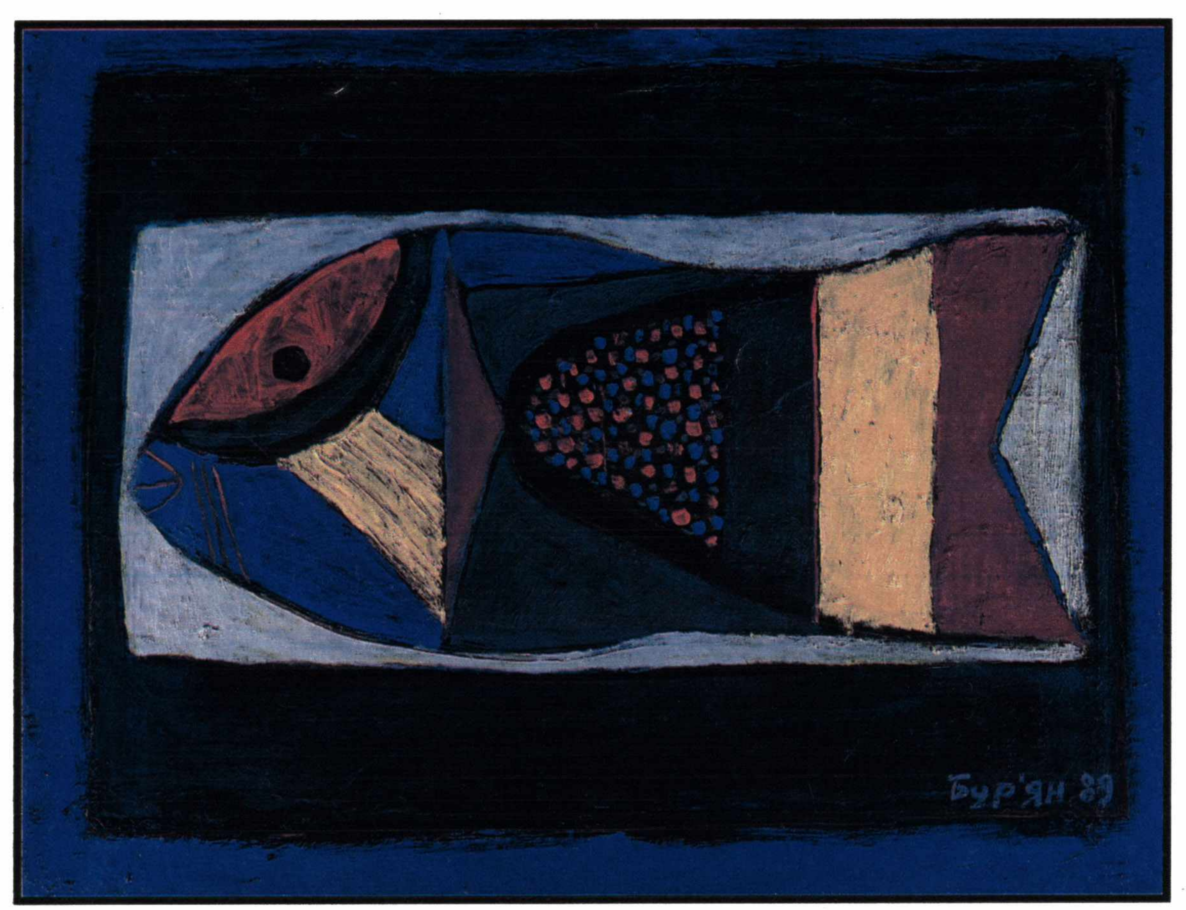
Илья КУПРИЯНОВ. (Москва)
КОНЬ. 1990

Матвей ВАЙСБЕРГ.
(Киев)
МОЛИТВА. 1990

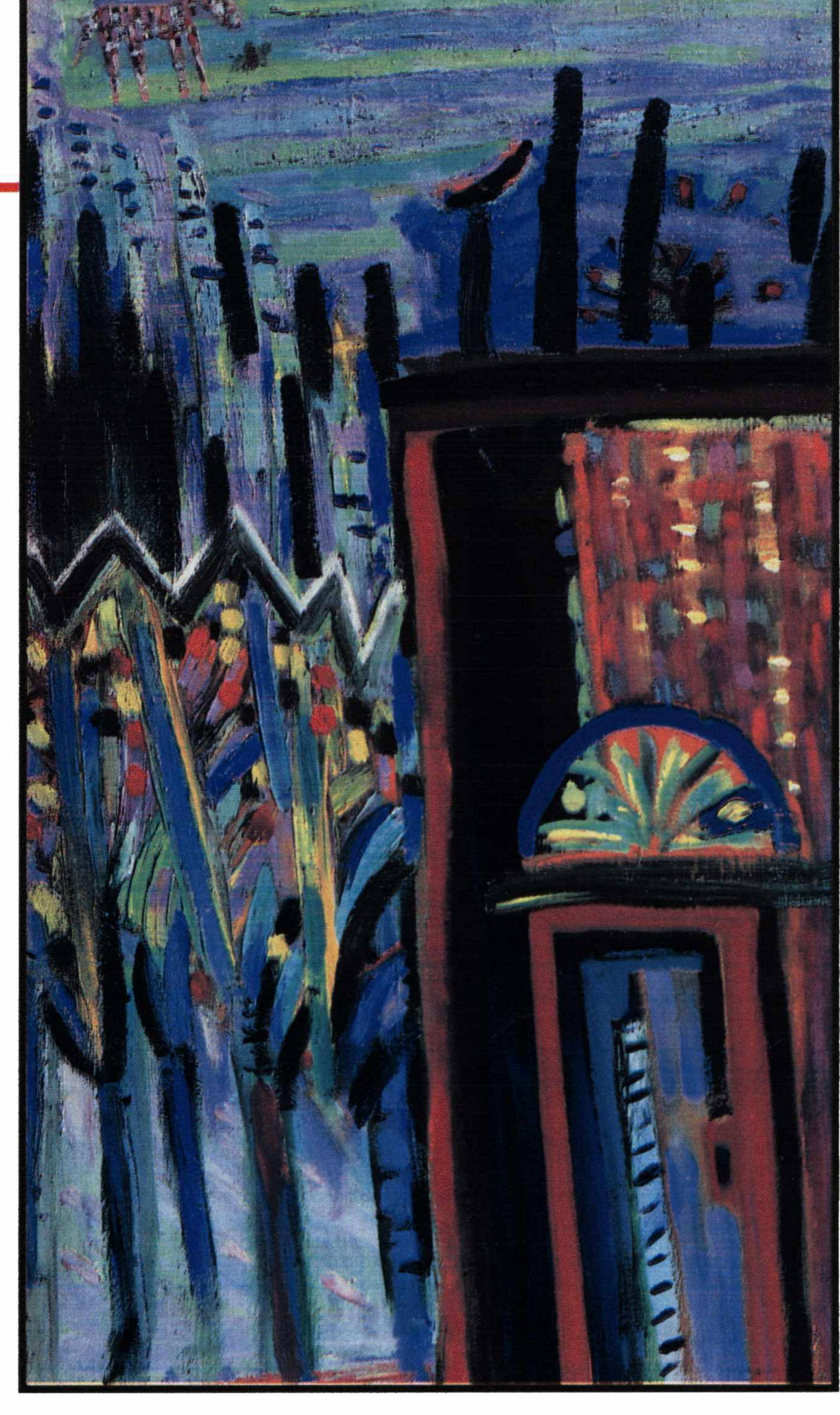
Сергей КРУГЛЯК.
(Саратов)
ДВОЕ И ДОМ. 1990

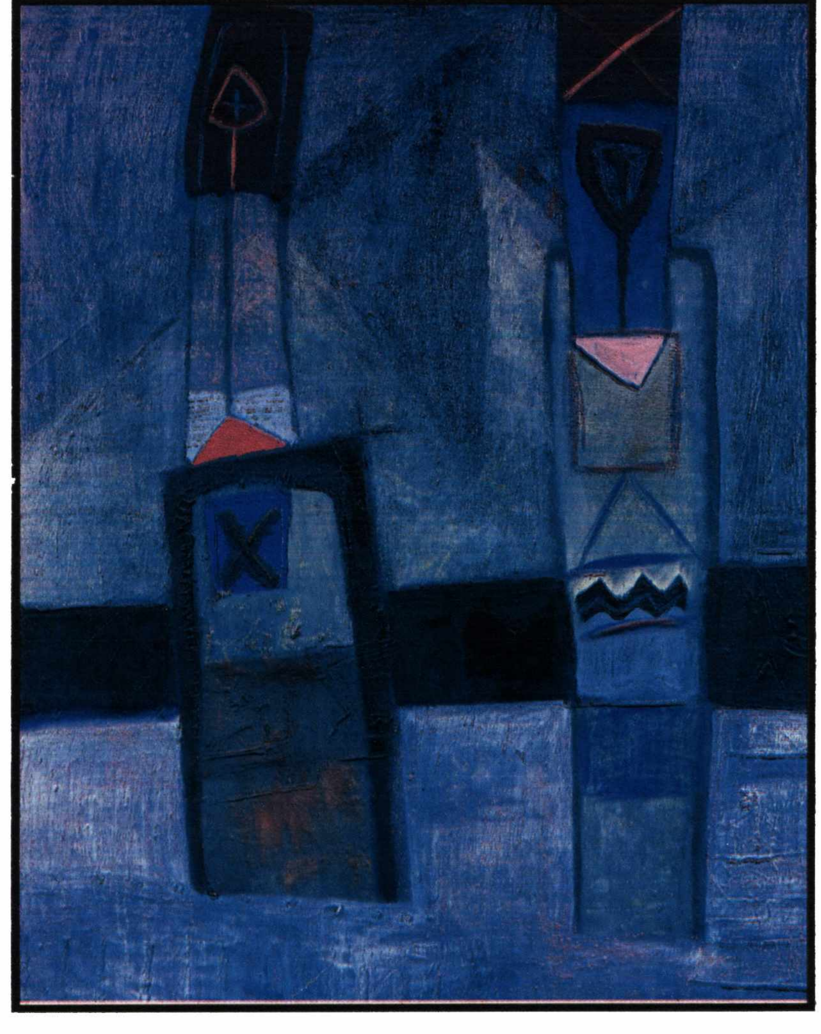

Олег БУРЬЯН.
(Москва)
РЫБА. 1990

Марта ВОЛКОВА.
(Ленинград)
ЖЕРЕБЕНОК. 1990

Олег БУРЬЯН. (Москва)
ЛЮДИ — ХРАМЫ. 1990

Михаил КРАСНЫК
(Львов)
ОРНАМЕНТ. 1990

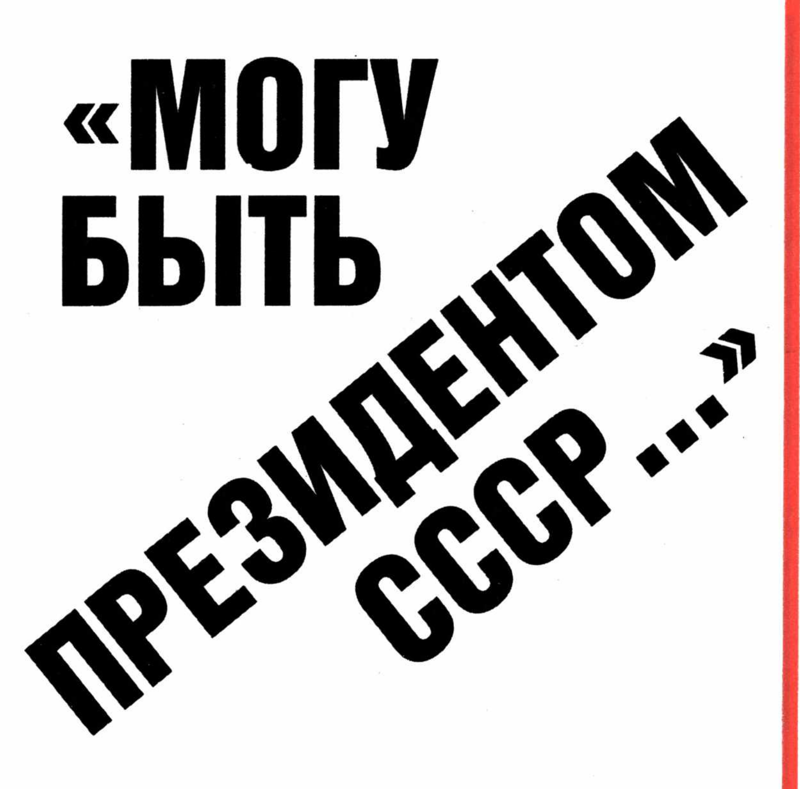
Александр АРЗУМАНОВ.
(Москва)
ДЕРЕВО
(из цикла «Матери земли»). 1989.

ЗЕРНО
(из цикла «Знаки земли»). 1989.

Фото М. МЕЗЕНЦЕВА

С Германом СТЕРЛИГОВЫМ беседует наш корреспондент Анастасия НИТОЧКИНА

ПОЗИЦИЯ

Герману Стерлигову — 24 года. Пять месяцев назад он, неудавшийся студент МГИМО, с трудом зарабатывал десятку на бензин для своей старенькой машины и думал лишь о том, как прокормить семью. Четыре месяца назад он организовал единственную в стране частную биржу «Алиса» и заработал свой первый миллион. Сегодня этот человек возглавил клуб молодых миллионеров, а дневной оборот «Алисы» составляет ни больше ни меньше... 12 миллионов рублей. Такая вот красивая история...

— Говорят, что честным путем стать миллионером невозможно.

— Что вы подразумеваете под «честным путем»?

— Да то, что честный человек не может у нас в стране заработать миллион.

— Тогда возражаю — только честный человек и может его заработать. Подлеца сразу видно, следовательно, и доверия он не вызывает. А если тебе не доверяют, как же можно миллион заработать?

— Но прожужжали же нам все уши рассказами про теневую экономику!

— Теневая экономика тоже разная бывает. Это и торговля наркотиками, и валютные операции. Первое — незаконно и погано. А успешные валютные операции во всем мире являются предметом гордости. И наоборот — предметом соболезнования в случае неудачи. В нашей же стране это уголовное преступление. И я могу привести множество подобных примеров...

— А может, действительно правы, те, кто считает, что спекуляция, яростная борьба с которой захватила буквально всех,— основа рыночных отношений?

— Да, потому что спекуляция двигает вперед любую экономику, развивает и стимулирует производство, доводит товары до потребителей и т. д. Следовательно, позволяет людям нормально жить.

— Ну а вы-то на чем зарабатываете миллионы? По возрасту вам подходят и спекуляция, и валютные операции.

— Что, вы меня идиотом считаете? Я же сказал, что за валютные дела у нас в стране — статья. А спекуляцией занимаюсь круглосуточно. Вернее — я организую процесс спекуляции: сам спекулировать, увы, не умею. Для этого талант нужен.

— Не похоже, что у вас проблемы по части таланта...

— Честное слово. Как только начинаю что-то покупать или продавать — моментально прогораю. А организатор я неплохой.

— С чего началось создание биржи?

— С появления на свет щенка кавказской овчарки по кличке Алиса.

— ?

— Ей семь месяцев. Это волшебная собака, она приносит удачу. С тех пор как она к нам попала, у нас все получается, и у нее светятся глаза. Удивительно загадочная история.

— Вы говорите — «у нас». Это у кого?

— У меня и моей семьи. Вы разве не знаете, что наша биржа — семейная мафия? В «Алисе» очень развито то, что совершенно непопулярно в стране — родственные отношения на работе.

— Кто же с вами работает?

— Брат. Шурин. Двоюродный брат. Друзья, которых я очень давно знаю и с которыми почти сроднился. Со стороны практически никого нет.

— Но невозможно же без протекции, без покровительства сверху, в 24 года организовать единственную в стране частную биржу. Может быть, у вас родители какие-нибудь высокопоставленные?

— Родители — врачи. Сейчас папа профессор, а начинал карьеру медбратом. Так что семья самая обычная. И «лапы» наверху нет. И взяток я не давал.

Просто в один прекрасный день проснулся и решил создать биржу. За три дня зарегистрировал ее в Октябрьском райсовете, где председатель — Илья Заславский. Он вообще старается молодых поддерживать, бюрократию не разводит, да и сама идея — без ложной скромности говорю — отличная. С этого все и началось. Я твердо усвоил одно правило — **в нашей стране все нужно делать очень быстро.** Или не делать вообще. Третьего не дано. Знаете, почему у многих ничего не выходит? Представители старшего поколения обычно уже испорчены системой. Многие из них — милые, симпатичные, умные люди — все усложняют, боятся, что не разрешат, не дадут, не пропустят... В общем, вместо действий и дел — муки, сидят, перебирают варианты. Лучшие замыслы от промедления погибают. Главное — начать, остальное Бог даст.

Кстати, клуб миллионеров мы зарегистрировали мгновенно. Уверен — если бы за три недели мы объявили всем о своих намерениях, ничего бы у нас не получилось...

— Вы можете четко сформулировать, что такое биржа?

— Нет. Честно говоря, я и сам толком этого пока не знаю.

— Как же вы работаете?

— Как придется.

— Бред. Сумасшедший дом. Только в этом всеобщем бардаке такое возможно. ...А вообще-то мне вас жаль — нельзя получать удовольствие, не понимая, чем занимаешься.

— Я достаточно хорошо понимаю, чем именно я занимаюсь. Просто я действительно не очень хорошо знаю, что такое настоящая биржа. В «Алисе» есть ее суть — торг и немедленное заключение сделок. Есть и принцип биржевой спекуляции. Но в целом-то, конечно же, это жалкая пародия на цивильную биржу. Нет ни широкой коммуникационной сети, ни десятков брокерских контор... В нашей стране вообще настоящая биржа — миф. И поэтому я действительно смогу рассказать вам, что это такое, только если получу образование на Западе. Или поработаю там. Одно из двух.

— Не слабое желание...

— Вполне реальное. Недавно нам оказала честь одна западная фирма, которая предложила обмен — они получают одно место на нашей бирже, а мы — у них. Правда, я не очень понимаю, зачем им это нужно? Может, у них крыша поехала? Во всяком случае, я их честно предупредил: «Джентльмены! Одумайтесь. Мы же существуем в Советском Союзе, где никто не знает, что ожидает его завтра». Но так или иначе им интересен этот обмен. Да и нам — польза. Ведь пока мы лишь завоевали участок суши, на котором быстро и выгодно люди имеют возможность спекулировать товарами. Нужно идти вперед.

— Все же я не очень хорошо понимаю, чем вы занимаетесь. Например, я прихожу к вам и говорю, что хочу приобрести 100 кубометров леса.

— Мы вам не продаем: слишком маленькая партия.

— 300.

— Нет.

— 500.

— Хорошо. Но прежде, чем купить этот лес, вы должны заплатить залог. Никакие ваши справки или гарантийные письма, подтверждающие вашу платежеспособность, нас не устраивают.

— Только наличные?

— Как вам угодно. Как правило, деньги переводят по безналичному расчету: большие партии — это даже не десятки, а сотни тысяч рублей.

— Предположим, залог я оставила, лес приобрела по цене N. Завтра прихожу к вам и говорю, что теперь я хочу этот лес продать по цене N+X. То есть совершаю спекуляцию чистой воды.

— Никаких проблем. Это ваше право — покупать и продавать. Но вам опять же придется оставить залог. И мы выставим ваш товар на торг. Тогда если кто-нибудь приобретет ваш лес по новой цене — вы выиграете.

— Неужели все настолько просто?

— Это самое замечательное. Все действительно просто, как три рубля.

— И секретов никаких нет?

— Конечно, есть. Но они на эмоциональном уровне. А технических секретов нет. Все именно так, как мы с вами только что проиграли.

— А на чем же вы делаете деньги?

— На процентах от сделок, которые происходят на бирже. Чем дороже вы продаете товар, тем нам выгоднее. Но еще нам важно, чтобы товар был быстро продан, поэтому и цена его должна соответствовать рыночной.

Знаете, почему во всем мире биржи существуют и процветают? Вовсе не потому, что это какой-нибудь очень сложный организм. А именно потому, что все так просто.

— Если вы не лукавите, то непонятно, почему же их так мало у нас в стране?

— Потому что в этой стране у людей существует привычка все до безобразия усложнять. Во всем мире упрощают, а мы — нет! Изобретаем велосипеды. Создаем вместо бирж информационные банки, посреднические фирмы и т. д. Кстати, и мы с этого начинали. И смею вас уверить — это гораздо сложнее, волнительнее, муторнее и гораздо более... по-советски. А здесь — пришел-ушел...

— ...процент получил, миллион заработал...

— Не смейтесь. Именно так. При этом заметьте — мы ничего сами не покупаем и не продаем. Мы лишь организуем этот процесс.

— Поделитесь опытом: что испытывает человек, заработавший миллион?

— У меня он не один.

— Много?

— Пока не слишком.

— И что вы собираетесь с ними делать?

— Надоест работать — пропью.

— Это невозможно.

— Вы меня недооцениваете. Миллион рублей — это всего 25 тысяч долларов. Неужели вы действительно полагаете, что их невозможно пропить?..

А если серьезно... У меня же нет ни одного свободного рубля. Все пускаем в дело, вкладываем в биржу, потому что здесь получаем самый высокий процент прибыли.

— Какой?

— Поверьте на слово — ну, очень высокий. Так что нам не имеет смысла вкладывать деньги во что-то другое. А вот клуб миллионеров, который я организовал, имеет несколько проектов. Например, мы собираемся вложить деньги в подъем сельского хозяйства. Мы собираемся выкупить у государства огромную территорию и построить там — ни больше ни меньше — маленькую западную страну. По уровню жизни... Мы откроем производства, которые окупят наши затраты. Там будут летать вертолеты и самолеты. У каждой старушки будет японский телевизор. А на каждой хате появится спутниковая антенна, которая и будет снабжать старушек зрелищами всех времен и народов.

— Ваша подпольная кличка случайно не Остап Бендер?

— Нет. Мы действительно покупаем территорию в 250 километрах от Москвы. Обычные российские деревни. Разоренные, заброшенные и бедные. И если Советская власть не скажет нам «нет» (хотя, собственно, почему она должна нам это сказать?) — все будет именно так, как я вам рассказал. И не когда-нибудь, а всего лишь через год. Скучно же делать что-то долго. Нужно ежедневно видеть плоды своего труда. Долгострой — это для Советской власти.

— Пригласите пожить в вашей стране?

— Только на конкурсной основе. Мы же не собираемся просто так заниматься благотворительностью. Мы собираемся открывать там производство. И как только будут подписаны все бумаги — пока есть лишь предварительная договоренность,— объявим конкурс. И будем отбирать людей, которые смогут там работать. Бездельники нам не нужны...

— Я знаю, что у вас были сложности при поступлении в институт...

— Огромные. Два раза меня не приняли в МГИМО. Это было три и четыре года назад. Теперь по средам читаю там лекции. А ведь вместо этого мог бы подыхать с тоски на четвертом курсе. Так что я очень даже благодарен приемной комиссии за то, что они меня не приняли и подарили пять лет свободной жизни и первые миллионы.

В конце концов я ведь поступил тогда на юрфак. Но через полтора года с ужасом сбежал, понял: даже напрягаться не нужно, чтобы учиться. Я уж не говорю о том, что ничему там толком не учат. А тратить пять лет жизни, чтобы получить корочки,— по-моему, излишняя роскошь. Да и скучно к тому же.

— Это ваше любимое слово, как я заметила.

— Это очень важное слово. Потому что жить нужно весело и интересно.

— И вам нисколько не мешает отсутствие высшего образования?

— Мешает, как любому нормальному человеку, живущему в конце XX века. Я мечтаю поступить в университет и получить образование. Именно образование — не диплом. Боюсь, что в ближайшее время моим планам не суждено сбыться: я просто-напросто не найду такого учебного заведения на территории СССР. А вот в маленькой западной стране, которую мы собираемся построить через год, обязательно будут не только колледжи, но и университет с конвертируемыми дипломами. И лекции по основным дисциплинам мы пригласили читать профессоров со всего мира. Это не маниловщина. Со многими уже есть твердая договоренность.

— Все это не Нью-Васюки?

— Давайте вернемся к нашему разговору через год. Но с одной оговоркой — если нам не будет мешать Советская власть.

— От кого это зависит?

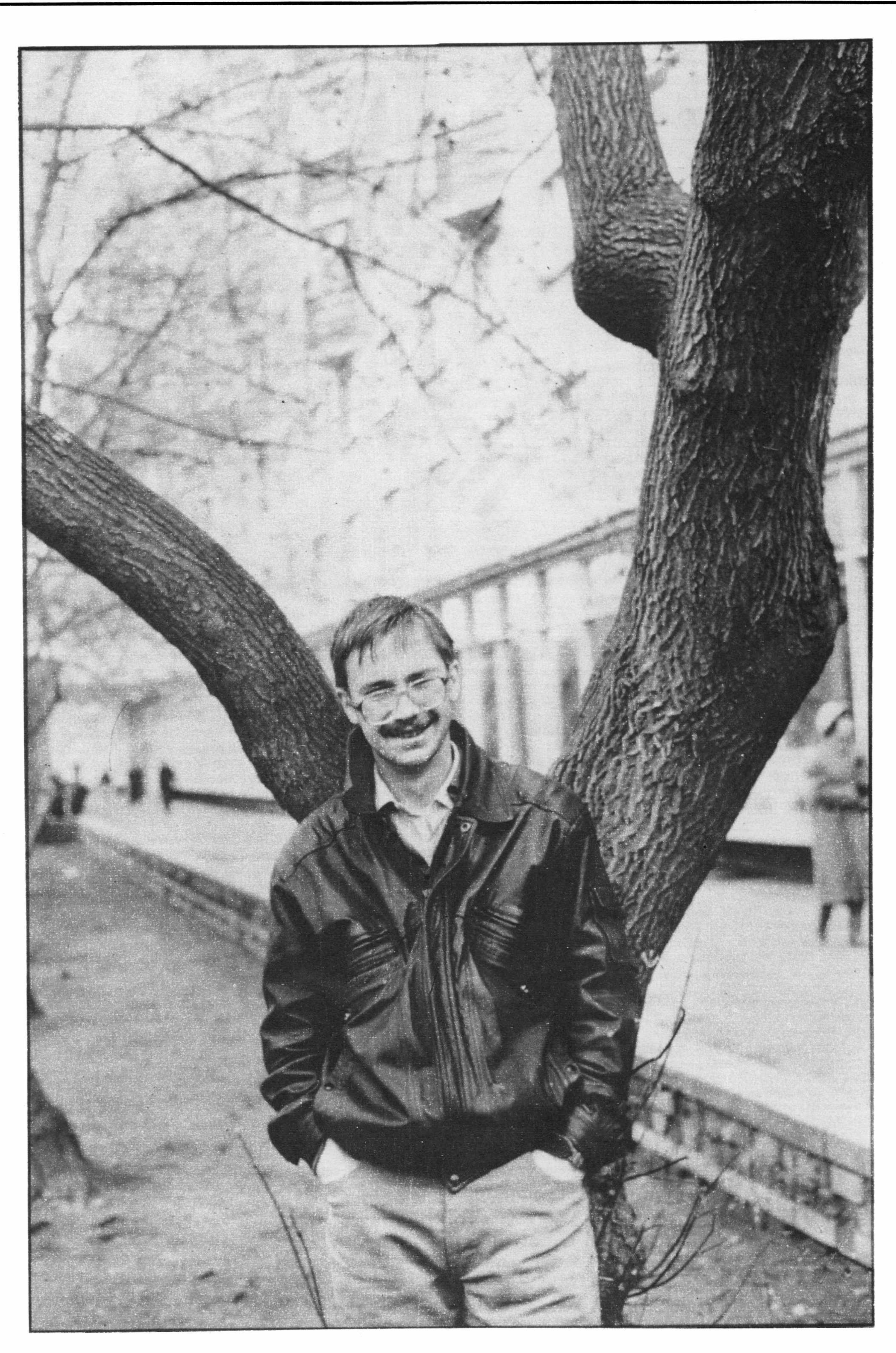
— Пока от председателя тамошнего исполкома. Скоро мы должны подписать с ними соглашение.

— Расскажите про клуб миллионеров. Зачем он создан?

— На всякий случай.

— Некоторые считают, что вы собираетесь отмывать деньги...

— Еще нас называют агентами КГБ — якобы мы собираем досье на всех миллионеров. А некоторые обвиняют в мафиозности. Все оценки — в этом диапазоне. На самом же деле наш клуб — своеобразный профсоюз.

— Но почему клуб МОЛОДЫХ миллионеров? Разве защищать интересы пожилых не нужно?

— Дело в том, что суть миллионерства в СССР строится не на собственности миллионов, даже если они заработаны честно. У нас нет частной собственности на средства производства. Следовательно, нет частной собственности на прибыль от средств производства. Следовательно, и нет частной собственности на миллионы. Как правило. Наша биржа — счастливое исключение только потому, что это единственная в стране крупная частная фирма...

Миллионами у нас обладают кооперативы, малые предприятия и т. д. Но юридически это собственность коллективная. Так что быть миллионером в СССР — значит распоряжаться деньгами. Но эту «привилегию» имеют и крупные чиновники. У них есть право подписи. Как, например, у директора Уралмаша или КамАЗа. Последний, кстати, в приватной беседе обещал нам шею свернуть — якобы мы слишком уж разыгрались в своих проектах... Но, несмотря на их право распоряжаться миллионами, они такие же предприниматели, как я — китайский император. К бизнесу эти люди не имеют ни малейшего отношения. И ограничение возраста при вступлении в клуб в первую очередь связано именно с этим. Но, конечно же, мы будем принимать людей и старше 35 лет, но они должны достаточно убедительно доказать, что миллионы заработали самостоятельно и законно.

— Клуб миллионеров — это чисто деловая организация или возможность совместного отдыха, общения?

— Пока деловая. У нас нет помещения, где мы могли бы собираться. Но впереди, конечно, клуб и для отдыха.

— Прошел слух, что миллионеры не хотят показывать свои лица. С чем это связано?

— Никто не хочет, чтобы его узнавали на улицах, в подъезде. Чтобы знали, что женщина, ежедневно гуляющая с ребенком,— жена миллионера. Все они живут не на своих виллах за высокими заборами, а в нормальных многоэтажках.

— Вступающим в клуб вы гарантируете анонимность?

— Не для МВД и КГБ. Они же проверяют наши документы. Так что к нам приходят те, кто не прячется от закона. Анонимность для прессы гарантируем. Но пока нас всего 12 человек. Многие действительно не понимают, зачем это нужно, присматриваются, будут ли нас сажать. Даже те, кто давно меня знает, говорят: «Герман, отличная идея. Мы дадим денег, поможем с оборудованием, с помещением, с чем угодно. Но вступим попозже, ты уж пойми нас правильно». Люди хотят быть уверены в своем будущем, и их можно понять.

— Странно, на Западе капитал — предмет гордости.

— Создавая клуб, мы стараемся это доказать и здесь.

— Скажите, а Артема Тарасова вы бы приняли в клуб?

— Почетным членом. Он эталон для нас в бизнесе. Он умудрился стать предпринимателем в стране, где бизнеса нет и в помине. Он действительно удивительно наглый и смелый человек. Мужчина в полном смысле этого слова.

— Вас не пугает происходящее с ним?

— Нет, я беспокоюсь за его здоровье — вот и все. А что же может пугать?

— Очевидно, что система-то ожесточается...

— Но пугаться ведь бесполезно.

— Может, лучше заработать немножко и жить в свое удовольствие? Вы ведь наверняка уже обеспечили себя, своих детей и даже внуков...

— Конечно. Но мне интересна моя работа. Это в конце концов профессия — ускорение денежного и товарного оборота. Я уж не говорю высоких слов о пользе обществу.

— Но общество не больно-то печется о своем благе.

— Потому что общество у нас на редкость дебильное — 70 лет одуривания, забитости, запугивания не могли не сказаться.

— Значит, в конечном итоге вы работаете для себя?

— Естественно. Я вообще плохо понимаю, что такое всеобщее благо. Меня упрекают: «Как вам не стыдно! Как вы можете создавать клуб миллионеров в нищей и голодной стране! Посмотрите, как живут рабочие!» Да неинтересно мне, как они живут. Это их дело — как им жить.

— Неужели не жалко?

— Нет. Это здоровые, взрослые мужики, которые хлещут горькую и позволяют плевать себе в лицо. Почему я должен о них думать? Жалеть нужно слабых и убогих. Нравится жить в нищете — ради Бога. Нравится быть рабами — каждый раб достоин своего господина.

— Но если завтра кто-нибудь из них захочет сделать дело и придет к вам... Возьмете?

— А почему нет? Мы никому не отказываем. Всем желающим выдаем бланки, учим с ними работать, и, пожалуйста — иди, ищи товар. И все уходят, словно в туман. Но каждый сотый возвращается, что-то сделав. С этого и начинается его работа. Так что пусть к нам приходят и рабочие. А для начала пусть лучше уволятся с завода, на котором из них делают животных.

Вообще взрослые мужики не заслуживают соболезнования, если живут, как скоты. Многих разозлит моя точка зрения — я отдаю себе в этом отчет. Не каждому приятно слышать о себе столь горькую правду. Но я готов подписаться под каждым словом.

— А сейчас наверняка будет армия безработных...

— Каждый взрослый мужчина может себя прокормить. Я в этом убежден.

— А женщина?

— Пусть ищет себе мужчину.

— Это принципиальная точка зрения?

— Я не знаю у нас в стране женщин, которые делают бизнес головой, а не телом или получая наследство. Может, они и существуют и мне просто не повезло, но я таких не встречал.

— А у вас в фирме столько девушек очаровательных...

— Но они же кофе готовят. Чай...

— К жене вы так же относитесь?

— Она женщина, мать моего ребенка. Работать она никогда не будет. И никогда не работала. Даже в самые тяжелые (в финансовом плане) времена для нашей семьи. Она хранительница семейного очага и уюта.

— Вы стараетесь придерживаться западного образа жизни — бассейн, теннис?

— С трудом до дома часто доползаю, чтобы поспать.

— Вы же говорите, что в вашей работе все очень просто.

— Простой работы тоже много может быть.

— Долго перебираете варианты, когда принимаете решения?

— Очень быстро. И не потому, что я такой хороший и умный: нет другого выхода.

— Мозги вы покупаете? Ведь может быть такая ситуация, что у человека нет денег, но есть потрясающие идеи. На Западе ему бы заплатили и сказали — гуляй, мы сами все сделаем. В вашей практике были такие случаи?

— Нет. У нас у самих множество идей. Дай Бог их осуществить. Но мы можем финансировать идею — дать человеку денег, чтобы он сам ее осуществил. Так что в западном смысле слова мозгов не покупаем, не хватает людей. Реализацией идеи должен кто-то заниматься, желательно, чтобы это был автор...

— У Жванецкого есть такая фраза — «народ в отставку». Судя по всему, она вам близка. А некоторые считают, что с этим народом, испорченным генетически, физически, морально, как угодно, сделать уже ничего нельзя. Должна вырасти новая генерация: ученые даже называют год, когда появится новая раса,— 2016...

— Но на самом-то деле от народа ничего и не требуется. Историю делают индивидуальности, а не толпы. Как только в исторический процесс вмешивается толпа ничего не знающих и не понимающих людей — получается бардак! Так что пусть народ просто не мешает. А еще лучше, чтобы народ перестал поддерживать тех, кто мешает. Как это сделали горняки. Именно поэтому они вызывают уважение.

— Недавно в «Огонек» принесли газетку. Называется она «Народные новости». Совершенно фашистская идеология: ругают даже не евреев — евреи, дескать, уже уехали... Ругают интеллигенцию и «наживающихся на народном поте и крови» дельцов. Считают, что если уничтожить интеллигенцию, у которой явная болезнь мозга, и дельцов, а оставить народ, армию и администрацию (хорошенькие три кита!) — все в стране наладится и будет о'кей. Представляете?! Если это произойдет, то мы с вами будем висеть рядом на одной виселице...

— Бог им в помощь!

— ?

— Поймите меня правильно, я так говорю не потому, что очень смелый. Конечно же, я опасаюсь за родных и близких. Но бояться этих придурков действительно бесполезно.

— А у вас был период, когда вы боялись, а потом перестали?

— Никогда. В том смысле, который вы вкладываете в это понятие. Я боюсь шпаны. Боюсь попасть ни за что в милицию: слишком много времени придется потратить, чтобы доказать, что я не верблюд.

— Сможете откупиться — средств хватит.

— Не так-то все просто. Откупиться, как это ни парадоксально, гораздо проще от крупных дел. А если на улице просто так загребут — не откупишься. Слишком трусливы по мелочам.

— Вам не скучно жить с девизом — деньги ради денег?

— Мы с вами по-разному понимаем деньги. Вы понимаете их как возможность лучше жить. А я — как возможность придумывать новые проекты и делать новые дела. Чем больше у меня денег — тем большие цели я могу перед собой поставить.

— А вдруг инфляция? У вас будет много денег, а деть-то их некуда.

— Значит, мои деньги будут исчисляться не миллионами, а триллионами.

— Вы можете сформулировать, каким должен быть человек сегодня, чтобы лет через тридцать стать хозяином и политической, и экономической жизни?

— Нет. Я не могу выявить тенденции.

— Но ведь если человек сегодня воспринимает деньги как инструмент, как возможность делать большие дела, а не хапнуть быстренько и потратить,— это и есть гарант успеха в будущем?

— Но ведь я так рассуждаю всего четыре месяца. А пять месяцев назад еле-еле сводил концы с концами и зарабатывал с трудом десятку на бензин для своей старенькой машины. У меня не было мыслей о деньгах как об инструменте. Мне важно было заработать, чтобы кое-как существовала моя семья.

Или Женька. Вчера он работал вышибалой в охране. Если бы кто-нибудь сказал ему пять месяцев назад, что он будет ворочать миллионами, он рассмеялся бы ему в лицо. А сегодня он купил на бирже место, которое стоит 750 тысяч. Завтра внесет 500 тысяч в клуб миллионеров — таков вступительный взнос. И это, как вы понимаете, далеко не последние его деньги.

Или Коля. Работал лаборантом в научно-исследовательском институте и пил горькую. А сегодня в легкую, как хозяин, распоряжается такими суммами, которые вам и не снились...

— Они с улицы пришли?

— Нет. Это мои родственники. Но мы все начинали с нуля.

Это я говорю о нашем прошлом. А вот в завтрашнем дне мы вообще не можем быть уверены, потому что живем в этой стране. Завтра выйдет какой-нибудь новый Президентский указ — и нас обвинят в торговле иконами, хранении наркотиков, ношении оружия — в чем угодно. И такое уже бывало не раз.

— Но вы же строите проекты, значит, рассчитываете, что все будет нормально.

— Все свои проекты я строю с оговоркой, что все будет о'кей. Эта оговорка и есть неуверенность в завтрашнем дне. Но вы правы — если ориентироваться на то, что завтра перекроют все кислородные клапаны,— можно только завязать себе глаза и забиться в какую-нибудь темную норку.

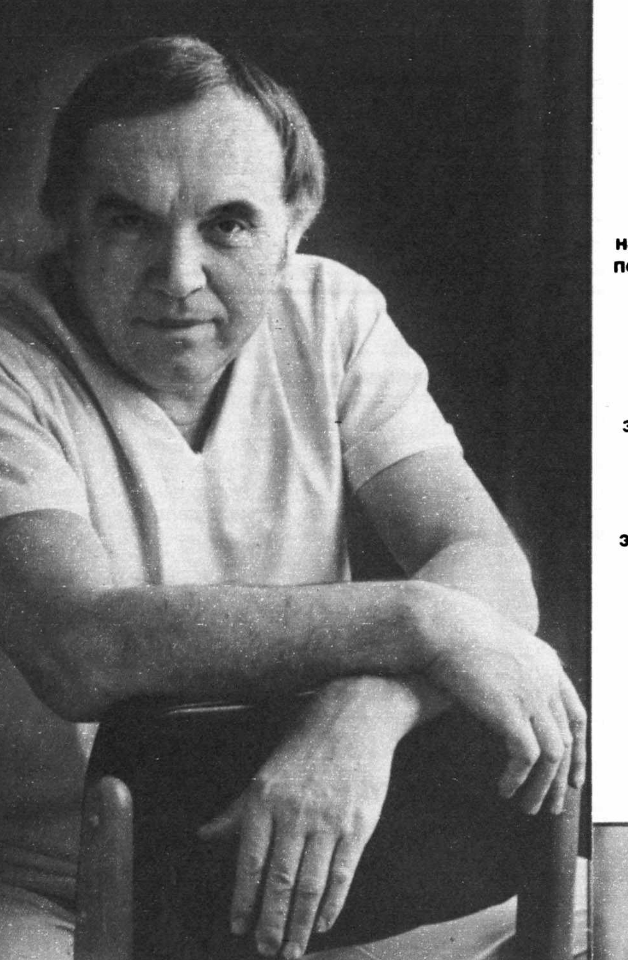
— В этом и есть трагедия страны. А еще в том, что люди, стоящие у власти, не хотят, не умеют и не очень-то хотят уметь играть в будущее. Они живут только настоящим. Причем своим собственным. Нет людей, желающих работать для завтрашних детей.

— Мы стараемся, но уверенности это не прибавляет.

— А смогли бы вы быть Президентом СССР?

— Естественно. Но выставлять свою кандидатуру пока не собираюсь: считаю это непорядочным и неэтичным. Я пока еще не доказал, что достоин этого поста. Странная у нас сложилась система — чем выше ты занимаешь пост, тем больше у тебя шансов занять следующую ступеньку в этой иерархии, но тем менее ты достоин ее. Честному человеку невозможно добраться до вершины — слишком сильно жизнь заставляет для этого унижаться. Пусть в меня бросит камень тот, кто покажет мне хоть одного честного и порядочного человека, прошедшего десятки ступеней советской карьеры и сегодня занимающего высокий пост.

Так что я еще должен поработать и доказать, что эту ситуацию необходимо изменить. Лишь потом я буду готов выставить свою кандидатуру на пост Президента...

Это несправедливо, но обычно слава приходит к хирургу, когда он... перестает заниматься своим прямым делом. Чтобы прославиться, хирургу необходимо либо написать книгу (разумеется, повесть, а не научный труд), либо стать бизнесменом, министром, на первый случай — народным депутатом. Тогда имя его сразу появится у всех на устах. Но сам-то он твердо знает, что главные подвиги своей жизни совершал за операционным столом, и, хотя слава посетила его лишь теперь, завоевал он эту гордую даму раньше, со скальпелем в руках...

ХИРУРГ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Владимир Петрович Харченко не пишет романов. Не произносит политических речей, да и вообще общественной работой не занимается. Ему просто жаль тратить время на все, кроме хирургии. Жизнь коротка! Да и как потускнело бы все его существование без ежедневного напряжения за операционным столом, без того просветления ума, когда смутно угаданное душой вдруг переходит в логический ряд и ты понимаешь, что операцию надо делать по-иному, не так, как задумал ее еще вчера, а мягче, незаметнее, анатомичнее. Когда для тебя становится главным не новизна операции, даже не радикальность ее, а как можно большая внутренняя разумность... Слава для таких врачей, как профессор Харченко, оборачивается глубоким уважением к нему специалистов и огромной благодарностью пациентов.

Имя этого профессора я впервые услышала от больной, вернее, бывшей больной. Лет десять назад Харченко оперировал ее по поводу рака легкого. Взял в тяжелом, запущенном состоянии. «Я уж на себя рукой махнула, спросила только: «Совсем легкое отрежете?» — рассказывала мне она.— А Владимир Петрович говорит: «Зачем? Бог дал человеку два легких не для того, чтобы мы одно отрезали». Честно сказать, я не поверила ему. Решила, что он меня просто успокаивает. Но на операцию согласилась с радостью, знала: это единственный шанс остаться жить. У меня опухоль захватила уже главный бронх, в этом случае всегда легкое удаляют целиком».

Но Харченко поступил по-другому. Он вырезал пораженную опухолью долю с участком главного бронха, и вместо того чтобы зашить его наглухо, как полагалось, чтобы через него не выходил воздух, подшил к культе бронха две оставшиеся неизменные доли. Бронхиальное дерево срослось, легкое осталось жить, дышать...

Идея таких органосберегающих операций определяет сегодня основное направление работ института, которым руководит доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР В. П. Харченко.

* * *

Многое удивляет здесь. И само название — Научно-исследовательский рентгенорадиологический институт — странное для медицинского центра. И упрятанные под землю, за толстый слой бетона физические установки, ускорители, ведь облучение — тоже хирургическая операция, но растянутая во времени. И сложная вычислительная техника. И, наконец, методы излечения, необычные, нестандартные...

...Четверо мальчишек привычно и удобно расселись на мягком диване. Два Сережи, Роман и Володя. Болезнь привела их сюда с Камчатки, из Белоруссии, Сибири.

Психолог Алексей Григорьевич Шкуропат садится напротив. Из-за своей молодости и естественной, непринужденной манеры держаться с ребятами он кажется не лечащим врачом, а их старшим братом — заботливым, любящим. Видно, они его так и воспринимают и платят ему тем же доверием.

«Закройте глаза. Расслабьтесь,— тихо говорит врач.— Сконцентрируйте внимание на дыхании — ровном, глубоком, спокойном...»

Сеанс психологической поддержки в детском отделении института начался. За дверью по-прежнему слышны голоса и топот играющих малышей. «Догоню, догоню, догоню»,— смеется нянечка. Ей отвечает счастливый визг. Дети есть дети, даже пораженные тяжким недугом. Но для четверых ребят здесь, в комнате, шум в коридоре кажется уже приглушенным, далеким. Они слушают сейчас только себя, свою болезнь, то, что происходит в таинственных глубинах их организма.

Задача психолога поднять против болезни все скрытые возможности человека, заставить ее отступить, сдаться, покориться перед силами жизни, исчезнуть...

Внимание ребят сосредоточено на больном месте. У каждого — своя задача, и каждый из мальчишек выполняет ее по-своему, по своим силам, но одинаково страстно.

Сережа, например, получил задание: повысить число лейкоцитов у себя в крови. Психолог ведет с мальчиком неторопливую беседу, спрашивает, что он чувствует, каков был анализ крови вчера, сколько, по его мнению, должно быть лейкоцитов завтра.

«Пять тысяч»,— уверенно отвечает Сережа.

— И вы знаете, так и будет, вот что удивительно,— шепчет мне присутствующий на сеансе ведущий специалист детского отделения доктор медицинских наук Олег Ильич Щербенко.— Такая психологическая поддержка дает очень много, больше, чем думалось вначале. Ребята легче усваивают лечение, у них даже улучшается состав крови! Я уж не говорю о настроении...

Между тем Алексей Григорьевич Шкуропат уже беседует с Володей. У того задание блокировать свой узел, направить туда энергию, чтобы он рассасывался. «Помнишь, как ты сумел разогреть свою руку и высушил варежку? Теперь направь свою энергию на узел...»

Мне рассказывали, как один мальчишка вспомнил во время такого сеанса, откуда пошла его болезнь: в драке ударили по ноге, и с тех пор «ногу начало грызть». Врач внезапно спросил: «А ты дал сдачи? Нет? Дай скорее в ответ! Ну вот, молодец. Теперь нога болеть перестанет». И действительно, больному стало легче. Операции не потребовалось, спасли ногу, справились с опухолью облучением и химиотерапией.

Я расспрашиваю Алексея Григорьевича, как родился его метод психологической поддержки.

— Нет метода,— отвечает он.— Есть способ жизни. Есть особое состояние транса, в которое я ввожу ребят. Вернее, мы вместе с ними входим в него. И тут в сознании (и в организме!) начинают происходить, казалось бы, невероятные вещи... Восстанавливается кровь, прекращаются боли, проходит рвота, идет быстрее лечение. Почему, не знаю. У меня есть только факты, которые я собрал почти за два года работы здесь. Хуже не стало никому из наших пациентов.

Алексей Григорьевич рассказывает, что этой проблемой заинтересовался еще на первом курсе МГУ. Потом, после окончания факультета психологии, работал в кабинете социально-психологической поддержки. Там его свела жизнь с ведущим специалистом детского отделения этого института Олегом Ильичом Щербенко. Ну а когда Алексей увидел больных раком детей...

— Сами понимаете, то еще впечатление. Тут наизнанку готов вывернуться, лишь бы облегчить страдания... И мы вместе тоже с выпускником МГУ Аркадием Харьковским пошли сюда в штат.

Вот такие неожиданные методы лечения встречаешь здесь...

Вместе с заместителем директора по науке Надеждой Ивановной Рожковой мы ходим по лабораториям, беседуем с больными, врачами. Надежда Ивановна руководит отделением лучевой диагностики и заболеваний женской репродуктивной системы мышечных тканей и скелета.

— Основной задачей остается ранняя диагностика рака. Тогда мы можем делать буквально микроскопические операции, почти полностью сохраняя пораженный орган, скажем, ту же молочную железу, у женщин рак молочной железы продолжает оставаться на первом месте,— рассказывает Надежда Ивановна.

Еще недавно опухоль врачи обнаруживали лишь на ощупь. Сейчас к их услугам приборы, позволяющие увидеть мельчайшие нарушения, например, микроскопический узел внутри протока молочной железы, который сам-то толщиной с волосок.

Мне показывают великолепный бельгийский маммограф.

— Мы его приспособили под наши источники излучения,— поясняет Рожкова.— Это очень интересная отечественная разработка, она снижает дозу радиации раз в пятьдесят, делает ее совсем безопасной, будто прошла женщина по солнечной стороне улицы — и все. Но мало таких приборов,— сетует она,— по стране совсем нет.

Пожалуй, нигде в мире рак молочной железы не лечат столь глубоко и продуманно, как здесь: точная диагностика, хирургия по органосохраняющей методике, облучение, химиотерапия, разрабатываются и простые методы первичного определения болезни — по глазу, уху, например. Так выявляется группа риска, а дальше следуют более детальные исследования.

Недавно появились в институте самые новые приборы, которыми по праву может гордиться любой ультрасовре-

менный медицинский центр мира. Взять хотя бы рентгенокостный денатометр фирмы Норланд. Их во всем мире не больше сотни. За полтора часа проводится полное исследование: состав костных, жировых и мышечных тканей, минеральная насыщенность, делается вывод, каких солей не хватает в организме, выявляются все бывшие ранее травмы, неправильно сросшиеся переломы, фиксируется точный вес пациента до тысячных долей грамма.

Прибор этот особенно важен для наблюдения за теми, кого затронула чернобыльская трагедия. Ведь еще совсем не изучено, чем грозят малые дозы облучения. Но уже ясно: изменения происходят в минеральном составе костей, они становятся более хрупкими.

Чернобыль — особая статья в работе института. И, пожалуй, здесь больше всего нерешенных проблем, трудностей.

— В 86-м году, когда произошла авария, было дано указание военкоматам направить в зону для работы группы военных и малоквалифицированных рабочих, не имеющих противопоказаний по здоровью,— рассказывает руководитель отдела Герман Александрович Зубовский.— Это значит, что люди, посланные на ликвидацию последствий аварии, должны были пройти медицинское обследование. Но сейчас выяснилось, что их посылали без должного обследования. Работая с ликвидаторами, мы запросили от военкоматов их медицинские карты. Многие графы просто не заполнены, пусты. Нет данных ни о флюорографии грудной клетки, ни анализов крови, ни ЭКГ, нет заключений хирурга, терапевта и так далее. А ведь доза облучения, которая для здорового человека проходит бесследно, для больного может оказаться губительной.

— Воздействие радиации на человека сопровождается двумя видами изменений состояния его здоровья,— продолжает рассказывать Герман Александрович.— Первый — это лучевая болезнь, которая возникает при больших дозах. Но есть еще так называемые стохастические последствия при малых дозах облучения. Они могут быть, а могут и не проявляться совсем. Они дают о себе знать через годы, десятилетия, когда вдруг возникают опухоли, развивается болезнь крови. Все ликвидаторы, да и население загрязненных территорий подверглись воздействию радиации настолько, что у них возможны восемьдесят процентов всех стохастических изменений.

— Как же помочь этим людям?

— Прежде всего через высококвалифицированное медицинское обслуживание, постоянную диспансеризацию, профилактику. Это позволит выявить ранние признаки болезни, вылечить человека. В Японии, например, именно хорошо поставленное медицинское обслуживание людей, перенесших бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, позволило добиться потрясающих результатов. Например, продолжительность жизни некоторых облученных от взрыва атомной бомбы оказалась больше, чем для японского населения в среднем.

У нас же пострадавшие люди лишены не только такой, а даже минимальной медицинской помощи. Врачи из местных больниц разбежались, новые не приезжают. Я, например, отказываюсь понимать решение ЦК профсоюза медработников, запрещающее направлять выпускников мединститутов на работу в зону радиоактивного загрязнения. Где же милосердие людей самой милосердной профессии? Что думает о врачах население, прожившее здесь самые трудные и опасные первые пять лет? И насколько оправдано такое решение теперь, когда уровень радиации уже существенно снизился?

Листаю толстые папки с результатами осмотра жителей пострадавших областей России. Постоянно туда выезжают из института бригады сотрудников, живут месяцами в тяжелых бытовых условиях. Но дело делают. Нуждающихся в срочных диагностике и лечении вызывают к себе в институт, в Москву. Исследование пациентов, страдающих головными болями, бессонницей, потерей памяти, идет на уникальном приборе — цветном эмиссионном компьютерном томографе.

— Никакими другими методами нельзя увидеть изменений, происшедших в мозгу в результате облучения,— поясняют мне.

— Такие изменения есть у многих?

— К сожалению...

И подводят невеселый итог: скоро год как принято постановление о выделении валюты для приобретения медицинской техники и лекарств. Однако Госплан СССР до сих пор не может изыскать средств для его реализации. Если так будет продолжаться, территории некогда богатых и многолюдных областей Украины, Белоруссии, России превратятся в мертвую зону. Население разъедется по стране, и найти пострадавших, оказать им необходимую медицинскую помощь станет вообще невозможно. Медлительность в выполнении этого решения Верховного Совета по своим последствиям равносильна второму Чернобылю.

* * *

Вечереет. Операции, обход больных, процедуры, обследования на сегодня закончены. Только профессор Харченко еще оперирует. В кабинете главного врача Ивана Емельяновича Сергеева собрались попить кофе. Позвали и меня. Налили чашечку и отключились на свои дела. Кто-то жалуется: «Уже подготовили помещение для нового ускорителя, но нам, как всегда, ничего не дали. Российский институт обойдется».

И на этом уровне идет конфронтация центра и России, грустно отмечаю я.

Народу в кабинете прибывает. Вот появился Александр Александрович Гваришвили, по общему определению,— «правая рука профессора Харченко». У него докторская по хирургии трахеи.

Харченко рассказывал мне, как однажды пришел к нему на прием молодой грузин, судовой врач. У него не было никаких рекомендаций. Но он настойчиво просился на работу именно сюда, мечтал работать в хирургии. «Не знаю, почему я его взял, как угадал в нем талант хирурга. Почему-то был уверен: не ошибусь».

Разговор врачей между тем становится общим. Пока директор в операционной, все торопятся побольше рассказать мне о нем.

— Я знаю многих хирургов,— говорит профессор Гавриил Акимович Галил-Оглы,— студентом застал Юдина, видел, как он оперировал. Удивительный был хирург. Вот это же чувство восхищения, почти чуда меня не покидает, когда я наблюдаю операции Харченко. Он хирург уровня Юдина. Просто о живых не принято так говорить. По органосохраняющим операциям рака легких и трахеи он сегодня хирург номер один. Фактически свел смертность к нулю. А я помню, как нападали на него! И нерадикальны такие операции, и бессмысленны... Но он не о себе думал — о больных. А там, где для больного легче, для хирурга всегда труднее. Возможно, что без современных методов лучевой и химиотерапии такие операции действительно могли бы оказаться нерадикальными. Но Харченко лечит комплексным методом. И больных берет тяжелых, запущенных, которым все отказали...

— А меня удивляет его интуиция,— задумчиво говорит заведующая реанимационным отделением Марина Владимировна Петрова.— Прооперируют больного, вроде все идет нормально, а Харченко все около него сидит. Потом скажет нам: «Если что, я в институте». Домой не уходит. И правда, больному становится хуже. Сначала я удивлялась, почему всегда, когда возникают осложнения, Владимир Петрович оказывается рядом. Думала: совпадение. Потом поняла — он остро чувствует опасность. Явных симптомов никаких нет, а он заранее начинает беспокоиться. Интуиция.

И еще меня поражает, что за четырнадцать лет работы с ним никогда не видела нашего профессора усталым, расслабленным. Ведь он делает по нескольку операций в день...

Да и мне приходилось бывать на таких операциях. Грудь больного вскрыта, бьется сердце, дышат легкие, пульсирует кровь. Хирург вторгается в этот живой хрупкий мир. Он должен действовать быстро, но не торопясь, должен исцелить, но не нарушить. Жуткое напряжение просто наблюдать за такой операцией...

Большинство молодых врачей института считают себя учениками Харченко.

— Мы научились хирургии, пусть хорошо, но научились, а он хирург от Бога,— говорит Александр Александрович Гваришвили.— К молодым у него отношение своеобразное. Сначала кажется, что он совершенно нетребователен, даже мягок. Старается тебя заинтересовать работой. Ну а когда ты увлечешься, тут он уже бескомпромиссен, особенно если дело касается отношения к больному. Сам же с пациентами предельно сердечен. Даже если они не правы, капризны, несправедливы. На что сердиться? На опухоль? На болезнь?

Многое я узнала в тот вечер о Владимире Петровиче Харченко. И то, что он родом из Краснoперекопска, заканчивал Симферопольский мединститут, потом работал районным хирургом в Казахстане. И то, как приехал в Москву подавать в аспирантуру Онкологического института имени Герцена, прочтя объявление в газете, не имея никаких характеристик, не зная вообще никого из москвичей. И то, как трудно пришлось вначале, когда он только решил разрабатывать свои операции: виварий уничтожили, перевязочного материала и лекарств на животных не выдавали. И то, что, когда он сам стал директором института, никого не уволил из старых сотрудников, но все стали работать подругому. И как щедро делится своими идеями, отзывается на любой зов. Недавно ездил оперировать, передавать свою методику в Грузию, Прибалтику. И то, с каким уважением отзываются о нем ведущие зарубежные хирурги, ведь он работал в лучших клиниках Хьюстона, в знаменитой клинике Мейо в Рочестере, во Франции, ФРГ...

Тут позвонила секретарь директора Елена Михайловна: Владимир Петрович вернулся из операционной и может со мной встретиться для разговора...

* * *

Напрасно Марина Владимировна Петрова утверждала, что Харченко никогда не бывает усталым. В тот вечер я увидела его усталым.

— Трудная операция?

— Нет. Неожиданная скорее. Думали, опухоль, а оказалась такая грыжа, что желудок и кишечник переместились у больного в грудную полость. Отсюда все неполадки. Вот и провозился лишних три часа...

— А довольны-то почему?

— Как почему? Нет у больного опухоли, нет рака.

— Вы оперируете почти каждый день. Привыкли к остроте ситуаций?

— Не знаю... Пожалуй, теперь мне все больше видится особенность, неповторимость каждой операции и все меньше их конвейерная однообразность.

— Владимир Петрович, меня несколько удивило несоответствие названия вашего института и круга исследований, ведущихся тут. Вы не думаете менять вывеску?

— Думаем. Название действительно теперь устарело. Дело в том, что еще недавно наш Московский рентгенорадиологический институт специализировался главным образом по рентгенодиагностике. Но для больного вылечиться важнее, чем узнать свой, даже самый точный диагноз. А лечить-то мы как раз не имели возможности. Кланялись союзным институтам, чтобы взяли больного. А сейчас здесь сосредоточено все: лучевая диагностика, клиника, хирургия и другие методы лечения. Постепенно мы превратились в Российский институт диагностики и хирургии. Так примерно думаем и назвать институт.

— Какие сейчас новые хирургические операции вы готовите?

— Основное направление — органосохраняющие, реконструктивные операции, трансплантация. Ряд таких операций на бронхах, трахее мы выполнили здесь впервые.

Давно существуют протезы конечностей, сосудов. А если создать протезы дыхательных органов, трахеи например? Вместе с ленинградскими учеными мы нашли материал, близкий по составу к биологическим тканям.

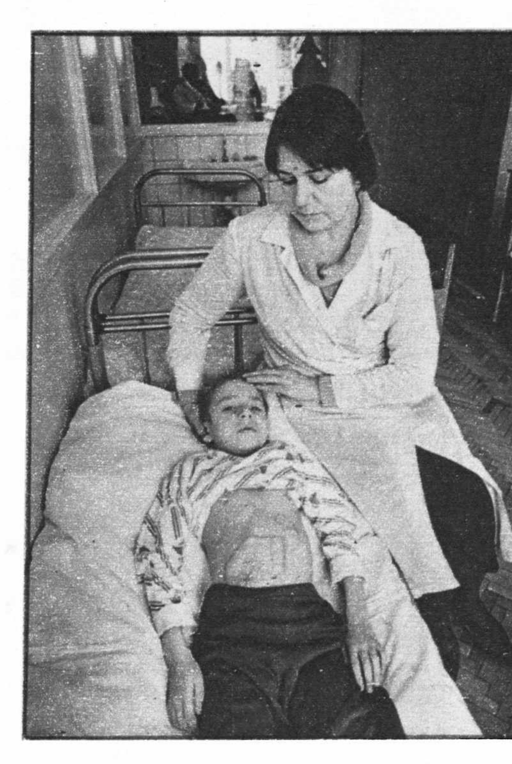
Начинаем и пересадку легкого. Както, лет, наверное, уже двадцать назад, я делал операцию на легких. Опухоль проросла легочную артерию, и мне пришлось удалить отрезок сосуда. Почти полчаса, пока сшивалась артерия, пересаженная доля легкого ничем не была связана с организмом и держалась лишь на нитках. Я подумал о пересадке легкого. Но медицина тогда не была к этому готова...

— Вы оперируете в безнадежных случаях?

— Врач не хочет примириться с тем, что больной безнадежен. Мы знаем: смерть может и ошибаться. Это не так редко бывает. Поэтому для нас просто нет «безнадежных» ситуаций.

— Что вам как директору института принесла перестройка?

— Мне трудно сравнивать, я стал директором лишь в 1987 году. Хотя сейчас всем в стране живется нелегко, но инициативному, творческому человеку все-таки стало больше свободы. И директор должен этим пользоваться. Ну а хирург? Здесь, пожалуй, перестройка ничего не меняет. У хирурга и трудности, и радости во все времена одинаковы.

Операционный день выдался тяжелым... Профессор В. П. Харченко.

«Правая рука директора» — доктор медицинских наук А. А. Гваришвили.

Так готовят к радиотерапии.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

— Взять охрану из пяти человек — Васьковского с его людьми. Журналиста по прибытии на место соответственно экипировать. Вертолет готовить на девять ноль-ноль,— коротко распорядился командир пограничного отряда в Тахта-Базаре Петр Петрович Перепада.

Только в вертолете я понял, что охрана из пяти автоматчиков предназначена мне. Честно говоря, это показалось тогда игрой в войну, в сверхбдительность, что извинительно для дилетанта (тогда я еще не знал ни минной статистики, ни специфики афганской границы, ни статистики происшествий — в прошлом году отмечено почти две тысячи различных нарушений). Впрочем, в любом случае я понял сразу, что основной груз в вертолете — это польская картошка, которую развозили по заставам. Я — груз второстепенный, попутный, хотя и охраняемый.

Катастрофически разлившийся Мургаб (кстати, явление редкое, случается раз в полсотни лет) залил дороги, отрезал от внешнего мира многие заставы, превратив их как бы в острова. В их числе заставу Хумлы — Пески в переводе с туркменского. Точнее не скажешь. Здесь нет воды, ее привозят за 120 километров в цистернах. Здесь не будет электричества, если откажет дизель или кончится солярка... В летние месяцы пески превращаются в раскаленную духовку, температура в тени никогда не бывает ниже сорока градусов (но где она, эта тень?). А вы пробовали жить в духовке? Здесь живут солдаты, меняясь каждые два года, офицеры с семьями и детьми — гораздо дольше.

ЦЕНА МИНУТЫ

Застава Хумлы — это двухэтажная солдатская казарма довольно-таки древней постройки да три-четыре барака, в которых размещаются офицерские квартиры, приезжая (гостиница) — унылое помещение с круглой печкой (зимой здесь случаются морозы под тридцать) и несколькими железными кроватями. У казармы неизменный гипсовый Ильич, перед ним плац — средоточие официальной жизни. Тут перед строем оглашаются различные приказы, поздравления, поощрения и порицания, проходят занятия по строевой подготовке, отсюда, проверив оружие, уходят наряды на охрану границы, отсюда, положив панамы на асфальт, стартуют в десятикилометровый кросс. За спиной вождя традиционная беседка (на любой заставе такую найдешь), в которой пограничники, свободные от службы, перекуривают, чешут языки на разные вольные темы, травят анекдоты, случается, и о вождях. Чем не слепок с нашего общества? Все это обнесено дувалом с пробитыми в нем там и сям отверстиями-бойницами — на всякий случай. За дувалом бродят телята, похрюкивают свиньи с поросятами, пасутся лошади — частная собственность заставы (без этой добавки к госбюджетному снабжению пришлось бы туго).

Над ними солнце, ясное небо, тишина, в общем, идиллия. Но там вон, у стеночки, притих БТР, готовый в любой момент взреветь мотором, а чуть подальше — издырявленный пулями «ЗИЛ». И лишь секунды потребуются для того, чтобы парни из беседки по сигналу тревоги прыгнули на броню бэтээра. Так их учили. Так и произошло, как учили, в тот тихий и солнечный апрельский день. В тот памятный всем им день, когда на заставу с 35-го участка левого фланга поступило сообщение: «Нас обстреливают, ведем бой!» На 35-м участке тогда находился наряд сержанта Андрея Герасимчука, лишь недавно переведенного сюда из «тылового» учебного батальона...

БТР несся по разбитой дороге, презирая ухабы и рытвины. Она то упи-

ралась в небо, то круто падала вниз. Экипированный в солдатскую форму, я сидел на броне, опустив одну ногу в открытый люк и упираясь в бортовую скобу другой по примеру начальника заставы Ивана Мордовца. Лейтенант Павел Васьковский устроился прямо на пулемете, пятерка его автоматчиков — где-то сзади. Когда я хотел забраться внутрь бэтэра, мне сказали:

— Наверху лучше.

— Почему?

— Жив останешься, если на мину напоремся, и... обзор хороший.

Я вглядelся в их лица. Хотелось верить, что они шутят. Спросил еще: «Водитель знает об этом?» Они промолчали, вопрос оказался риторическим... Слева по ходу движения тянулась КСП — контрольно-следовая полоса, своеобразная книга регистрации нарушителей (полоса вспахана и обработана особым профилем, так что виден на профиле малейший след), за ней ряды колючей проволоки на столбах — система, именуемая в просторечии «железным занавесом». Стоит задеть хотя бы одну из ниток занавеса, и на заставе прозвучит сигнал тревоги, и будет известно, на каком участке это произошло. Система и КСП протянулись, нигде не прерываясь, на многие сотни километров. Это рабочее место пограничников...

Вот и столбик с цифрой «35», приехали. БТР глушит двигатель, становится тихо, как в то апрельское утро. Осматриваюсь. Место холмистое, как везде. Система здесь поворачивает почти под прямым углом, пересекая глубокий овраг, заросший каким-то кустарником, травами, взбирается на бугор и за ним исчезает из виду. Мрачноватое местечко. Овраг уходит в Афганистан, до которого отсюда примерно километров десять нашей территории. (Почему так произошло, выяснить не удалось, но не сомневаюсь, что это одна из главных причин всех здешних конфликтов и будущих тоже. Именно в этом, как бы нейтральном, буферном пространстве — а оно бывает шириной до нескольких десятков километров на разных участках границы — минируются дороги, разбрасываются мины-сюрпризы в виде авторучек и т. п., происходят различные нарушения пограничного режима.) Даже мне, дилетанту, стало ясно, что лучшего места для засады не придумать...

Осмотрев КСП на всем участке и доложив на заставу, что тут полный порядок, полоса чиста, пограничный наряд приступил к очистке системы от нанесенной на нее ветром сухой прошлогодней травы. Весной и в пустыне случаются дожди, трава тогда намокает, замыкая собой проволочные нити, вызывая ложную тревогу, а значит, ложные выезды тревожных групп. Не спеша впятером они продвигались вдоль «железного занавеса». Начинало припекать, пошел четвертый час их пребывания на участке — скоро смена. Игорь Дуденко на своем «ЗИЛе» спустился на дно оврага и заглушил мотор. Вадим Торчило и Сергей Рыбников поднялись выше, где ветродуем нанесло особенно много травы, и, расположившись в нескольких метрах друг от друга, принялись за работу. Сержант Андрей Герасимчук прошел еще дальше, завернув за угол системы и скрывшись из виду. Едва пятый, Игорь Степанов, подошел к машине Дуденко, как тишина лопнула, разорванная автоматной очередью с афганской стороны. Тут же в ответ хлестануло с нашей, потом снова с афганской. Снизу не было видно, что там творится наверху. Сорвав автомат со спины, Степанов дал очередь наугад, на звук неприятельских выстрелов и побежал туда по склону оврага.

«Сообщи на заставу, Игорь»,— крикнул он на бегу. Дуденко распахнул дверцу кабины, потянулся за телефонной трубкой, и в этот момент по кабине с противоположной стороны словно град замолотил. Пули пробивали тонкое железо, рвали клочья из обшивки сиденья. Дуденко выкатился из кабины на землю, залег за колесом. «Кажется, не зацепило»,— сообразил он и отчаянно (эх, была не была) снова прыгнул в кабину, включил зажигание и рванул грузовик с места. Проехав метра два, три, «ЗИЛ» заглох (потом рассмотрели, что были перебиты пулями бензиновый и масляный шланги). Чертыхнувшись, он схватил трубку, выпрыгнул из кабины и побежал вверх по склону, к ближайшему гнезду связи на одном из столбов системы. «Быстрее, быстрее»,— подгонял он себя. Он бежал и слышал, что где-то за его спиной стрельба не стихает, продолжается. Он добежал до гнезда в 11.30, крикнул в трубку: «Нас обстреливают» — и только тогда оглянулся назад...

— Вот где он был, этот бандит,— сказал начальник заставы старший лейтенант Иван Мордовец,— здесь валялись стреляные гильзы. В упор мальчишек расстрелял, подлец.

Мы стояли на склоне оврага, чуть ниже верхнего его края. Отсюда до системы было метров 80, там виднелись два квадрата зеленого дерна с положенными на них букетами красных тюльпанов.

— Это называется в упор? — спросил я.

— Конечно,— подтвердил Мордовец,— вы знаете, как стреляют моджахеды? Со ста метров первым же выстрелом сбивают сигарету. Из автомата. Здесь афганец убил Торчило одной пулей, второй ранил Рыбникова в ногу. И тот, раненный, сумел-таки выхватить автомат и дать по бандиту очередь. Не попал, но на несколько секунд отвлек его внимание и, может быть, этим сохранил жизнь другим...

Раненый Рыбников побежал в сторону машины, вниз, пытаясь укрыться за склоном. Он не хотел умирать. Если бы не нога... Не успел. Бандит бросился вслед, выскочил на КСП, хладнокровно добил парня. Увидев в низине машину, дал очередь и по ней. Потом схватил автомат Вадима и побежал обратно. Хладнокровно действовал и нагло...

Степанов увидел убегавшего с двумя автоматами моджахеда в нескольких десятках метров от себя. Тот обернулся на мгновение и тоже увидел пограничника. Степанов понял, что медлить нельзя, и дал очередь. Афганец дернулся, из правой руки выпал автомат, она повисла плетью. «Попал,— понял он,— теперь не уйдешь». Нарушитель прибавил ходу, отстреливаясь с левой руки. Он тоже не хотел умирать. Он был молод, еще не женат. Он хотел продать советский автомат за сто тысяч афгани и заплатить выкуп за невесту. Он хотел растить сыновей, продолжателей рода. Он считал справедливым убить ради этого, пойти против воли аллаха, запрещавшего убийство. Лишь с последним вздохом он понял, что аллах наказал его за смертный грех...

Степанов преследовал нарушителя, не зная, что в автомате осталось всего три пули. Но уже догонял афганца, заходя с другого фланга, сержант Герасимчук. Он не хотел убивать, но другого выбора судьба ему не оставила. Нарушитель отстреливался до последнего, до той секунды, пока пуля сержанта не прошила ему глаз...

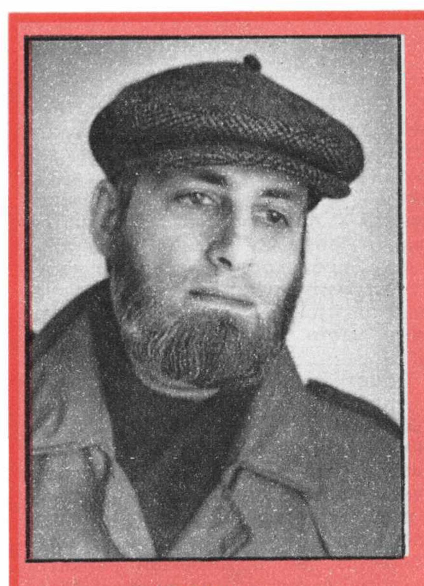
Стало тихо, так тихо, как до этого никогда не бывало. Ничто в природе не изменилось, разве что чуть сдвинулось небесное облачко да пчела два-три раза перелетела с цветка на цветок. Прошло всего три минуты с начала боя, а им казалось — три вечности. И никогда не вернуть этих минут, не оживить друзей — вот жуткая правда, в которую не хотелось верить...

В узком тюремном дворике мне показали десяток задержанных в тот самый день моджахедов, остальных членов банды. Они остались живы потому, что бросили оружие — автоматы египетского, китайского и, увы, нашего, советского, производства. Их задержали быстро прибывшие на помощь по сигналу тревоги пограничники соседней заставы и вертолет с резервом отряда, который возглавлял лейтенант Павел Васьковский.

Кто эти люди? Почему оказались на нашей территории? С какой целью? На эти вопросы ответят следствие и суд. Но даже самый справедливый суд не вернет матерям их погибших сыновей, да простят они меня за то, что тревожу их незажившие душевные раны. Их сыновья не струсили, не отступили. Но трудно уцелеть, когда в тебя стреляют вероломно и скрытно, из засады...

Я вернулся с афганской границы. Там неспокойно. Там продолжает мстить нам ушедшая в прошлое афганская война.

Юрий ЛУШИН,
собственный корреспондент
«Огонька»
Фото автора

«ВОЗЬМИТЕ ВАШУ МЕРТВУЮ ВЕСНУ...»

Игорь ТАРАСЕВИЧ

ПОГОДА

Последний рубль поставлю на ребро!
Жена не говорит, что денег мало.
Зима прошла. Земля блестит пестро,
как шелковое одеяло.

С рукой протянутой — ни шагу к февралю!
Все врут календари! Я знаю ваши штучки!
Я не терплю вас! Я вас лишь терплю,
чтоб жить до мая, словно до получки.

И день, и ночь я чувствую вину,
что стоящей погоды я не стою.
Возьмите вашу мертвую весну
и пропадите с вашею зимою!

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Преображенье — детская забава,
а взрослым вроде даже не к чести.
Потешный полк Петра изведал славу,
чтоб наменять сердец на угольки.

Одно осталось — чистое названье.
Колокола — трамвайные пути.
Им категорий преобразованья,
хоть лоб разбей, уже не обрести.

Вагон звенит, и перестук летящий
из прошлого продолжен в настоящем,
как метроном, отсчитывая дни.

Преображенье — детская забава.
И новый день, и вечность — все лукаво.
Преображенье, чур, не обмани!

КРЫМСКИЙ МОСТ

Как будто только что с урока,
который знал он наперед,
в студенческой тужурке Блока
прошел четырнадцатый год.

А там... Какие были страны,
мосты, дороги, города!
Они возникли из тумана,
как Вифлеемская звезда.

Из сконденсированной влаги
встал, выпрямляясь в полный рост,
уже не только на бумаге
наш Крымский мост, железный мост.

То не устой подставил тело —
я подостлал ладонь свою.
Что, Чернышевский, что мне делать?
Я в легкой курточке стою.

САДКО

В скоморошьем рядне, да с улыбкой блажной,
да с языческой страстью во взоре
на дубовой дощечке он спорил с волной,
чтоб могло успокоиться море.

Эх, во всем Новеграде под стать гусляру
корабельщиков больше не стало!
Той великой волной захлестнуло игру,
что с дощечкою по морю мчало.

Царь морской подступает к нему:
— Говори,
почему не играешь, паскуда?
А Садко лишь пускает наверх пузыри
да и зенки таращит на чудо.

И покуда яровчатым гуслям не петь,
вся вода не покинет межени.
Корабельщики тянут спокойную сеть
и на веслах подходят к Ильменю.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ БАЛТФЛОТА

Из Гельсингфорса едет мама,
а папа в Ревеле пока
и путешествует упрямо
от кабака до кабака.

На маме шляпка с вуалеткой,
глаза скрывающей во мгле.
А папа — с пальцем на гашетке
и пулей досланной в стволе.

У мамы в лифчике газета,
а в ней шифровка для ЧК.
А папа вышел из клозета
в бинтах от «мáксима»-дружка.

Наркомвоен товарищ Троцкий
Почти что восемьдесят лет
для папы с мамой краснофлотский
решает выправить билет.

Об этом мама пишет книжку,
а папа спит себе с другой.
А я, молоденький мальчишка,
лежу с оторванной ногой.

НА ПОЛЯХ РОМАНА

Достоевский переулок.
Пахнет кошками подъезд.
Шаг поспешен, отзвук гулок.
И рука выводит крест.

Чтоб вкрутиться, проявиться
силуэтом на мосту —
отрешиться, перелиться
в скачущую пустоту.

Чтоб глядеть в стальную воду,
чтоб упасть в нее, как гвоздь,
человечью ли природу
второпях пройти насквозь?

Небоскребы ли, трущобы
проходя наперебой,
цапнуть дверь, как крышку гроба,
и захлопнуть за собой.

ОГНИ

Глухая насыпь. Проступает
роса на щебне колеи.
И светят кромкою припая
две белых рельсины-змеи.

А там — рабочий полустанок.
И лишь ладони протяни —
тяжелым заревом вагранок
сейчас наполнятся они.

Какая сырость! Дрожь какая!
Но вот, спасение суля,
катясь, до слуха долетает
тугой удар. Дрожит земля.

Туда, туда, туда! За мною
глухая ночь, а перед ней
там, отгороженные тьмою,
огни сильней, огни красней!

Скорей же! В страхе небывалом
течь, как горячая руда,
бежать, бежать по черным шпалам
туда, туда, туда, туда!

Александр НЕЖНЫЙ

РУССКИЙ АПОКАЛИПСИС

БЕЗУМНОЕ МОЛЧАНИЕ

Современники поразившей Россию в начале семнадцатого века и едва не погубившей ее Смуты пытались понять: за что выпало отчизне столь безмерное страдание, и приходили к выводам, поучительным и для нас. Русский историк и мыслитель семнадцатого века дьяк Иван Тимофеев первой из причин называет ложь, которая, по его словам, пронизала все общество. Плевел лжи заглушил истину; она умолкла и поникла. Власть оказалась в недостойных руках; но не нашлось ни одного «крепкого» человека, который бы возвысил голос против произвола «тиранов».

«Поищем у себя,— пишет дьяк,— и все усердно постараемся прежде всего уяснить то, за какие грехи, не бессловесного ли ради молчания наказана наша земля...» Называя далее среди пороков общества «дерзость клятвопреступлений», лицемерие, «потерю между собой общего любовного союза», «безмерное употребление вина и обжорство», «ненасытное сребролюбие», «приобретение множества, больше, чем нужно, различных вещей», «зловонное произношение языком и устами матерных скверных слов», Тимофеев, как глубоко православный человек, предполагает, что все это появилось «от потери сознания страха Божия, от потери сознания своих грехов, оттого, что сердце наше окаменело». Бесстрашно указав обществу на его язвы, он опять возвращается к «бессловесному молчанию». Промолчав перед Борисом, пишет он, породили Гришку Расстригу; а далее, как выразились бы мы, началась цепная реакция зла, поставившая Россию на край гибели. «Каждая злоба является матерью второй...»

Общество не должно, не имеет нравственного права мириться с беззаконием и произволом; если общество трепещет и молчит, оно тем самым уже предопределяет свою судьбу — эту мысль высказывает и келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын. «За всего мира **безумное молчание**»,— говорит он,— наказана была Русская земля. И если вдруг таким смятением и такой болью отзываются ныне в нас слова наших далеких предков, если некий пророческий звук слышится нам в них и если мы с горьким восторгом обнаруживаем их **злободневность**, то не значит ли это, что мы прошли мимо одного из важнейших уроков нашей истории, завещавшей нам ни при каких обстоятельствах не позорить и не губить себя бессловесным и безумным молчанием. Надо было нам напрочь лишиться исторической памяти, чтобы в рабском безмолвии переносить напрасные страдания, невинно пролитую кровь и смрад нечистот застойного времени.

О нет, я чрезвычайно далек от соблазна прямых сопоставлений, но кажется мне, что образ Смутного времени пробивается сквозь мглу столетий и в каком-то новом облике встает теперь перед нами. Найдется когда-нибудь летописец, оглянется и промолвит: молчали, лгали, потворствовали, затем все враз, как по команде, заговорили, но все не о том. Они были похожи на людей, запишет он в правдивую свою летопись, которые, заблудившись, с криком о помощи брели совсем не в ту сторону... Вместо того, чтобы осмотреться, обнаружить исторический перекресток, с которого они свернули на дорогу, в конечном счете приведшую их к неисчислимым бедам и всемирному позору нищеты, и с покаянием воззвать к Богу, чтобы Тот наконец вывел их из пустыни и поставил на твердый путь разума и добра,— они с каким-то необъяснимым упорством, отметит летописец, держались направления, когда-то выбранного для них слепыми вождями.

При этом многими из них овладело стойкое помрачение, и они со злобным упоением вопили, что давно бы уже наслаждались кущами земного рая, если бы не оказавшиеся в их рядах люди с отвратительной кровью, тайные заговорщики и заклятые враги. И сказано, быть может, будет некогда в правдивом повествовании о наших днях, что мало кто из заблудившихся мучился болью опозоренной земли и плакал ее слезами. Свою маленькую жизнь они умудрялись избыточно отяготить ненавистью, напрочь позабыв при этом, что ненависть — так же, как и ложь, непременно приведет к Смуте.

Ту Смуту Россия перемогла.

ТЯГА ПРОЧЬ

В свете русской истории разговор об эмиграции (вопреки нашим эмигрантским святцам) я начну не с князя Андрея Курбского, а с писца и клирошанина Ивана Черного, одного из самых ярких представителей ереси так называемых жидовствующих, иначе говоря, одного из деятелей русской реформации, не давшей, правда, нам своего Лютера, но тем не менее оставившей свою, и довольно глубокую, зарубку в русском духовном сознании.

Иван Черный бежал туда же, где почти век спустя нашел пристанище Курбский,— в Литву, которая, судя по всему, не завтра, так послезавтра станет для нас такой же **заграницей,** какой она была некогда для Московской Руси. Наверное, не был первым и Черный; я назвал это имя, чтобы показать, что русский человек отрясал со своих ног прах Отечества вовсе не из-за каких-то там сугубо материальных причин. Он знал, что на родине ему не сносить головы, если она будет упрямиться и думать посвоему, и что кнут, темница и дыба будут наставлять его на путь истинный до тех пор, пока он не испустит дух.

Не захотел покорно подставлять свою шею под топор палача и Курбский; бежал — и услышал вслед совершенно недвусмысленное исповедание принципа абсолютной тирании. «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнить вольны же»,— написал ему в ответ на первое его послание Иван Грозный.

Любимец царя, Курбский ходил затем воевать против России и в этом отношении стал как бы предтечей обласканного другим тираном генерала Власова. Есть еще и сейчас немало охотников припечатать князю **изменника**; однако сражаться против своих — это не столько добровольный, сколько трагический выбор Курбского (замечу тут в скобках, что скорее всего и генерала Власова), давший ему единственную в сложившейся исторической обстановке возможность избавить Отечество от тирана.

Надо при этом помнить, что классическое советское отношение к тем, кто покинул Родину, всегда было исполнено праведной ненависти и негодующего презрения. Правда, тут имеются некоторые довольно существенные оттенки. Древний русский человек, ушедший за кордон или — как это, к примеру, случилось с отправленными Борисом Годуновым для учебы на Запад восемнадцатью молодыми дворянами — ставший **невозвращенцем,** почти непременно достоин осуждения, ибо в изуродованной сталинскими опричниками русской истории тот же Иван Грозный является едва ли не идеалом мудрого и сильного правителя, бегство от которого приравнивается к измене Отечеству. И бесчеловечный поступок Петра Первого, приказавшего во что бы то ни стало поймать своего беглого сына, а затем пытать и казнить его, в изображении пристрастной к так называемым сильным личностям Клио приобретает черты поистине античного противоборства государственных интересов и отцовских чувств.

Но уход из царской России — это уже гражданский подвиг, венец мученичества и рубище страдальца. Герцен или патер Печерин (в чьих «Замогильных записках», кстати, мне явственно слышался мелкий хохоток скучающего **требоисполнителя),** Бакунин или Лавров, Ткачев или Ленин — все они в той или иной мере включены в пантеон гонимых и претерпевших за правду, хотя чрезвычайно **запальчивая** и лишенная каких бы то ни было народных основ деятельность большинства из них (исторически и нравственно точно определенная авторами «Вех») была — как это особенно ясно видно в свете охватившего ныне Восточную Европу очистительного огня — либо добросовестным и потому трагическим заблуждением, либо политической игрой с обязательной установкой на выигрыш любыми средствами.

Я вовсе не хочу сказать, что российская действительность минувшего столетия не давала искреннему человеку ни малейшего повода ощутить произвол и насилие государства. От религиозной нетерпимости бежали в Австро-Венгрию старообрядцы, в Канаду — духоборы, которым помогал переселиться Лев Николаевич Толстой; от «черты оседлости» и связанных с нею унижений уезжали в Северную Америку евреи — почти сорок тысяч лишь в 1901—1902 годах; да и у русской интеллигенции, причем даже у вовсе не революционизированной ее части, при крайней простоте выезда за границу должно было возникать желание пожить вне царства чиновников, полиции и Собрания узаконений и распоряжений правительства, стремящегося предписать подданному империи едва ли не каждый шаг.

Но царская Россия, со всеми ее действительными и вымышленными недобросовестными историками и писателями, пороками, к тому же в короткие годы от Первой до Четвертой Думы прошедшая поистине огромный путь к правовому государству, после Октября семнадцатого стала казаться золотым сном обитателям ее городов и весей, которым первым на всей земле выпало узнать, что такое тотальная несвобода и с чем она связана. Самый отвратительный, самый лживый, самый бесчеловечный из всех когда-либо существовавших на свете режимов, объявив беспощадную войну свободной мысли, свободному слову и свободной совести, отправил в пожизненное изгнание наиболее выдающихся русских мыслителей и художников. Нельзя, однако, не признать, что это был не лишенный известной гуманности жест советской власти, которая в дальнейшем предпочитала определять инакомыслящих в эмиграцию, либо на острова ГУЛАГа, либо прямехонько на тот свет.

И напрасно обольщали себя сменовеховцы пустыми мечтаниями о национал-большевизме, который, возродив крепкое государство, завершит на этом свою историческую миссию и превратится в нечто человечески приемлемое,— напрасно! Один из сменовеховцев, вернувшийся в конце пятидесятых годов в Россию, профессор Чахотин, занимавшийся опытами на живой клетке и пропагандой эсперанто, рассказывал мне, зеленому репортерику московской газеты, о своей жизни и своих надеждах, и совсем недавно, перечитав мои записи, я понял то, чего не мог понять в дни наших с ним разговоров,— он приехал лишь для того, чтобы спокойно умереть.

Впереди был позор брежневского режима, арест Синявского и Даниэля, изгнание Солженицына, смерть Галанскова — впереди была почти поголовная внутренняя эмиграция, тоскливое стремление свести к необходимому **прожиточному** минимуму свои отношения с властью, впереди был разрывавший грудь безмолвный вопль моего поколения к Богу: зачем Ты оставил нас?! Духовное бегство, повторяю, было повальным, но значит ли это, что мы рвали связи с Россией? Уезжали и уезжают не от России — от нее вообще невозможно уехать, даже если ты с некоторых пор живешь не в Москве, а где-нибудь на другом краю света, в благополучном американском городке, по тихим улицам которого ранним утром бродят олени... Бегут от государства, грузная туша которого закрывает небеса; бегут от власти, у которой нет ничего святого; бегут от домоуправления, райкома, обкома, радиовещания, от сексотов, очередей, лагерей, от бесстыдной лжи и холодной жестокости, от чудовищного бескультурья и победоносного хамства — бегут, чтобы спасти от монстра свои смертные тела и бессмертные души, бегут, проклиная и плача.

Но теперь, в эпоху перестройки, зачем теперь говорить России: прости и прощай? Конечно, с точки зрения европейского человека, эмиграция есть нечто само собой разумеющееся; но мы-то все еще больные, исковерканные люди, и наш взгляд на очередь к американскому посольству несколько отличается от европейского — тем более что нам **отсюда** хорошо видно, что тяга прочь — это не только тяга к нормальной человеческой жизни, которая, судя по всему, очень не скоро установится на одной шестой части земного шара. Воображению советского гражданина мерещатся железная поступь окрепшего национал-большевизма, бессудные расправы, погромы, национальные войны, гибельное торжество колхозов, нищета, колючая проволока — и разве кто-нибудь возьмется сейчас со всей

ответственностью утверждать, что эти ночные страхи лишены всякого основания?

Но тоненький лучик надежды согревает мне сердце. Мне хочется думать, что русский Апокалипсис уже был и что сейчас, очутившись, по сути, на развалинах, мы наконец совместным, соборным разумом осознáем, что думать и заботиться надо прежде всего не о том, чтобы стальными обручами опять скрепить громаду, готовую, как Медный Всадник — Евгения, насмерть затоптать непослушного подданного, а о том, чтобы восстановить созданного по образу и подобию Божьему человека. Только один путь еще существует для нас: путь христианства и культуры, культуры и христианства — путь, держась которого мы сможем наконец войти в семью народов.

САМОЗВАНЦЫ

Вероятно, ни в одной другой стране мира не появлялось такого количества самозванцев, как в России. Между тем в согласии со школьной историей и литературой большинство из нас помнит одного лишь Лжедимитрия Первого — главным образом благодаря пушкинскому «Борису Годунову» и сцене у фонтана, в которой самозванец, кляня себя за минутную откровенность, заявляет Марине: «Царевич я». Было бы, разумеется, против всех законов художества искать в самозванце Пушкина точное повторение самозванца исторического, хотя гениальный русский поэт с поразительной верностью указал, может быть, главную черту личности Лжедимитрия — его абсолютный нравственный релятивизм.

Ему, к примеру, было решительно наплевать на мучительно острые для той эпохи вопросы веры — с арианами он был арианином, с католиками — католиком, с православными — православным. Он клялся в верности папе римскому и обещал привести «русских людей к латинской вере», но, оказавшись на троне, принялся зло подшучивать над обычаем целовать у папы туфлю; он не уставал повторять, что всем обязан королю Сигизмунду, но, овладев Москвой, стал поглядывать на короля сверху вниз и требовать, чтобы тот в своих грамотах называл его непобедимым императором, из-за чего их отношения, постепенно охладевая, скатывались к разрыву и ссоре; он добивался руки Марины Мнишек и готов был ради нее отдать опутанному долгами Юрию Мнишеку немалый кусок России, но в Москве пустился в откровенный разврат и, как утверждают современники, обрюхатил более тридцати монахинь. Он принудил к сожительству красавицу и умницу Ксению Годунову и, по моим догадкам, только к ней испытал истинное чувство, но легко переступил через него, получив от своего будущего тестя письма со строгими внушениями и опасаясь вместе с Мариной потерять поддержку Польши. Он был человек не робкого десятка, но ужасный хвастун; соображал быстро, но отличался легкомыслием; мечтал сделаться главой антимусульманской лиги, но у себя под носом прозевал боярский заговор, в результате которого был убит. Мертвого, его раздели донага и выволокли на Красную площадь, где, как пишет один живший в ту пору в Москве иностранец, «московские женщины, большей частью из простого народа... столь непристойно выражались о его пудендо и его царице, что писать об этом не подобает».

Он слишком любил себя, чтобы любить Россию, и потому с легкой душой расточал ее казну, готов был поступиться ее землями и ни во что не ставил ее святыни. Его и Второго Лжедимитрия связывает Марина — из-за своего бешеного честолюбия она признала в человеке с характерной еврейской внешностью своего якобы чудом спасшегося мужа, спала с ним и от него прижила царевича Ивашку, которого повесили в Москве, когда ему было три года. В тот день крутила метель, мальчик озяб и по дороге к виселице спрашивал: «Куда меня несут?» Их было много, и все они кончили плохо: и **три** Лжедимитрия, и Лжепетр (якобы сын Федора Иоанновича, а на самом деле казачок Илейка, выбранный в царевичи казачьей сходкой), и его незадачливые братцы: Федор, Клементин, Савелий, Семен, Василий, Ерошка, Гаврилка, Мартынка...

Самозванцы появлялись в России и за пределами семнадцатого века. Назовем мнимых сыновей Петра Первого, которыми представлялись Ларион Стародубцев и Тимофей Труженик; княжну Тараканову, утверждавшую, что она дочь императрицы Елисаветы; беглых солдат Кремнева, Чернышева, некоего армянина Асланбекова и, конечно же, Емельяна Пугачева, присвоивших себе имя императора Петра Третьего.

Однако классическое, так сказать, самозванство, стремящееся к вершинам власти и ради этого похищающее чужую судьбу, все более и более скатывается в обыкновенное мошенничество, весьма напоминающее похождения нынешних мнимых корреспондентов «Известий», а также лжеработников партгосаппарата, выманивающих деньги у наших простаков за обещания квартиры, мебели и машины. Вместе с тем это вовсе не означает, что оно перестало существовать как характерное для России явление. Поскольку в революции всегда есть нечто самозваное, то в конце концов ее вождям необязательно красть чужое имя, чтобы по своим нравственным качествам ничем не отличаться от самозванцев прошлого.

Читая, к примеру, записки секретаря Сталина Баженова, отчетливо сознаешь, что весь партийно-советский ареопаг представлял собой, по сути, стаю более или менее крупных самозванцев, вполне в духе Первого Лжедимитрия озабоченных главным образом собой, а не Россией, которой они овладели с помощью насилия и лжи.

Отсутствие каких бы то ни было связей с народом, которому они клялись на словах и который презирали на деле; маниакальная склонность к разрушению при весьма убогих творческих дарованиях; пренебрежительное отношение к преданию, которое ничего не говорило их пустым сердцам, насилие над историей, ненависть к свободному слову, обличающему их тайные и явные пороки,— вот родимые пятна из самозванства, создающего вокруг себя атмосферу угрюмого подозрения и невыносимой пошлости. Как некогда Лжедимитрию, им ничего не стоило разбазарить сокровища государства; они все спустили за бесценок — руду, лес, нефть, картины великих мастеров и творения знаменитых ювелиров — и, ограбив народ, уверяли, что это сделано для его же блага.

Вместе с тем самозванец не был бы самим собой, если бы устоял перед соблазном придать своей поистине ничтожной личности некую историческую значительность. Он подозревает, что его с облегчением забудут тотчас после его смерти, и будто одержимый метит землю своей печатью, отнимая у городов родные, законные названия и заменяя их отвратительно чужими, не хранящими в себе ни одного драгоценного для сердца звука. Но все-таки главная его страсть — **наслаждение,** и она разрастается в нем до совершенно невероятных, прямо-таки фантастических размеров. Квартиры, дачи, автомобили, ордена, звания, премии — все будто проваливается в ненасытную утробу самозванца, которая в конце концов не выдерживает и лопается, как болотный пузырь.

Возле мертвого тела Лжедимитрия загорались появившиеся из земли синие огни; зарытое в могилу, оно дважды выбиралось оттуда, после чего решено было его сжечь, а прах развеять по ветру. Мертвые тела наших самозванцев своих почетных могил пока еще не покидали; и, может быть, поэтому мы часто видим их в своих самых дурных снах и предчувствиях.

Истекает время, уходят люди, вещи ветшают на свалках. На месте старых деревьев растут новые, или дома строят другие люди. Неизменны лишь перемены, а все остальное только и ждет, чтобы ты отвернулся. Отвернулся — раз! И ничего уже не узнать.

Погоди, ты погоди — а что вот было здесь? А здесь? Ни черта не помню — как на Луне. Все позарастало. Ничего почти не осталось. Кроме жизни.

А все улицы тут назывались одинаково — «Лучевой просек». Различие было только в номере — «первый», «второй», «третий»... Раньше здесь вроде было какое-то поместье: конюшни, прачечная, флигеля, а потом стало все жилое и называлось «дачи». И здесь жили люди.

Они возвращались сюда из дальних эвакуаций в разоренные квартиры, подкармливали сирот, читали по очереди газеты, ходили на работу в госпиталь, где лечились герои войны, радовались на первомайских манифестациях. Люди исхитрялись держать кур и свиней, таскали воду из колонки, пилили дрова, тушили шальные пожары, провожали детей на целину и в тюрьмы. Двери в домах не закрывались, праздничные столы накрывали на улицах.

Их дети мчались в кино, пересчитывая на ладошке медяки, играли в «казаки-разбойники», «штандер», круговую и долевую лапту, «чижика», «бояре, мы к вам пришли», лазили через забор на каток в Сокольники, запрятывая галоши в снег под приметными деревьями. Дети толкли мел в блюдечке и драили им тапочки, чтобы сияли во тьме издалека. Танцевали во дворе под радиолу, под круглым репродуктором «Рио-риту» и танго. Сражались дотемна в волейбол «дача на дачу», а штапельное платье было пределом мечтаний.

Работали в эти времена и в этих местах с четырнадцати лет, вставали до солнца, сугробы были выше головы, но дорожки уже расчищены до песка, и следом шел провожать дворник в белом фартуке и с бляхой на груди. Он провожал до автобуса и имел на всякий случай заливистый свисток в кулаке, а был еще и участковый, находившийся всегда «в курсе».

И ребята тогда очень уважительно относились к девушкам. Никогда, чтобы матом. О водке вообще разговор был исчерпан.

А дома их были старые-старые, дырявые, вода вымерзала за ночь в ведрах, у каждого дома еще и помойка, тьфу!

А жили они почему-то счастливо-счастливо. И ждали еще чего-то лучшего. И это лучшее приходило: цены снижали, строили новые дома, и их бросили в объятия каменной жизни. Все разъехались. И тут же сошли следом грибы. Перестали забредать на улицы лоси. Остались просто лужайки.

Очень обычная история каждого человека. Да, жили на этой земле, и у парка играл оркестр, покашливали тарелки, и трубы несли вдаль свои носатые страдания, яичными желтками посверкивали инструменты, и ветер рвал у музыкантов ноты из рук. Жизнь прошла, перевернули страницу.

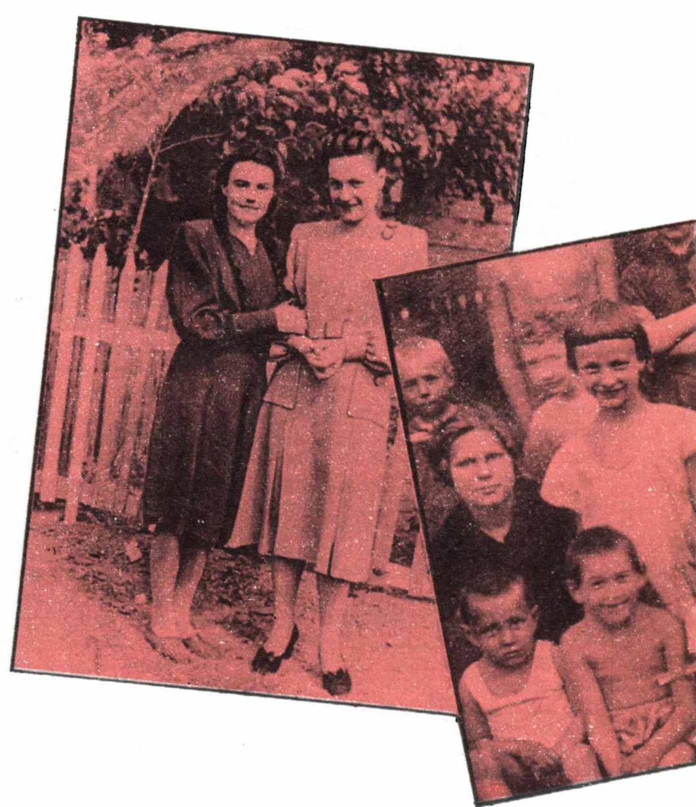
А вот эти люди почему-то не сдались. Десятилетия отмаялись в разлуке, а потом не выдержали — собрало их воедино на родные лужайки. Они захотели вернуть жизнь.

Раз в год. В один и тот же день. В полдень тянутся они с автобусов и станций метро по знакомым тропкам, к удивлению окрестных собачников. Целуют ждавшие их деревья. Расстилают скатерть-самобранку. Аккордеоны вспоминают прежние песни, играет радиола. Они показывают друг другу внуков, поминают тех, кто уже не дойдет до родных мест, но никогда уже их не покинет. Они прежние соседи, счастливые люди, и, оказывается, прошлое не умирает, оно может вернуться, оно имеет силу и власть над людьми. Оно только и делает нас людьми. И это неправда, что все прошло. Пройти могут люди. Наша жизнь не умирает. Она ждет нас. Она с нами до последнего.

В этом районе жили двое: Юра и Неля. Очень дружили, дело шло к свадьбе. А тут он отправился на целину, на два года. На прощание поссорились как следует. Она замуж вышла. Он женился. Вот и все. Через много лет он пришел на эту полянку, он сидел в стороне на бревнышке, понурый, рядом бродила собака. К нему подошли седые «девчонки» из давно ушедших дней, они его узнали. Он к тому времени был уже один. И «девчонки» ему пошептали, что Неля тоже одна. Он купил цветы и пошел к ней. Через год они пришли на полянку опять, уже вдвоем, уже после свадьбы.

Вся наша беда в том, что мы редко собираемся вместе. Надо попробовать.

Александр ТЕРЕХОВ
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

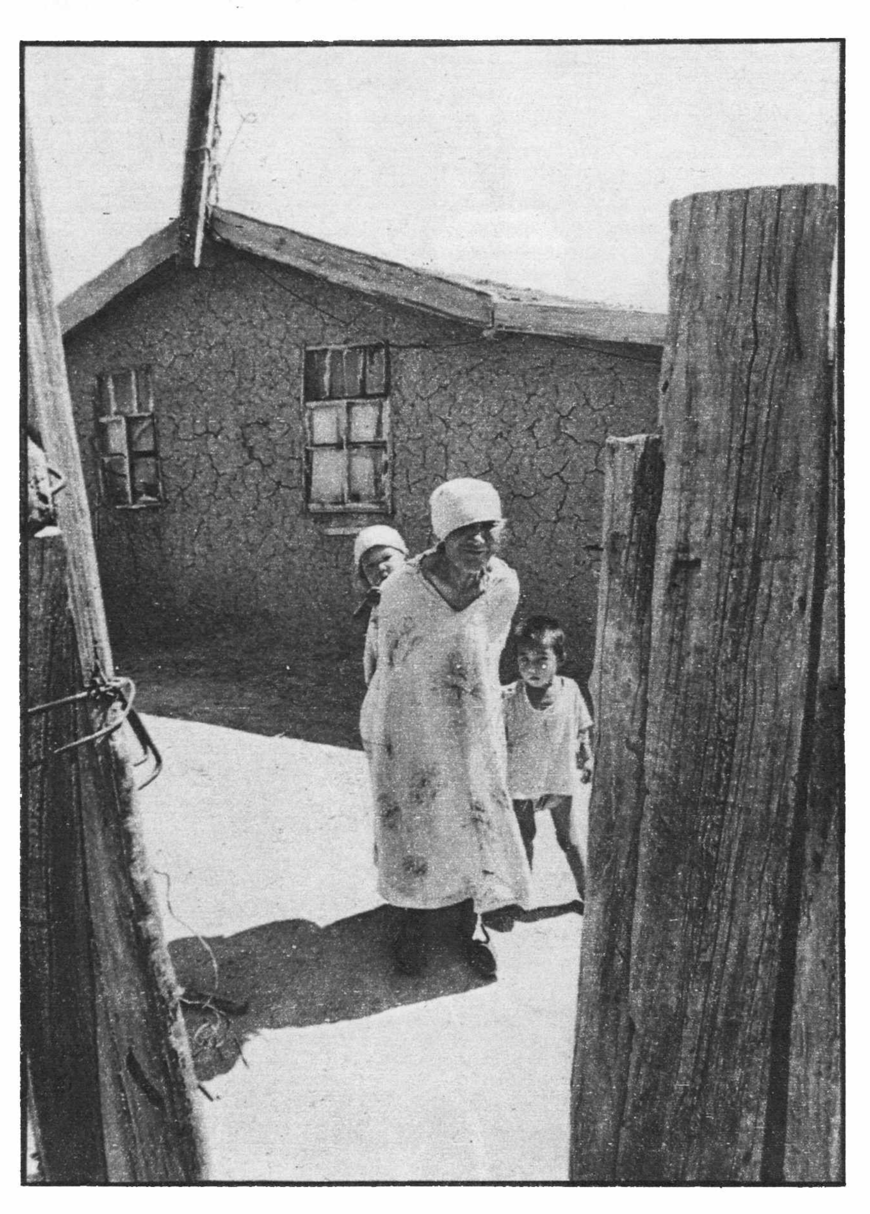

МЫ РОЖДЕНЫ, ЧТОБ МОРЕ СДЕЛАТЬ ПЫЛЬЮ...

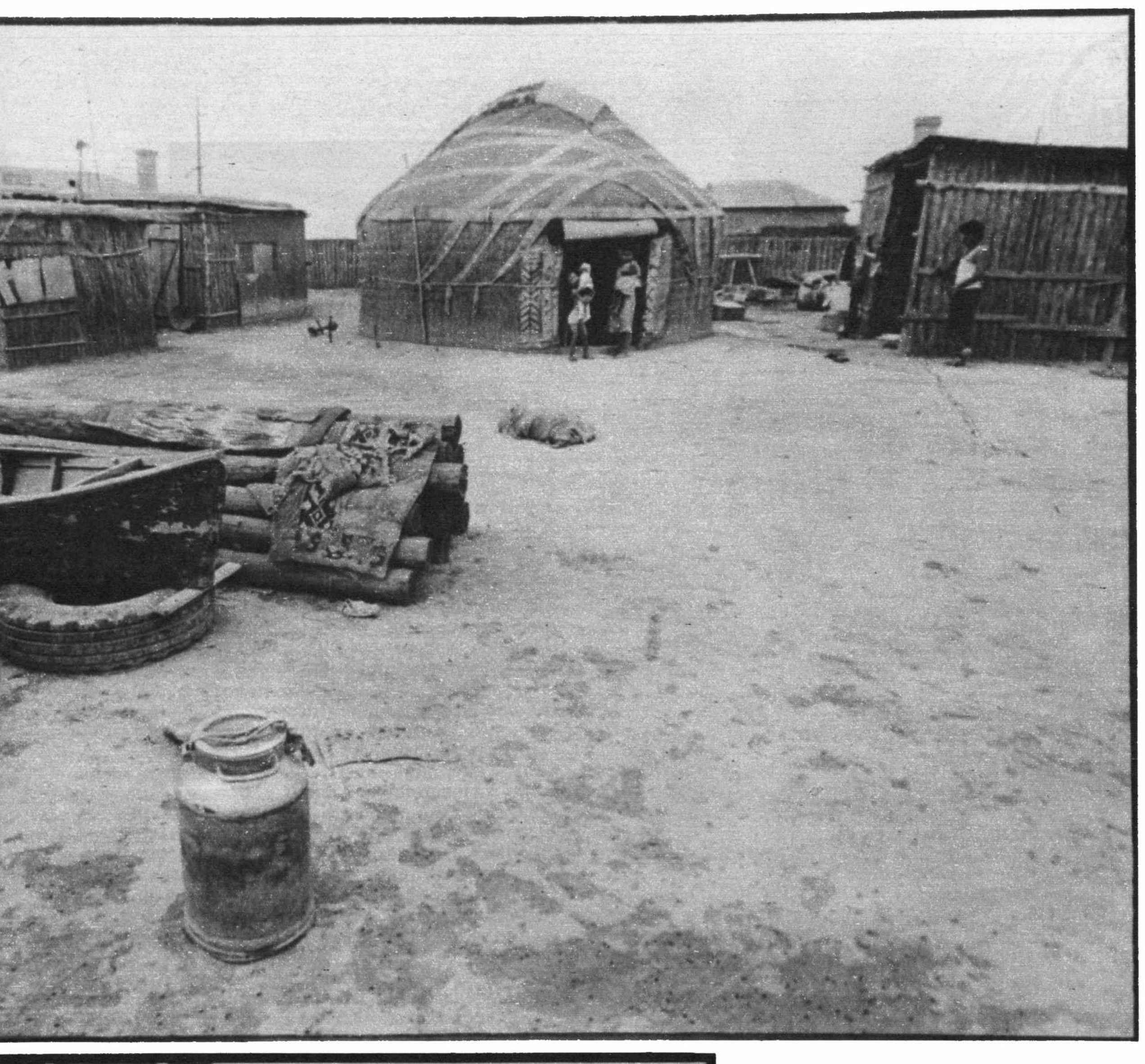
Советская система хозяйствования совершила «великий подвиг». За каких-нибудь 20 последних годков Аральское море, благополучно существовавшее до этого миллионы лет, лишилось 640 куб. км воды. Больше половины. Соленость некогда пресноводного водоема достигла 27 граммов на литр — почти как в Мировом океане. Уровень моря упал на 13 метров. Превратились в пустыню 2,6 млн. гектаров осушенного дна. С этой территории ветром разносятся десятки миллионов тонн соленой пыли на расстояние от 400 до 800 километров.

Усыхание моря вызвало своеобразную цепную реакцию: исчезла вместе с водой и рыба; потеряли работу, а стало быть, и средства к существованию, тысячи рыбаков; жестче, континентальнее стал климат; значительно снизились вегетация сельхозкультур, да и продуктивность всего сельского хозяйства в целом.

Повторное использование в мелиорации коллекторно-дренажных вод, которое организации Минводхоза СССР придумали в погоне за валом, привело к тому, что в Сырдарью и Амударью сбрасываются прошедшие через поля воды, вобравшие в себя соли, гербициды и пестициды. Наблюдения показывают, что доля свежей воды в низовьях Сырдарьи

составляет 38—40 процентов от общего водозабора. А остальная — отравленные сбросовые воды. А между тем во многих районах Каракалпакии речная вода — единственный источник водоснабжения.

Жизни одного поколения хватило, чтобы вполне благополучное и даже процветающее население Приаралья поставить на грань физического вымирания. Детская смертность здесь самая высокая в стране. Более 80 процентов женщин, способных родить ребенка, страдают анемией. Свирепствует гепатит. Заболеваемость брюшным тифом за последние 5—6 лет увеличилась в 4 раза. Резко возросло число онкологических заболеваний. Известны случаи, когда новорожденные отказываются от материнского молока: его соленость в 3—4 раза превышает норму.

Невыносимые условия жизни повлекли за собой миграцию населения из районов Приаралья. Уезжают казахи в родные степные просторы. Покинули бывший портовый Муйнак уральские казаки, поселившиеся в этих местах еще в прошлом веке, спасаясь от царской «милости». Уезжают корейцы, татары. Море и люди разбегаются в разные стороны. И только коренное население — каракалпаки никуда не уезжают. Их связывает с этой землей многовековая Память далеких предков. Да и не верят они, что море ушло окончательно. Надеются, что остановит наш экономический исполин стремительный бег к краю пропасти, что еще вернутся на их благословенную Родину лучшие времена.

Владимир ДУБРОВСКИЙ,
фото
М. БАЛТАБАЕВА,
А. РАХИМБАЕВА
(РИФА)

Ташкент

■

В книгах и учебниках, повествующих о тяжелом дореволюционном прошлом, встречаются рассказы о том, что одной из форм ограбления пролетариата было введение оплаты труда талонами вместо денег. Эти талоны труженик мог отоварить только в лавке владельца фабрики, на которой он работает. При этом, правда, упускалось из виду, что, помимо этих талонов, пролетарии получали зарплату вполне конвертируемыми деньгами. Но речь в данном случае не об этом, а о том поразительном сходстве всей финансовой системы нашего общества со сказкой про «плохих» фабрикантов. Чем советские рубли отличаются от талонов, которые действительны только в одной лавке нанимателя? В нынешних условиях, когда государство-наниматель стоит на грани банкротства, его населению — эксплуатируемым трудящимся нечего купить в лавках нанимателя на талоны-рубли. Настоящих же денег — валюты нашим трудящимся иметь не положено.

После революции советский человек оказался привязанным к своему работодателю неконвертируемым рублем прочнее любых цепей и оков. Вспомните Остапа Бендера, бежавшего с золотым блюдом, а не с рублями.

За прошедшие десятилетия, по существу, ничего не изменилось. Даже в тех случаях, когда гражданам нашей страны удается заработать валюту, бдительный «наниматель» находит возможность отнять ее почти полностью. Поневоле вспоминается чеховская Каштанка, которой мальчик сначала давал кусочек мяса на веревочке, а потом, когда собака заглатывала его, выдергивал мясо изо рта. В роли такого мальчика с первых дней своего существования выступает наше государство.

Остатки той валюты, которую не отняли сразу, выуживает Внешэкономбанк. Но, единожды положив туда деньги, советский человек имеет мало шансов получить их обратно. Все эти замечательные факторы создают благоприятные предпосылки для повального бегства за рубеж людей, которые умеют что-то делать: от шофера такси до доктора наук. И это только справедливо, ведь еще древние греки говорили, что свободный человек отличается от раба тем, что имеет право иметь деньги.

В. ЛОГИНОВ
Псков

■

Уже в течение длительного времени в средствах массовой информации обсуждается вопрос о переходе к профессиональной армии. Война в Персидском заливе подтвердила актуальность этого предложения. Однако дальше слов дело не идет. На мой взгляд, ошибка состоит в том, что выдвигается задача сразу же достичь конечной цели — организации профессиональной армии на демократической основе. Эта идея представляется пока трудноереализуемой и поэтому мало интересует основную массу населения.

Я считаю целесообразным начать с того, чтобы сократить продолжительность службы призываемых в армию граждан с двух лет до одного года. Это наверняка встретит всенародную поддержку и будет полезно во всех отношениях. Страна находится в состоянии тяжелейшего экономического кризиса. В такой ситуации недопустимо отрывать миллионы молодых здоровых людей на 2 года от работы в народном хозяйстве или от подготовки к этому в учебных заведениях. Одного года службы в армии вполне достаточно, чтобы овладеть большинством военных специальностей на уровне солдата или сержанта. Признание этого, в сущности, уже находит отражение в использовании рядового и сержантского состава на всякого рода работах, не имеющих отношения к военной подготовке. Замечу, что в годы Великой Отечественной войны офицеров-артиллеристов, к числу которых принадлежит автор этих строк, готовили в училищах за 6—8 месяцев.

Квалифицированный командный состав, в особенности молодой, и штат специалистов высокого класса не должны сокращаться пропорционально числу солдат срочной службы. В таком случае боеспособность армии не уменьшится: ведь не в ее численности сила. В то же время процесс перехода к призыву на один год неизбежно повлечет за собой перестройку всей армии. Можно будет избавиться от ряда отрицательных сторон армейской жизни, различных проявлений «неуставных взаимоотношений». Все это в конечном итоге восстановит к военнослужащим то уважение, которым они ранее пользовались, и послужит катализатором дальнейших изменений, включая создание профессиональной деполитизированной армии.

А. ГУРВИЧ,
участник Великой Отечественной войны
Москва

■

14 апреля в телепрограмме «На службе Отечеству!» передавалось интервью с генералом В. Филатовым — редактором «Военно-исторического журнала». Какую правду, и правду ли, отстаивает этот человек? Оказывается, что уничтожение десятков тысяч кувейтцев, разграбление и колонизация Ираком независимого государства, откровенный геноцид, в том числе и народов своей страны, взрывы и поджоги нефтяных коммуникаций вызывают у генерала откровенную симпатию. Его мнение о том, что Хусейн и сейчас прекрасно руководит страной, не оставляет сомнений в оправдании Филатовым агрессии диктатора.

Я с пониманием отношусь к политическому плюрализму, к сопоставлению или даже противопоставлению мнений и оценок, но категории морали и нравственности едины для всех. Они либо есть, либо их нет. Весь мир осудил вторжение в Кувейт иракских войск. Операции против агрессоров были проведены строго по плану, с небывало малыми потерями. А генерал Филатов серьезно убеждает нас в победе Хусейна. Военные специалисты утверждают, что разгром иракской армии войдет в учебники как хрестоматийное пособие по достижению решающей победы малой кровью, а генералу это невдомек. Критическое отношение к собственным неоправдавшимся предсказаниям В. Филатов подменяет примитивными подтасовками. Умалчивается, что содружество наций, имея реальную возможность радикально решить вопрос о пребывании Хусейна у власти, не сделало этого только потому, что действовало в пределах мандата Совета Безопасности, основанного на цивилизованном принципе «невмешательства». Генерал Филатов расценивает это не как проявление государственной мудрости, а как признак слабости. Достойно ли это?

В ответах редактора «Военно-исторического журнала» ненавязчиво протаскивается мысль о несостоятельности американской стратегии, о неспособности руководства армией США решать тактические задачи, о том, что незачем восхвалять техническую оснащенность и профессионализм. Мое поколение уже слышало эти идеи в песне «Если завтра война» и в торжественно-клятвенных речах наркома обороны Ворошилова о том, что мы будем бить противника малой кровью и на его же территории. Особенно часто это вспоминалось на кровавых дорогах отступления от Прута, где я начинал войну.

Плохую услугу оказывает генерал Филатов нашей армии, нашему народу. Историку не вредно не только помнить прошлое, но и экстраполировать его в будущее. Не для научных прогнозов, а для мира и безопасности нашей страны.

Ю. КУДИНСКИЙ,
инвалид Великой Отечественной войны, подполковник запаса
Одесса

В 1978 году в Таллинне был издан на русском языке сборник «Эстонская молодая проза», куда вошли рассказы 11 прозаиков. Сборник произвел сильное впечатление на русскую читательскую публику: спорили о нем жарко и много.

Что же такого примечательного было в нем, отчего он уподобился камню, брошенному в застойную гладь да благодать словесного искусства тех лет?

Для нас, привыкших к непререкаемому главенству жизнеподобных форм с их тщательно выписанными подробностями, открылась поистине «другая проза», в которой преобладал интерес не столько к психологическим нюансам и мельчайшим деталям, сколько к ироничной игре смысловыми символами, притчевой многозначности ситуаций, гротеску, «абсурду».

Особенно поразил меня, помню, рассказ «Петля».

Начинался он с вполне реалистического описания разъезженной степи. На одной из множества таких дорог путника неожиданно встретила металлическая петля. Естественно заинтересовавшись, он осматривает, обходит ее, потом пробует пролезть внутрь — и попадает в мгновенно сработавший захват. Что, погубило любопытство? А может, стремление к риску, жажда острых ощущений? Или еще что-то? Ведь «в мире нет причины и смысла».

Это символическая, освобожденная от детальной жизнеподобности ситуация позволила автору — а им был Арво Валтон — показать извечную связь человека и обстоятельств, над которыми человек не всегда властен, как не всегда добро торжествует над злом. Вот и для этого путника — путника по жизни — в ситуации, когда петля стиснула горло, наиболее удобным оказалось стоять на четвереньках. Где ты, человек, который звучит гордо?!

Так многозначная ситуация подталкивает нас к сотворчеству, к собственным умозаключениям: что же символизирует эта петля-капкан, почему путник сам сунул в нее голову, откуда придет — и придет ли — избавление? Можно при этом вознестись к общим раздумьям о природе человека, о юдоли человека, о воле человека, а можно рискнуть соотнести с сегодняшним днем, когда каждого из нас держит захват перестройки: какое же положение принять, какие действия предпринять, на что надеяться?

Неожиданными по сюжетам и философско-ироничными по своей внутренней сути были и другие рассказы А. Валтона, обладавшие абсолютной социальной точностью при несомненной ориентации на общечеловеческие нормы и ситуации.

Все участники того дерзостного сборника стали с тех пор крупными мастерами, создали свои самобытные художественные миры. Да и Валтон неизмеримо расширил свою «вселенную»: от триптиха коротких романов под общим многозначительным заглавием «Одинокие во времени» до причудливых сказок «Сияние Полярной звезды». Но все-таки у каждого из них — и у пятидесятипятилетнего Валтона в том числе — таится в глубине души верность тому трубному звуку, который вызвал к жизни это сильное, плодоносное и перспективное литературное поколение, взломавшее тягостную описательность и назидательность прозы застойных лет.

Надеюсь, что в предлагаемом рассказе читатель ощутит и эту силу, и эту верность себе.

Анатолий БОЧАРОВ

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

СТРАДАЛЕЦ

Арво ВАЛТОН

Вечером пошел дождь, а пальто Эдуарда было весьма легким. Он укрылся под козырьком крыши, но порывы ветра несли холодный дождь на штукатурку блочного дома то с одной стороны, то с другой, и бедному шпику не было от него спасения.

Да, он был шпик, этот живой бедолага по имени Эдуард. Другие окопались в теплой квартире в доме напротив, важно перевели жильцов в другую комнату и установили японские антенны. Ох уж эти японцы, чего они только не изобрели, а небось бедному Эдуарду ничего не придумали от северного ледяного дождя. Правда, у них были красивые складные зонтики, но они не давали тепла, впрочем, у Эдуарда и денег никогда столько не было, чтобы такой купить. Ничего, сгодится и свой, отечественный, в три раза дешевле, или отцовский черный зонт с загнутой ручкой, что висел дома в прихожей, но днем, когда Эдуарда вызвали, было сухо, и он со своим старым зонтом сильно бросался бы в глаза. А какой ты тогда шпик, если все на тебя оглядываются, о преследуемом и говорить не приходится, он так или иначе тебя распознает.

День напролет этот чертов интеллигент таскал его по городу. Время от времени исчезал под какой-нибудь подворотней, заходил в большой универмаг с несколькими выходами, и Эдуард все время боялся упустить его из вида. Он свободно разгуливает, кружит, дурачит тебя, а ты всюду бегай за ним и следи, куда и зачем он ходит, а он то и дело водит тебя за нос и, считай, добрую половину дела сводит на нет. Хорошо, если у тебя есть нюх и ты его раскусываешь. Эдуард отнюдь не был мальчишкой, который азартно играет в разведчика. Не было у него ни внутреннего горения, ни интереса к тому, как бы заработать на кусок хлеба, кое-как справляться с работой ему позволяла рутина, называемая опытом. Та пружина, которая заставляла его галопировать по всему кварталу и перемахивать через заборы, давно сломалась, если она вообще у него была. Скорее всего это был страх, которым они таких, как Эдуард, с самого начала повязали и подавили.

Ты должен работать, опираясь на интуицию, должен по одному беглому взгляду или по тусклой фото-

графии запоминать и при любых обстоятельствах узнавать сотни людей, должен ловить обрывки фраз и точно их передавать, раскрывая подтекст, и так далее. С такими способностями впору быть гением, а не маленьким рядовым шпиком, который за свою жалкую работу получает жалкие гроши.

Господа, сидящие в соседнем доме на третьем этаже у аппарата, испытывают хотя бы удовлетворение от сознания власти над людьми. Человек, подобный Эдуарду, даже этого удовольствия не может испытать, потому что тех, кто следует по пятам на улицах или торчит под окнами, не боятся, а, наоборот, презирают и при возможности глумятся.

Днем боишься, как бы некий вредный, делающий мелкую политику — если он ее вообще делает — интеллигент не исчез из твоих глаз, вечером боишься, как бы тебя не увидел из окна и не облаял какой-нибудь ошалелый земляк, и в итоге тебя все равно облают, причем в своей же собственной конторе, за то, что сделал десятки промахов, обращал внимание на пустяки и проморгал что-то стоящее. Живешь в таком стрессе, что неудивительно, если тебя однажды настигнет инфаркт — профессиональная болезнь шпиков, если верить медицинской статистике. Инфаркт или изматывающий рак желудка, который обрушивается на тебя, как Божья кара, за подлую жизнь и слабовыраженные садистские наклонности.

Да что тут думать об ударе или подстерегающем раке, если неудобство, которое испытываешь в данную минуту, достаточно тебя тяготит, если разбушевавшийся дождь может усталого, хотя и не совсем еще старого человека окончательно простудить. Говорят, в лагерях, куда люди попадают в том числе и с помощью Эдуарда, здоровье выдерживает прямо-таки нечеловеческие условия. Кто знает, так ли это, ведь говорят о чудом выживших, а не о тех, кто никогда больше не вернется, пусть даже сломанным и надорванным. Кто не умер, тот, конечно, живет дальше, но каково ему, прошедшему через ад, приходится.

Эдуард не мог сказать, что ему жаль этих людей, иначе он здесь не торчал бы. Он уже давно не обманывался на тот счет, что все, за кем ему приходится следить, сплошные враги. Более того, его одолевало чувство, будто взрослые люди как начали в детстве, так и продолжают играть в жуликов и сыщиков. Одни воображают, что неким чудодейственным словом можно подорвать существующие устои, другие раздуваются от важности, считая, что они защищают святое дело, от которого, по сути, и обломков не осталось. О последнем обе стороны думают одинаково: одни верят — по чистой глупости, разумеется,— что смогут опрокинуть покосившийся строй, другие кряхтят, делая вид, будто из последних сил удерживают его на месте.

К этим другим принадлежит и Эдуард. Он стоит на самой низкой и презренной ступени. Он может себя обманывать грозной мощью государственной машины, однако он достаточно опытен, чтобы знать, что и этот человеческий контингент состоит из слабых и недужных деятелей, что эта машина работает с большим скрипом, как, впрочем, и все остальные учреждения покосившегося гиганта.

В редкие минуты, когда после очередной головомойки прошло порядочно времени или когда его долго не вызывали — по той простой причине, что не находилось легкого дела, ему по плечу,— Эдуарду все же казалось, что он принадлежит к могущественной системе, которую народная фантазия раздувает еще больше. А раз так, то его собственные чувства могли не идти в счет.

Что касается врагов, тех, за кем ему или его вышестоящим коллегам приходилось следить, то в отношении них у Эдуарда не было ни малейших сомнений. Не было там ни настоящих противников, ни жуликов. С ними было примерно так, как в хорошо известном высказывании о Боге, что если бы его не было, то его надо было бы придумать. Без врага никак нельзя было обойтись. Даже в жалких грошах, которые Эдуарду платили, мерещилась идея грозного врага. Враги были нужны государству, его экономике и политике, чтобы на них можно было свалить все беды и неурядицы, а пуще всего собственную безалаберность. Еще нужнее они были хлебодателям и начальству Эдуарда. Большая их часть только тем и занималась, что выискивала и выдумывала разного рода врагов, потому что без них огромную организацию пришлось бы распустить.

Как вспомнишь, какой грандиозный процесс устроили над деревенским придурком, осквернившим флаг, или как раздули дело одного полуобразованного диссидента, такое скверное чувство накатывает. Однако чем бы тогда занималось это воинство, малую власть предержащее? Эти заботы, понятное дело, касались только генералов, у Эдуарда не было ни звезд, ни петличек, и он не хотел стоять здесь под дождем, он бы предпочел сидеть дома и решать кроссворд. Или проводить время в маленькой конторе, где можно целыми днями бить баклуши.

Отнюдь не мизерная зарплата удерживала здесь Эдуарда, а все тот же страх, который он должен был — зачастую вполне открыто — внушать своим подопечным. Эдуарду не хотелось попадать туда, куда он упекал других.

Дьявольская сущность системы заключалась в том, что и преследователей преследовали. Ведь каждый из них был профессионал: если его задачей было преследовать весь народ, то естественно, что свое умение он применял прежде всего к людям, с которыми соприкасался каждый день. В результате из их департамента за проволоку попало в процентном отношении чуть ли не больше людей, чем из тех слоев, в которых проводили чистку. Если пугаешь других, то и сам должен жить в страхе, для вящей достоверности. Безжалостными бывают не только в силу своих врожденных качеств, но и по причине безжалостности других.

Эдуард стоял и думал, что же ему делать. Вернее не думал, а мусолил в отсыревших на дожде мозгах одни и те же истертые фразы. Нового в его знаниях не было ни грана.

Тем не менее эти рутинные мысли отвлекли его внимание настолько — в чем, конечно, было повинно долгое отупляющее ожидание,— что Эдуард не заметил, как из двери вышла девушка с огромной собакой. Ненужных встреч сыщик обязан избегать, но в данном случае он не успел спрятаться за угол и остался стоять соляным столбом. Внешне он, пожалуй, не отличался от рядового жулика, замыслившего украсть из угловой квартиры на первом этаже двухкассетный магнитофон и серебряные ложки в футляре. Внутреннее же отличие было весьма существенным. Хотя бы уже потому, что сердце Эдуарда не прыгало от волнения, ведь он не делал ничего запретного, напротив, он служил могущественному государству, и единственное, что смущало, так это то, что он неточно выполнил предписание. В результате долгих слежек привыкаешь к тому, что на тебя смотрят косо и редко спрашивают, что ты там делаешь. К тому же всегда можно ответить, что ждешь друга. И это не будет неправдой. Когда целый день преследуешь человека, то он, можно сказать, становится твоим другом. А хоть бы и неправда, Эдуарду не привыкать, и, кроме того, с посторонними нельзя быть откровенным — хлебодатели не простят.

Собака по свойственной их породе привычке подошла понюхать Эдуарда. Эта способность шпика и собаки вынюхивать привела некоторых к мысли считать их близкими родственниками, и тут они были не правы. На этот вопрос можно посмотреть двояко. С одной стороны, шпик считал себя человеком, с другой — не хотелось оскорблять таким сравнением преданное животное.

Эдуард, чтобы показать, что он не боится собаки, даже не посмотрел в ее сторону. И вдруг он почувствовал, как по его и так мокрым штанинам и носкам заструилось что-то теплое. Само по себе это было приятно, особенно в промозглую погоду, но это только в первую минуту, потому что он не понял, с чем имеет дело. Но в следующую минуту он понял и отскочил в сторону. Поднявшая ногу собака недоуменно посмотрела на столб, который стал удаляться от нее в такой неподходящий момент.

Девушка отдернула собаку, сказав ей какие-то непонятные слова, которые могли относиться к только что содеянному. Голос был вроде сердитый, но подспудно в нем чувствовалась ехидная радость. Наверное, они оба подумали, что Эдуард до того ничтожная фигура, что на него может поднять ногу любая собака. Не секрет, что таким способом кобели метят свои владения, оставляя знаки знакомым и врагам. А кому должен был передать сию весточку бедный шпик? Наверняка собака была заслана тем самым интеллигентом, чтобы поиздеваться над бедным чиновником, стоящим на служебном посту. Дьявол средств не выбирает — и в руках врага может зазеленеть палка, и в ногу собаки может быть вмонтирован микрофон. И вообще кто здесь кого выслеживает? Воры нужны полицейским больше, чем полицейские ворам.

Что тут Эдуард мог поделать? Поднять шум по столь ничтожному поводу инструкция не позволяет, хотя там относительно собаки с поднятой ногой ничего не записано. Другое дело, если бы преследуемый превратился в собаку и попытался под прикрытием косматой шкуры соединиться с сообщниками.

Впрочем, если тебе за шиворот вылилось целое небо ледяной воды, какое имеет значение одна теплая капля. Разве что распространится запах, и на тебя сбегутся все окрестные кобели. И где эти хорошие господа, почему не снимают с поста Эдуарда? Их нет. Требовать на свои неопределенные вопросы сверхточные ответы — это они горазды. И нет никакого толка жаловаться на них или отстаивать свои права — в ответ услышишь лишь злые насмешки. В этом они явно сговорились, что полицейские, что воры, рады пошпынять бедного сыщика. Нет, его страдания не кончатся ни при каком режиме.

Интрига с ее сладостными хитросплетениями канула в сумерки прошлого, современные люди всегда спешат, им некогда быть несчастными. Их переживания неглубоки. В сумасшедший дом современного общества они попадают в результате несметного числа поверхностных раздражений.

У Эдуарда не было приемника, этого маленького потрескивающего аппарата, передающего дурно пахнущие новости снизу вверх и ароматные сверху вниз. Он не мог постучать в дверь на третьем этаже, это было бы нарушением инструкции, да и зубов можно было лишиться, потом всю оставшуюся жизнь глотай кашку и забудь про вкус мяса. Сейчас, если поклонишься, то можно надеяться хотя бы на шкварку, а если оставишь пост, то не получишь и этого.

Эдуард с удовольствием бы выстирал свои шерстяные носки и погрел бы ноги у радиатора, натопленного, кстати, все теми же инакомыслящими, которые засели в кочегарках и вынашивают там антигосударственные планы. Они всегда могут уйти в сторону, а Эдуард стой здесь как столб при четырех градусах по Цельсию, и единственная теплая капля, которая тебе перепала, и та досталась от диссидентской собаки. Эдуард на страже идеологии, от врага он не примет чашки чая. Хочет показать, будто у него еще есть совесть. Он выходит прямой, будто кол проглотил, на середину двора и смотрит по очереди то на окно своего подопечного, то на окно начальства, делающего вид, будто разбирается в электронике и психике белой расы. Пусть видят его и те, и другие, пусть делают выводы. Не нужны Эдуарду ни бунтари, ни следственные органы, ни действительная власть. Все они, как по приказу, поют одну песенку. И все же они могли бы остановиться на минутку и дать случайно появившемуся на свет Эдуарду квартиру, камин с пылающими углями, плед и кружку парного молока с медом. А то ведь он добром не кончит и прочитает свой донос хриплым голосом. Ну и что это будет за обвинительный материал, и кто согреется от этого, злорадно потирая руки, спросит он у тех, кто его не слушает?

А дождь все льет, а он все стоит между двумя большими блочными домами. И те, и другие его не замечают, одна лишь тщедушная собака питает к нему интерес, правда, такого рода цели нельзя назвать благородными. И если даже он попытается бежать, никто не станет его преследовать. Если он сорвет со здания городского комитета флаг и вытрет об него ноги, начальство подумает, что он слишком далеко зашел в своей провокации, и даст ему еще более омерзительное сыскное дело. Он, Эдуард, такой мелкий винтик в этом обществе, что только себе и может внушить страх.

И он это старательно делает, только это его и держит под холодным дождем в то время, как самый последний диссидент сидит в построенном государством доме и строчит свои настроенные против государства опусы.

Где взять голос, чтобы привлечь к себе внимание людей нашего века? Где взять голос, чтобы закричать: остановитесь, граждане, и посмотрите на меня. Да, я ничтожный шпик, но я немного человек. Я оставляю почти такие же следы на первом снегу, как и все остальные, а когда снег тает, они так же бесследно исчезают, как и у самого тяжеловесного государственного деятеля.

Если бы у Эдуарда был такой голос, то каждый прохожий покрутил бы пальцем у виска и сказал: что ты кричишь, дурак, мы что, хнычущего сыщика не видали, кто тебя просит считать себя человеком, если ты сам не можешь избавиться от своей подлости?

Так он стоит там, бедолага, посреди облупленных домов и будет стоять во все времена. Его профессия никогда не исчезнет, однако чести ему не прибавится, прошли те добрые старые времена, когда ты был чиновник среди чиновников и тебе нужно было сдавать экзамен низшего порядка. Теперь придется сдавать его каждый день, несмотря на то, сыплются ли на тебя град или стрелы, и в табеле у тебя будут отмечены презрение и насмешка.

До чего убогая жизнь у этого Эдуарда, однако от земли не оторвешься. И есть ли вообще кто-нибудь в этом мире, кроме него? Или он навеки обречен на одиночество?

...И тут он заметил его. Эдуард бросил взгляд в сторону соседнего дома и увидел притаившуюся за углом жалкую фигуру. Он знал, кто это. Это был Иван. Они и раньше работали вместе. Чувство локтя, дружба народов и другие положительные эмоции переполнили грудь Эдуарда.

Первый раз за весь вечер он улыбнулся. «Найдется и на Ивана собака»,— подумал он, но дело было не в этом. Настроение Эдуарда поднялось на несколько градусов, потому что он понял: он тоже чего-то стоит, он не один в этом мире, кто-то еще более жалкий бегает по его следу.

Перевод Эльвиры МИХАЙЛОВОЙ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ РУБРИКУ

Ателье художника — вне зависимости от того, скульптор он или живописец, график или фотограф — место загадочное и интересное. Здесь, среди холстов и красок, гипса и глины, фотопленок и массы всего прочего, рождается то, что мы потом с уважением или иронией называем «произведением искусства». Здесь придумывают и работают, спорят и снова работают. Иногда здесь еще и живут.

В ателье всегда хочется проникнуть: поглядеть, что же там происходит. И каков будет результат.

«Ателье» — это новая рубрика «Огонька». В отличие от «Мастерской», которая посвящена современным художникам, «Ателье» познакомит вас с мастерами художественной фотографии. Мы будем рады вашим предложениям — «Ателье» открыто для всех.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытьи изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...

Ф. ТЮТЧЕВ

Фото Владимира ОГЛОБЛИНА

ПУХ И ПЕРЬЯ

Можно поспорить — глядя на пейзажи, воспроизведенные на наших страницах, вы ни за что не догадаетесь, из чего они сделаны. Мы и сами не знаем точно, как это назвать. Собственно, это живопись природы средствами самой природы. Анатолий Сидорович Байзан, 1943 года рождения, живущий в Красноярске, воспроизводит столь милые его сердцу пейзажи родных мест с помощью... пуха и перьев. И хотя он тоже сам не знает, как назвать свое творчество, у него уже есть последователи. Сам он, начав в 1972 году заниматься этим, создал уже 200 работ. Продавать он их не хочет, вот и лежат многие работы за диваном в его двухкомнатной хрущевской квартирке.

И вот что еще интересно — Анатолий Сидорович считает, что материал должен отвечать теме. Поэтому — ни одного пера с самолично убитой птицы. Вот «Дары природы» — пожалуйста, или если кто-то пришлет ценный материал — перо белой куропатки, тетерева, глухаря, фазана. Это же «душа тайги» — при чем тут убийство...

Так что нет предела фантазии умельцев!

Н. ТЮТИНА

Фото **А. БОЧИНИНА**

«СОЗДАТЕЛИ МИРОВ»

ОГОНЁК

Мы хотим, начиная новую рубрику «Создатели миров», обратиться к нашей юности. К кумирам, чьи мощные разряды пробили в свое время нашу культурную изоляцию. К тем, кто выстроил в нашем странном двухмерном мире свои объемные миры. Миры, где лечились мы и спасали наши души.

Мих. МИШИН

ОН БЫЛ У НАС

Неумное дело быть еще одним «воспоминальщиком».

Тысячи знали его дольше.

Сотни — лучше.

Не повториться, говоря о нем, невозможно. Превосходных эпитетов у меня не больше, чем у других.

Но удержаться трудно. Сколько в конце концов на нормального человека приходится встреч с гениями?

При личном знакомстве больше всего поразило, что он есть. Оказалось, Райкин — это не только где-то там, за облаками, в вышине, в телевизоре... Нет, живой, оказывается. Сидит на стуле, переодевается, кушает ломтик очищенного яблока, смеется тихонько.

Вообще хохочущим его не помню. Чаще улыбался. Иногда смеялся почти беззвучно.

Артистизм определить невозможно. Бывают неартистичные артисты. Бывают артистичные неартисты. Он был августейшим воплощением артистизма. Его хотелось фотографировать в каждый данный момент времени. Говорят, у японцев есть такая приправа, которая делает вкус курицы еще «более куриным», вкус рыбы еще «более рыбным», и тому подобное. Вот в нем самом, казалось, есть эта приправа. Если он уставал, перед вами был не просто усталый человек, нет, перед вами была картина «Усталость». Если он сердился — это было какое-то уж абсолютное негодование. Когда же он был грустен... О, вы видели саму Грусть, печально грустящую своими невыразимо грустными глазами...

Как-то в начале нашего знакомства он позвонил поздно вечером, что-то около двенадцати. (Вообще это льстило. «Тут мне вчера Райкин звонил...» Знакомые немели.)

— Вы ночная птица? — грустно спросил он.— Вы сова или жаворонок?

— Сова,— ориентируясь на его интонацию, соврал я.

— Может быть, вы сейчас ко мне приедете? — еще грустнее сказал он.— Если вам нетрудно.

«Трудно!» Помчался тут же к нему на Кировский.

Встретил меня грустной улыбкой. Посадил напротив себя за маленький столик. И так печально вздохнул, что у меня защипало в носу.

— Мишенька,— очень тихо сказал он.— Я думаю, что спектакль, который мы задумали («Его величество театр»), будет мой последний...

И совсем уж скорбно замолчал. Я чуть не всхлипывал.

— Да-да,— произнес он с печальнейшим в мире вздохом.— И поэтому мы с вами должны сделать его так, чтобы было не стыдно...

«Мы с вами»... Он со мной!.. Помочь!.. Господи, да все ему отдать! Мозг! Душу! Нервы! Сейчас же!..

Да-да, он чувствует, что только я один в целом свете сумею написать достойное вступительное слово к новому спектаклю... Другие авторы, конечно, неплохие, но только мое перо...

Домой я летел на крыльях совы и жаворонка одновременно. Я сознавал свою историческую миссию... «Мы с вами»,— сказал он.

Я тогда очень старался. «Только вы!» — сказал он.

Через недели полторы я узнал, что такой же разговор у него состоялся еще с одним... И еще с другим... Им он тоже сказал грустно-прегрустно: «Только вы...»

Зато он получил три полновесных вступительных монолога к новому спектаклю и сам скомпоновал из них один.

Кто имел право делать такие вещи?

Но эти грустные глаза...

Он был влюбчив и внушаем. Он влюблялся в нового автора, в артиста, в художницу, в критикессу, в режиссера. Еще чаще влюблялся в собственные идеи. Идея, овладевавшая им, становилась в согласии с марксизмом материальной силой.

Пришли вдруг в театр показываться два молодых артиста. Близнецы. Ну действительно очень похожие. Райкин в них сейчас же влюбился, его ужасно радовало, что они так похожи. «Надо же!» — восхищался он. Видимо, в голове его возникли какие-нибудь «Два веронца» или «Принц и нищий». Немедленно близнецы были приняты в театр. Первые дни Райкин только о них и говорил. «Надо что-то такое с ними придумать, они же так похожи». Потом понемногу перестал говорить. Вскоре он уже вообще не знал, что с ними делать. Их пытались вводить куда-то, это было нелепо и никому не нужно. И вот они его уже раздражали, безвинные близнецы. К счастью — для него, конечно,— их вскоре забрали в армию.

Больше он о них не вспоминал.

У артистов его жизнь была непростая. С одной стороны, замечательно работать в театре, который обречен на успех. С другой — сознавать, что ты лампа, пусть даже и яркая, а рядом постоянно сияет этот прожектор. Впрочем, были и такие, которые умудрялись не сознавать. Но вообще слабые скисали, сильные — приспосабливались, самые сильные — уходили.

Поразительно, но он сам был ревнив к чужому успеху. Он ревновал, стоя за кулисами, когда артисты его собственного театра заставляли смеяться зрительный зал. Уникальный! Неповторимый! Он, Райкин!..

А вот ревновал — и все. Если бы мог, он бы всегда сам играл все за всех.

Даже к молодежному спектаклю «Лица» он ревновал. Конечно, ему хотелось, чтобы все было хорошо, в конце концов это все равно был его театр, это были его актеры и в главной роли его сын... Но примириться с тем, что будет спектакль без него? Надо бы придумать, говорил он мне, чтобы я где-то в середине вышел с монологом. Или, может быть, в конце.

Резко отвергать эту идею и я, и Фокин, который ставил «Лица», и Костя — мы боялись. Мы говорили: конечно, это было бы замечательно. Но ведь это будет несоразмерно, говорили мы. Ваш выход уничтожит ребят, льстиво говорили мы, это же совсем другой масштаб... «Масштаб» — это было нужное слово. Он нехотя соглашался. Через день его опять накручивал кто-нибудь из дежурных авторитетов — приятельница-театроведша, или старый друг, или новый знакомый... И опять начинались муки.

Потом-то он уже гордился. «Лица» — это уже было его детище, это уже он взрастил смену. Уже радовался.

И все же слегка ревновал.

Режиссеры в этом театре не приживались. Начиналось с того, что он с гордостью объявлял фамилию приглашенного постановщика. «Я его уговорил... Гениально понимает именно специфику нашего театра!» Через месяц он уже слушал этого режиссера, поджав губы. Потом ронял в кругу артистов: «Совсем не понимает специфики нашего театра». Артисты с жаром подхватывали: «Не, не понимает!..» Режиссер бесследно исчезал. Иногда успевал появиться второй. «Чувствует нашу специфику...» Все повторялось.

Кончалось тем, что начинал режиссировать сам.

С ним можно было не соглашаться. Но доказать ему что-либо было почти невозможно. Во-первых, он был упрям. А во-вторых, у него был козырной аргумент. Он не доказывал, а *показывал*. Как-то я был свидетелем, как на репетиции он стал показывать каждому из артистов, кто из них как играет и как надо играть. Я тогда понял буквальный смысл выражения «умереть со смеху». Я был близок. Ничего подобного я больше никогда не видел. И уже не увижу, конечно.

Авторов — как бы к кому ни относился, а отношения бывали всякие — считал людьми вспомогательными. Постоянно порывался сам менять текст — вовсе не всегда к лучшему. Автор большей частью крепился, иногда не выдерживал. Я тоже как-то пытался принципиальничать.

— Вы не так читаете, как написано, Аркадий Исаакович! Тут же мысль уходит...

— Куда же она уходит? — ласково отвечал он.— Она не может уйти без меня, а я же здесь...

Да, он был здесь. Открывался занавес, и на сцену, вздымая овации, победно входил, вплывал, врывался этот флагман, этот линкор, в кильватере которого барахтались шаланды авторов, до чьих суетливых страданий публике не было никакого дела. Иногда мне казалось, что ей, публике, вообще не важно, что *он говорит*. Ей важно, что это говорит *он*.

Возможно, это было справедливостью высшего порядка.

У меня есть уникальная афиша — предмет гордости, а больше стыда. Уникальная потому, что моя фамилия на ней красным, а его, Райкина,— синим. Это было давным-давно в Ленинграде, у меня чуть ли не первый авторский вечер. И я — молодой, тщеславный осел! — попросил его принять участие, почитать что-нибудь из будущего спектакля. «Вечер Михаила Мишина с участием Аркадия Райкина» — так я себе это представлял. Ужасно радовался, что он согласился.

И вот вечер. Все катилось более или менее нормально, я что-то там читал, артисты выступали, зал посмеивался, пару раз похлопали. А потом на сцене появился он. «С участием!..»

Назавтра мне звонили: «Говорят, ты вчера выступал на вечере Райкина...»

«Райкин» — это открывало двери. Фамилия — пароль. Лицо — пропуск.

Куда только не ходили, о чем только не просили от его имени! «Билеты на Райкина» — это была твердая валюта, в течение полувека не знавшая девальвации. Ибо в течение полувека ни на одном спектакле с участием этого человека не было ни единого пустого стула.

Назовите второй такой театр!

Слава — до анекдотов...

Один ворвался перед спектаклем:

— Товарищ Райкин, умоляю! Я сам с Киева, а билетов нет, я тут уже двое суток сижу!

Райкин даже испугался:

— Да? Ну, ничего, сейчас я попрошу, вас посадят, может быть, в оркестровую яму...

Тот кричит:

— Да не, вы не поняли! Мне ж до Киева билет надо!..

Достали ему билет.

Переход от полной любви к полному ее отсутствию у него мог быть мгновенным и непредсказуемым.

День сдачи «Его величества» то ли главку, то ли министерству. Он — сплошной нерв. Все плохо, вокруг все — бездельники. Тотальный заговор халтурщиков и тупиц. Спектакль провальный, жуткий, самый худший из всех его спектаклей. Это говорится так, что каждому ясно: именно из-за него спектакль такой вот жуткий и провальный.

За час до начала сижу у него в уборной, делаю последнюю попытку уговорить его выбросить первую сцену. Она мне никогда не нравилась, к тому же она очень длинная, а спектакль и так идет больше трех часов. Вроде убедил! Он как-то даже успокаивается, говорит, хорошо, что ты меня уговорил, я и сам так думал.

В эту секунду влетает к нему в уборную артистка — очень в жизни милая женщина! — и закатывает истерику: как можно снимать единственно стоящую сцену (главное, что она там участвует), все без нее (сцены) рухнет и она (артистка) тогда не успеет (подумать только!) сменить зеленое платье на черное... Нормальный актерский бред.

Начинаю с ней спорить, чувствую, что Юпитер сейчас загрохочет громом и поразит несчастную молнией.

И молния вылетает... Юпитер бледнеет как мел и тихим страшным голосом объявляет, что сейчас же уезжает домой. Он и так давно на грани, но кое-кто хочет его совсем добить, и этот «кое-кто» именно я, ибо как я мог даже в мыслях покуситься на такую важную сцену, и вообще «вам наплевать на наш театр»!

Артистка умело испаряется, а я потрясен, возмущен и оскорблен. Это почему же, интересно, мне наплевать? А потому, гениально шипит он, что он, Райкин, связан с этим театром уже сорок лет, а я...

А я — три. Это несокрушимый аргумент. Трясясь от обиды, выскакиваю из уборной, сижу где-то в углу зрительного зала...

Ну, потом-то все как положено: цветы, овации, «Браво, Райкин!».

И уже меня по его велению нашли, и уже «Мишенька, ты что, обиделся?»

Ну, обиделся. И дальше что?

Я познакомился с ним, когда он был уже не молод, когда уже не было прежней феерической энергии, когда он стал уставать. Но к этому времени, как заметил один из моих умных приятелей, уже сам выход его на сцену стал событием не столько эстетическим, сколько этическим. В последние годы после каждого его спектакля зал вставал.

Он исключил однофамильцев. Кто-то

Фото Р. КУЧЕРОВА

сказал о нем «Паганини эстрады». Никто не спрашивал — какой Паганини. Никто не уточнял — какой Райкин. Я видел у него дома письма с одной фамилией на конверте. Почта не ошибалась.

Как он прорвался? Как выстоял? Кто вспомнит теперь фамилии тех, кто что-то запрещал ему, что-то вычеркивал, что-то кромсал...

По Ленинградскому телевидению его в течение многих лет не показывали. У невских вождей он был в особой немилости. Даже меня выкинули как-то из невинной телепередачи только за то, что ведущий упомянул про мое сотрудничество с Райкиным.

Вообще в любимой колыбели окопались тогда крепкие знатоки и покровители искусств. Впрочем, в столице знатоков тоже хватало.

На вечере в честь его 70-летия важный деятель из Минкульта — то ли союзного, то ли российского,— зачитывая адрес, очень душевно обратился к Райкину:

— Дорогой Аркадий Александрович!..

Зал аж ахнул. Хотя чего особенного? Ну спутал управляющий ф. и. о. одного из управляемых. Ничего страшного.

Другое дело, если б он спутал отчество, допустим, министра.

Назвал бы его, допустим, Петром Исааковичем.

...Кромсали и вычеркивали, запрещали и топали ногами. Рвали струны, в общем. Но Паганини на то и Паганини, чтобы сыграть что угодно и на одной струне...

Я-то, повторяю, застал его уже в другие времена. Он уже был народный, а потом лауреат, а потом Герой... Он теперь был удостоен выхода на высший уровень управления. Так что прочим управляющим было до него не дотянуться.

Помню обсуждение спектакля «Его величество театр» товарищами из культурного главка.

Первый сказал:

— То, что мы сейчас увидели,— просто гениально!

Второй его одернул:

— Не гениально, а это, в сущности, новая эпоха.

Долго спорили, кто Райкин больше — правофланговый или впередсмотрящий.

Райкин слушал, не возражая. Он вообще не произнес ни слова — от него веяло ледяным дыханием Арктики. Лишь в конце он тихо заметил, что они, к сожалению, не все поняли в его новом спектакле.

Они это съели.

Марксизм, учит «Энциклопедия», исходит из общественно-исторической обусловленности гения. Райкин подтверждает правоту марксизма, как никто. Он был нужен именно нашему обществу, нашему же и времени. Он был обусловлен. И вот он был у нас.

ОН — был! При нем рождались, взрослели, старели, рождались, а он — был. Как «Последние известия». Как Консерватория. Как аксиома.

Элегантный... нет, не как рояль,— как кларнет. Стройный, черно-серебряный... Эти невозможные глаза, эта магическая улыбка, эта чудная хрипотца...

Он ушел, когда все исполнил.

Когда ношу, которая лежала на его плечах, могут спокойно нести другие, разделив ее соразмерно силам — у кого побольше, у кого поменьше,— нести этот груз в одиночку уже нет необходимости. Да и кто мог бы вытянуть в одиночку то, что вытянул этот человек?

Нет, необходимость сегодняшнего дня не обусловливает второго Аркадия Райкина. Первый работал на то, чтобы этот день приблизить. Уж, конечно, денек мог бы быть и посветлее. Но это уже наши проблемы.

А он... Он был у нас.

Людмила САЛЬНИКОВА

ГИБЕЛЬ «ИМПЕРИИ»

Материалы этого дела два года пролежали в сейфах Московского уголовного розыска. И только теперь журналисту разрешили с ними ознакомиться, взяв, впрочем, обещание, что подлинные имена участников истории названы не будут...

Все началось, как в хорошем детективе. Как-то под вечер на Петровку, 38, пришел взволнованный юноша лет семнадцати. «Меня хотят убить,— заявил он.— Возможно, это мой последний шанс рассказать, что у нас происходит». Для подтверждения серьезности своих слов юноша достал из кармана большой, хорошо заточенный нож, приготовленный на случай самообороны.

Когда он стал объяснять, кто и почему покушается на его жизнь, сотрудникам уголовного розыска показалось, что мальчик бредит. Он то и дело произносил какие-то странные, не подходящие к ситуации слова: «император», «контрразведка», «полковники», «совет командиров», «казнь». Игра какая-то! Может ли за этими опереточными декорациями стоять преступление? Начитался, бедняга, книг про шпионов, насмотрелся фильмов по видео.

Однако слишком уж парень был напуган. Слишком горячо убеждал, что говорит только правду и ничего, кроме правды. Чем черт не шутит? Может быть, действительно тут что-то есть? Для охраны были выделены сотрудники отдела по борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Выяснилось, что учится Андрей в де-

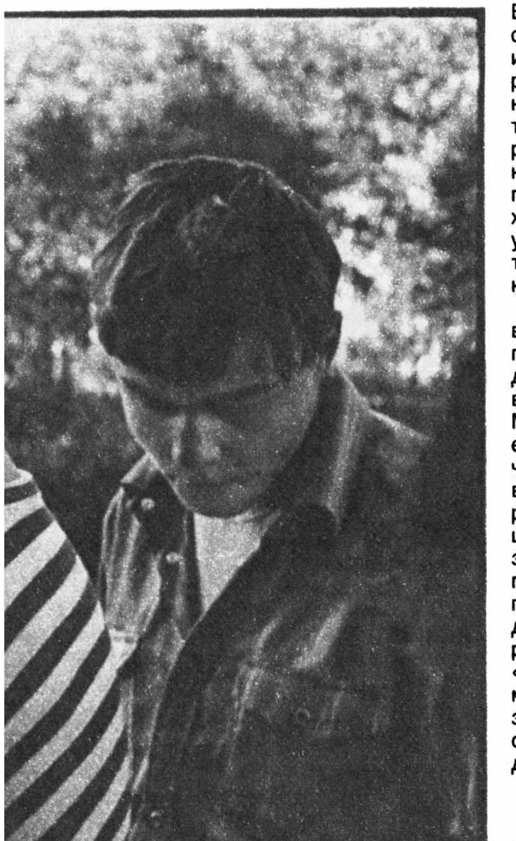

Фото Владимира ЕФИМОВА

вятом классе весьма престижной спецшколы. Каждый день после уроков его поджидала стайка сверстников — таких же, как он, интеллигентных, хорошо одетых пай-мальчиков. И предположить невозможно в них хулиганов, тем более убийц. Они хладнокровно провожали взглядом Андрея, шедшего домой в сопровождении широкоплечего дяди в штатском, но на следующий день вновь появлялись у школы. У них был приказ «убрать» Андрея, бывшего командира 2-го легиона, как не выполнившего приказ «Ордена». Строжайшая дисциплина в «Ордене» почиталась превыше всего. Они еще не знали, что до развязки оставались считанные дни...

* * *

А начиналось все вполне невинно.

С Аликом Михаил познакомился на даче. Их коттеджи стояли рядом. Алик предложил вместе заниматься каратэ. Во время тренировок Михаил узнал от дачного соседа много интересного. Оказывается, тот несколько лет состоял в какой-то могущественной организации, доходившей до 4 тысяч человек. Ее члены имели много денег, личное оружие, разъезжали на автомобилях иностранных марок. Во главе был император. Между лидерами, как водится, началась борьба за власть, в результате император был убит, организация распалась. Где-то под Москвой в тайном месте остался взорванный, засыпанный землей блиндаж, в котором хранится оружие. Алик даже показал удостоверение этой организации — темно-вишневые корочки с оттиснутым на обложке львом в короне.

Заинтригованному Михаилу последовало предложение: восстановить распавшееся сообщество, назвав его «Орденом» или «Империей», и занять в нем высшую должность. Для того, чтобы Михаил до конца осознал, какая честь ему оказывается, Алик быстренько начертил всю структуру «Ордена». На вершине пирамиды — император, избираемый на совете командиров. Он осуществляет общее руководство организацией, собирает и распределяет деньги, производит назначения и выносит приговоры. В его непосредственном подчинении находятся: разведка и контрразведка, специальный департамент «4-Д», департамент внутренней информации, касса и три легиона. Разведка занимается получением информации об объектах нападений, о деятельности других организаций. Контрразведка очищает организацию изнутри, приводит в исполнение приговоры. Спецдепартаменту «4-Д» вменяется в обязанность вербовать новых членов «Ордена», а департаменту внутренней информации — вести на всех зашифрованную картотеку. Во главу каждого легиона предполагается поставить полковника, снабдив его ротмистрами и солдатами.

Михаил предложил было Алику самому стать императором, но тот замахал руками: устал, дескать, да и некогда, все-таки десятый класс, в институт готовиться надо. Правда, согласился командовать разведкой — одним из самых ответственных участков работы.

Вербовать ребят в организацию Михаил начал в своем девятом «А». Позвал Костю, Андрея, Леху — самых надежных, самых близких друзей. Тем велел тоже приводить кого-нибудь из проверенных знакомых. Собираться стали сначала в подвале высотного дома на набережной, где жил Алик, потом перебрались в пятиэтажку на окраине — там и подвал попросторнее, и не так людно.

Первое, что должен был сделать каждый,— это принять присягу и поклясться на Библии в преданности Короне. На еженедельные сборы следовало приходить в черных брюках, черной куртке, черном галстуке. При себе полагалось иметь оружие. За неимением такового пользовались подручными средствами — кухонными или перочинными ножами. В знак приветствия члены «Ордена» выбрасывали вперед правую руку с вытянутыми средним и указательным пальцами. Наконец, у каждого появилось новое имя. Михаил превратился во Владислава Полонского, Алик стал Акселем д'Алланом, Андрей — Виктором Дюпоном, Костя — Джоном Алексом Торпом, Леха — Тимом Росси. Все зависело от фантазии и личного вкуса. Кто-то из пришедших предпочел назваться Евгением Онегиным, а кто-то — графом Орловым.

Ни дать ни взять — Тимур и его команда с поправкой на конец восьмидесятых. Однако что-то мешает умилиться этой вечной, как мир, игре мальчишек. Может быть, возраст заигравшихся отроков? В шестнадцать-семнадцать лет реальная жизнь все-таки начинает интересовать больше, чем придуманная. ...Хотя, нет, не в возрасте дело. Какая-то неясная тревога возникает по поводу антуража и правил игры.

С самого начала стало ясно, что император — фигура декоративная, реальная власть у начальника разведки — Акселя д'Аллана. Он требовал, чтобы члены организации усиленно занимались каратэ, упражнения показывал он сам и еще какой-то коренастый парень, назвавшийся чемпионом Москвы. Для тренировок был оборудован и отремонтирован подвал. Деньги на ремонт взяли из общей кассы, которая пополнялась за счет взносов: каждый день по полтиннику с носа, в неделю — три с полтиной. Подождите, говорил начальник разведки подчиненным, скоро полковник будет получать 800 рублей в месяц, а рядовой солдат — не меньше 120. Надо только начать, раскрутить дело.

Разумеется, вознаграждение полагалось дисциплинированным и преданным членам «Ордена». Неисполнение приказа, предательство и выход из организации карались смертной казнью.

Первейшей задачей Алик считал приобретение оружия. Тим Росси сказал, что есть возможность достать три автомата «шмайссер» с тремя обоймами к каждому, Евгений Онегин признался, что у отца есть газовый пистолет, кто-то пообещал купить по сходной цене пистолет Макарова. Сам Алик не раз демонстрировал присутствующим пневматический пистолет чехословацкого производства и даже разрешал коекому пострелять из него.

Снискать расположение первого человека в «Ордене» было не так-то просто. Аксель д'Аллан строго следил за соблюдением субординации — младшие по званию должны беспрекословно выполнять приказы старших, не смеют сидеть в их присутствии, головной убор — долой. Новичок предоставлял рекомендацию проверенного члена «Ордена». При этом только высшее начальство знало всех членов организации, остальные были знакомы лишь с пятью-шестью из ближайшего окружения. Все распоряжения передавались через связных по телефону.

Но и этого казалось начальнику разведки мало. Он самолично начал разрабатывать программу формирования штатов. Инспекторам, которым присваивалось звание майоров, он вменил следующие обязанности: следствие по политическим делам в отношении неблагонадежных членов организации, допрос свидетелей и обвиняемых. В помощь инспекторам давались агенты, осуществляющие слежку. Наконец, группа захвата предназначалась для ареста и обезвреживания опасных элементов внутри организации. Главное требование для группы захвата — разряд по борьбе, в инспектора набираются ребята с четким логическим мышлением, агентам же надо иметь непримечательную внешность. Ну а остальным сотрудникам, по мнению главы разведки, потребуется только внимательность.

Подбирал ребят на учрежденные должности Алик тоже ни как-нибудь, а на основании личных досье, которые сам же и составлял. Не надо обладать особой проницательностью, чтобы почувствовать, какое удовольствие это ему доставляло.

«ДОСЬЕ № 0002-а-Е
на Майкла Вэллса,
члена организации с 10.10.88,
русский,
атеист.

С момента вступления в организацию Майкл Вэллс проявил себя как хороший исполнитель и отличный организатор. Чрезвычайно инициативен. Способен принимать быстрые, нестандартные решения. В общении с товарищами ровен. Характер стойкий, приближающийся к нордическому. Контактов с потенциальными противниками Короны и связей, порочащих его, не имел. Возможность сотрудничества с органами безопасности исключена полностью. Может быть использован на работе любого уровня секретности. Годен только для бумажной работы.

награды: «Серебряный Крест»

должность: агент в группе майора Джона Алекса Торпа

по Высочайшему повелению пожаловано графское положение».

«ДОСЬЕ № 0005-а-Е
на Самуэля Крюгера,
русский,
атеист,
принимал присягу 16.12.88 вместе с группой Шварца, впоследствии изменившего делу Короны.

Самуэль Крюгер зарекомендовал себя блестящим исполнителем. Характер стойкий, в общении с товарищами ровен. Убежденный монархист, человек, исключительно преданный идеям Короны. Возможность контакта с органами безопасности исключена. Уровень спортивной подготовки низкий. Недалекий человек, способен выполнять только приказы.

должность: адъютант начальника Департамента Стратегической Разведки».

Желая быть последовательным, Алик написал характеристику и на самого себя. Невозможно придумать документ более саморазоблачительный. Клокотавшее глубоко внутри неутоленное тщеславие мощным фонтаном вырвалось наружу.

«ДОСЬЕ 0009-а-Е
на Акселя-Мишеля д'Аллана,
члена организации с 4.07.85,
русский,
православный христианин,
вступил в организацию по рекомендации блаженной памяти императора Бориса.

Человек, преданный идеям и идеалам Короны. Имеет ряд теоретических работ: «Взгляды на государство», «Сущность диктатуры», «О терроре как методе управления», «Основы законов вооруженной борьбы», «2000 строк вместо исповеди и политического завещания». Принадлежит к высшей военной иерархии «Империи». Пользуется колоссальным авторитетом. Способен нестандартно мыслить и быстро находить нужные решения. Тесты на абстрактное и логическое мышление постоянно проходит по высшей категории. Политические симпатии: убежденный монархист, последовательный противник демократии. Личные качества: решителен, смел, прославился звериной жестокостью при подавлении мятежей. За мертвенную бледность лица и вышеуказанные качества прозван «белым дьяволом». Хороший спортсмен, владеет приемами каратэ и айкидо, 16 способами убийства без применения оружия, выстрелом из пистолета любой системы способен поразить движущуюся цель в положении лежа, на бегу и в падении. В час «Х» подлежит ликвидации в первую очередь.

награды: 8 «Золотых Крестов», Ор-

ден Почетного Легиона. Орден св. Михаила. Орден св. Георгия.

должность: начальник Департамента Стратегической Разведки Империи.

Впечатляющая самооценка. Как точно сие творение отражает какофонию разномастных газет и книг, заваливших нас сумбурной информацией: тут православно-монархические интонации естественно переходят в нацистские и большевистские, белогвардейская романтика прекрасно скрещивается с восточными боевыми искусствами, выспренний стиль то и дело сбивается на бульварщину. Все, как в жизни, которую анализирует не лишенный ума и наблюдательности молодой человек, примеряющий на себя роль супермена.

А как же ребята? Как они воспринимали правила игры? Некоторые, побывав на сборе раз или два, больше не приходили. Другие «западали» на необычность обстановки, видя, как взрослые парни, собравшись вокруг восседающего на постаменте императора, коленопреклоненно его слушают. Третьи быстро оказывались в зависимости от Алика: тот охотно давал в долг деньги, видеокассеты, дорогие сигареты и не очень торопил с возвращением.

Были и такие, кто относился к «Ордену», как к занятной хохме, не принимая всерьез приказы начальников, игнорируя предписанные ритуалы. Первым среди них был Андрей — парень независимый, с критическим складом ума. Алик невзлюбил его с первого взгляда, между ними началась вражда, о которой знали все.

Пора наконец ответить на давно интересующий читателей вопрос: ради чего, собственно, городился огород? Чего хотели эти юнцы?

Позже Алик скажет сотрудникам милиции, что хотел создать группировку молодежи, противостоящую хулиганам, ее цель — оказывать физическое и моральное давление на фарцовщиков и спекулянтов, бороться против рэкетиров, хиппи и прочих. Его товарищи по организации выскажутся более определенно: хотели заниматься рэкетом, грабить, чтобы иметь много денег.

Для выполнения поставленной задачи был создан Финансовый Департамент Империи, разработавший четкий план быстрого обогащения. За полгода предполагалось заработать не менее пятнадцати тысяч рублей. В стране в ту пору начинались первые робкие разговоры о переходе к рынку, и в «Империи» живо откликнулись на веление времени. Точность расчетов и решительность выбранных мер убеждают, что для рыночных отношений мальчики вполне созрели. Вот их финансовая программа по пунктам.

1. Совершенствование налоговой системы. Увеличить сумму налога с каждого до 70 копеек ежедневно. Через полгода в расчете на двадцать человек накопится сумма в 1960 рублей.

2. Взимать налог с «утюгов» и фарцовщиков по 150 рублей в месяц. Это даст 6 тысяч рублей.

3. Поставлять тем же фарцовщикам и «утюгам» товар, взимая с них налог с оборота. Еще тысяча.

4. Играть на перепродаже мотоциклов и магнитофонов, сигарет, баллонов «стоп-мэн».

5. Накопив денег, выйти на серьезных финансовых дельцов, давая им в долг, иметь при этом на пяти тысячах шестую.

6. Взимать деньги за участие легионеров «Ордена» в драках из расчета 50 рублей на двадцать человек за одну акцию.

7. Взимать деньги с частных лиц за устранение (временное) неугодных им людей. За каждый случай — 100 рублей.

Помимо перечисленных вариантов, оцененных как беспроигрышные, имелись запасные: обложение данью наперсточников, продажа кассет с записями и пособий по каратэ. Когда дела пойдут совсем хорошо, будет открыта своя школа каратэ, налажена спекулятивная продажа автомобилей. Рынок так рынок.

От слов пора было переходить к делу. В разные районы Москвы устремились агенты «Империи». Они имели приказы досконально изучать возможные сферы влияния, найти территории, не контролируемые другими группировками. Возле вокзалов, ресторанов, крупных магазинов, пивных баров и прочих «горячих точек» переписывались номера автобусов и троллейбусов, названия станций метро, адреса ближайших отделений милиции.

К сожалению, все хорошие места были уже заняты. На смотровой площадке на Ленинских горах работали люди «Сильвестра», у Киевского вокзала крутились ловкие фарцовщики, конкурировать с которыми бесполезно. Тихие же окраины не представляли особого интереса. О Нагатине, например, агенты доносили следующее: «Район неперспективен ни в плане людских, ни в плане финансовых ресурсов. Народ беден, замкнут, на контакт идет неохотно. Собираются в основном разнообразные «качки», женщины легкого поведения и прочий разношерстный сброд».

Попутно обнаружилась еще одна трудность. Кто будет осуществлять карательные акции, заложенные в программу действий? Поданные в досье как бесстрашные и мужественные офицеры, в действительности легионеры «Империи» представляли собой аккуратных благополучных юношей с положительными школьными характеристиками. А ведь надо уметь воздействовать на противника силой, угрозами, даже оружием... На горизонте замаячил некто по кличке «Ганс», двадцати пяти лет, судимый. Он вроде бы заинтересовался организацией и брался выполнять в ней грязную работу. Но то ли сумма, имеющаяся в кассе «Ордена», показалась ему слишком маленькой, то ли сами лидеры не внушили доверия, но только от своих намерений он быстро отказался.

Алик почувствовал, что начинает терять авторитет: ребята перестают видеть ближайшие перспективы деятельности. Тогда он обратился с воззванием к руководителям «Ордена»:

«Положение продолжает оставаться крайне напряженным. К сегодняшнему дню финансы «Империи» находятся на самом низком из мыслимых уровней. Если не принять немедленно самые кардинальные меры, ситуация выйдет из-под контроля. Это надо предотвратить во что бы то ни стало.

Принятые меры слишком неконкретные и не доходят до массового сознания. Значит, нам необходимо конкретизировать нашу внутреннюю политику, разъяснить задачи и цели. В плане расширения штатов: мощный набор с выборочной проверкой. Постоянные тренировки с вовлечением как можно большего числа людей.

Аксель д'Аллан».

В хоре недовольных особенно часто раздавался голос Андрея, потешающегося над наполеоновскими потугами Алика. Ему-то и приказал император «Ордена» (не без мстительной подсказки начальника разведки) решить заведомо непосильную задачу: составить смету, чтобы расплатиться с теми членами «Ордена», кто принимал активное участие в рейдах по городу, ремонте подвала и прочих акциях. На выполнение приказа — неделя. В казне — пусто.

Неделя прошла, за ней другая, а в организации не появилась не только финансовая смета, но и сам Андрей, отказавшийся отныне быть Виктором Дюпоном. Такого удара по престижу «Империи» простить было нельзя, изменника приговорили к смертной казни. Осуществить приговор поручалось лучшему другу Андрея — Косте, то есть Джону Алексу Торпу. Он сидел с Андреем за одной партой, жил в соседнем доме. Не выполнить приказа императора было, конечно, страшно. Но еще страшнее — предать друга. После уроков Костя задержал Андрея в классе и рассказал о вынесенном приговоре. Он же посоветовал немедленно идти в милицию, поскольку Алик шутить не будет. По последним сведениям, он ищет подходы к казанским пацанам, приезжающим в Москву грабить москвичей. Хочет сделать их боевиками «Империи»...

Ну вот и нашлось, кажется, объяснение той смутной тревоге, что мучила по ходу перипетий этой странной игры. Не могла мальчишеская выдумка закончиться невинно. Условность, отвлеченное умопостроение рано или поздно должно было прорваться в жесткую, неумолимую реальность, в которой насилие, кровь, чужое страдание уже не условны, не понарошку. И эту границу мальчики смогли преступить на удивление легко. Они были готовы бить и уничтожать, выбрав в качестве первого врага своего же товарища. Никто из членов организации не сомневался, что Андрея настигнет возмездие. Не ясно было только одно — придется ли его палачам идти до конца...

Почему так жестоки детские игры эпохи перестройки? Отчего воздух свободы не породил желания попробовать свои молодые силы в создании нового, лучшего общества — хотя бы в игре? Ведь игра — это сотворение собственного мира, в котором можно установить удобные для тебя законы, избавиться от лишних житейских сложностей и отдаться мечте. Когда-то воспитанные на гайдаровских книжках мальчики и девочки вслед за Мальчишем-Кибальчишем громили в своих песочницах буржуинское царство и строили светлое будущее. Но оно все не наступало, и постепенно умерла пионерская игра в благородных тимуровцев, смолкли звонкие горны и боевые барабаны. Наступила тягостная тишина.

Но вот пришли новые времена, появились новые игры. Наивные сказки уступили место коммерческому интересу, выпиленные из фанеры автоматы сменились настоящими. Жизнь берет свое?

* * *

В МУРе был разработан подробный план по «разобщению антиобщественной группировки несовершеннолетних под условным наименованием «Орден». Рано утром по установленным адресам отправились милицейские машины. Все члены организации, не успевшие уйти в школу, вместе с напуганными родителями были доставлены на Петровку, 38.

По мере того как сотрудники уголовного розыска, беседуя с ребятами, заполняли документы, их служебный пыл все больше сменялся растерянностью. Заплаканные мамы и раздраженные папы задержанных юношей оказались высокопоставленными работниками МИДа и... правоохранительных органов.

Поначалу родители были настроены весьма агрессивно и недвусмысленно намекали, что стоит им только пальцем шевельнуть... Как можно приписывать их детям участие в какой-то нелепой организации рэкетиров? Они же совсем из другого мира, это совсем другой уровень — разве не понятно?

Однако на стол ложились все новые улики. Вот нож, вот газовый пистолет, вот архивы Стратегической Разведки Империи, в которых имеются личные досье с фотографиями. Все это добровольно выдано сотрудникам милиции самими ребятами.

Мальчики под гневными родительскими взглядами опускали головы, иные даже плакали. И мамы начинали смутно вспоминать какие-то незначительные детали: да, тюкал сын одним пальцем по вечерам на отцовской машинке какие-то бумаги; да, пропал хранившийся в кладовке газовый пистолет; да, звонили по телефону без конца какие-то незнакомые ребята. Но кто же мог подумать?..

Алик признался, что выдумал историю про существовавшую ранее молодежную организацию, членом которой он себя называл. Таким образом он хотел скрыть, что сам разработал всю структуру «Ордена», его цели. Андрея же казнить не собирался, но попугать как следует надо было — в назидание другим. Дисциплина — основа основ любой организации.

Домой хлюпающие носами дети уходили вместе с притихшими родителями. Уголовного дела решили не заводить, в прокуратуру материалы не посылать. Ведь ребят удалось вовремя остановить. Особенно боялся огласки отец Алика. Он только что вернулся из долгой ответственной загранкомандировки и со дня на день ждал присвоения высокой правительственной награды и звания генерала...

За успешно проведенную профилактическую работу по предотвращению правонарушений отдел МУРа по борьбе с преступностью несовершеннолетних получил от начальства благодарность. Историю с разоблачением «Ордена» стали использовать в качестве учебного пособия на семинарах работников милиции. Чтобы не заблуждались, будто молодежи до лампочки нынешняя действительность, что никак она не участвует в общественных катаклизмах. Еще как участвует! И очень чутко улавливает изменения в раскладе политических сил, прекрасно ориентируется в идеологической конъюнктуре, в экономической ситуации. Просто перерабатывая полученную информацию, новое поколение отказывается действовать по тем стереотипам, которые для него приготовили. Оно предпочитает свой, часто совершенно неожиданный путь. Это как с иными цивилизациями. Мы посылаем в космос радиосигналы и, не получая ответа, делаем вывод, что разумной жизни во Вселенной нет. А у них, у инопланетян, может быть, совсем другие, неизвестные нам способы коммуникации...

Смотрит, к примеру, четырнадцатилетняя девочка Женя из Череповца по телевизору забастовку в далеком от нее Киеве. Происходящее на экране волнует настолько, что девочка садится за письмо в редакцию газеты. О чем она пишет? Просит выполнить требования бастующих? Возмущается бедственным положением трудящихся? Какие банальные, чисто «совковые» эмоции! Женю беспокоит совсем другое. «Милиционеры ходят с дубинками и оружием. Почему же они их не применяют? — спрашивает девочка.— По-моему, если убить человек 20 или 30, другие сами уйдут». («Аргументы и факты», №11, 1991 г.)

Трогательное простодушие, не правда ли? Публику пугают грубыми, нечесаными подростками в телогрейках, отловленными на столичных вокзалах, в то время как в светлых головках школьных хорошистов зреют куда более угрожающие планы, в которых провинциальным хулиганам отводится роль нерассуждающих исполнителей — не более того. Не случайно московская милиция опасалась, что лидеры «Ордена» сумеют найти общий язык с казанскими группировками ребят, промышляющими в Москве разбоем и грабежами. Вероятность такого странного симбиоза была очень велика, поскольку ребята из высших и низших слоев общества, не имея точек соприкосновения в повседневном быту (такое невозможно!), вполне сходились в убеждениях: от жизни надо брать все и любой ценой. Соединись интеллект с кулаками — и...

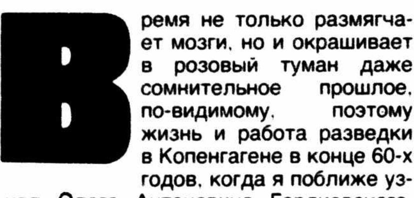
На сей раз нам повезло. Милиция успела вовремя. Сегодня, по прошествии двух лет, все члены «Ордена» живут вполне мирно и праведно, учатся в МГИМО, университете и прочих престижных институтах. Но кто даст гарантию, что повзрослевший Алик не вынашивает новые, куда более зрелые замыслы? Вдруг лет эдак через пять — семь, когда правые устанут бороться с левыми, радикалы — с консерваторами, большевики — с антикоммунистами и мы облегченно вздохнем, предвкушая долгожданную демократию, из последнего окопа молча поднимется новая «Империя»...

О ГОРДИЕВСКОМ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Летом 1985 года из Советского Союза с помощью английской разведки бежал исполняющий обязанности резидента КГБ в Великобритании Олег Антонович Гордиевский, отозванный в Москву. Вскоре он сделал заявление в Лондоне о том, что в течение многих лет работал на английскую разведку. Олег Гордиевский до приезда в Лондон дважды находился в длительных командировках в Дании, где работал под «крышей» посольства. В Советском Союзе у него остались жена и две дочери, которым, несмотря на обращения многих видных представителей советской и мировой общественности, выезд в Англию пока закрыт. Недавно вышла в свет объемистая монография профессора Кристофера Эндрю и Олега Гордиевского «КГБ: история заграничных операций от Ленина до Горбачева», вызвавшая широкие отклики во всем мире. О Гордиевском рассказывает его бывший шеф в копенгагенской резидентуре КГБ в 1976—1980 годах Михаил Любимов, известный читателям «Огонька» по роману «И ад следовал за ним».

«Эх, если бы не нужда в пенсии, я бы порассказал хорошего про всех этих господ».

С. Зубатов, начальник охранного отделения.

Время не только размягчает мозги, но и окрашивает в розовый туман даже сомнительное прошлое, по-видимому, поэтому жизнь и работа разведки в Копенгагене в конце 60-х годов, когда я поближе узнал Олега Антоновича Гордиевского, будят во мне до слез положительные эмоции.

Да и как может быть иначе, когда вспоминаешь игрушечный старинный город с улочками, на которые вот-вот, взявшись за руки, выскочат сказочник Андерсен и философ Киркегорд, все эти уютнейшие каналы, мосты и мостики, дворцы и хижины, пруды с романтическими лебедями и киоски с прозаическими, но тоже хорошими сосисками — все это ужимается на малом пространстве и легко вырывается к хмурому морю. И бежит вдоль серых пучин мимо пляжей с нудистами, мимо корявых гигантских дубов Клампенборгского парка то величественная, как проспект, то зажатая в тиски набережная, она остро надушена запахами водорослей и тянется за славный Эльсинор (по-датски Хельсингёр), где никогда не жил принц датский Гамлет, предпочитая Ютландию, мимо одиночек рыбаков, вытаскивающих за пару часов по дюжине камбал,— такое и во сне не приснится на нашей Балтике, где хорошо ловятся консервные банки и старые носки,— туда, туда, мимо изящно примостившейся на самом берегу моря художественной галереи Луизиана.

Курортные условия стимулируют работу разведки в Копенгагене, наверное, не в меньшей степени, чем ловлю шпионов в Кисловодске или Симеизе. Гордиевский в то время занимался решением особых задач по линии нелегальной разведки, я же жадно собирал политическую информацию главным образом о кознях зловредных и вездесущих американцев, и наши функции не пересекались.

Жизнь наших заграничных колоний — это отнюдь не только сумасшедшая беготня по пышным распродажам, судорожные ловля рыбы и сбор грибов, которые почему-то боятся потреблять избалованные туземцы,— форма натурального хозяйства, позволяющая накопить на «Волгу» уже в первый год, хрупкой, как драгоценный хрусталь, командировки,— это не только пикники и застолья, когда в тоске по родине люди тянутся друг к другу с рюмкой, и не жлобство вплоть до использования бачка в туалете лишь один раз в день из-за дороговизны воды или голодание до синевы всей дружной семьей во имя жирного будущего в Союзе. Нет, в той жизни хватало места и для спорта, и для изящных и неизящных искусств, и для задушевных бесед, и даже для любви...

Гордиевский отлично знал Копенгаген и как-то повел меня в современную церковь с органом, с интересом наблюдал, буду ли я зевать или сразу засну, затем пару раз я попал к нему домой, коллег там не было, за столом царила несвойственная широкой русской душе умеренность, говорили о высоком и даже читали стихи. Гордиевскому тогда и не было тридцати лет — подвижен, любознателен, прекрасно образован, с хорошей интеллигентной речью, со знанием датского и немецкого языков, он бесспорно выделялся на фоне рыцарей щита и меча того периода.

Гордиевский изрядно читал, особенно по истории и религии, черпал знания из кладезей иностранной мудрости и даже в этих целях по-ленински посещал публичные библиотеки. В его скромной квартирке на Тагенсвае стояли книги некоторых запрещенных у нас авторов, которые, я, как старший товарищ, советовал ему запрятать подальше — всегда ведь найдется чистой души доброволец, который настучит об этом кому следует и не следует. Правда, оттепель тогда еще не сменилась стужей, многие по-доброму поругивали правительство и пылко ожидали, что вот-вот наступят реформы и придут иные времена. В одной из версий, объяснявших измену, Гордиевский потом заявит, что все началось с перехвата датской контрразведкой его телефонного разговора с женой, в котором он резко осуждал наше вторжение в Чехословакию. Возможно, так оно и было, однако, мне помнится, во время событий 1968 года далеко не все дипломаты и разведчики сидели, словно проглотив аршин, шли острые дискуссии «за» и «против» линии Дубчека, и я сам проспорил вместе с Гордиевским ящик великолепного датского пива «Карлсберг» одному заядлому сталинисту, дальновидно утверждавшему, что советские танки войдут все-таки в Прагу. Впрочем, и в последующие годы в наших колониях велись сравнительно крамольные беседы — широкая публика заблуждается, думая, что КГБ только и занят за границей выискиванием диссидентов и предателей среди честных сограждан, на самом деле это лишь одна из многих линий работы, свойственная, кстати, всем службам безопасности. Впрочем, когда вдруг в резиденты попадает личность с особым вкусом к полицейской дубине, то держись тогда вся колония, и даже сам посол! Попробуйте только перечить резиденту — живо вылетите в родные пенаты, в свои гастрономы и универсамы, таких случаев масса: одного выставляют за то, что с каким-то непонятным придыханием произнес имя Сахарова, другого увидели на улице, беседующего со слишком интеллигентного вида леди, несомненно проституткой, кем же еще ей быть? Кто-то выпивает в глухую одиночку больше пол-литра за вечер, да и Москва временами подливает масла в огонь и просит отозвать одного за утаивание истинного лица дяди, пошедшего на услужение немецким оккупантам, а другого — за сокрытие прегрешений десятилетней давности с обольстительной горничной в швейцарском отеле. Стукачество — давно уже главная черта хомо советикус, стучат не только в КГБ, но и в партком, профком, послу и торгпреду, особенно хорошо стучат во время отпуска в Москве, и несчастному КГБ иногда даже приходится отбиваться от напора всех этих «стуков», иначе просто в совколонии никого не останется. Впрочем, один мудрый резидент шутил, что от этого страна только выиграет...

Когда в 1976 году меня направили в Данию шефом нашей резидентуры, я очень радовался, что моим заместителем будет Гордиевский, отбывший уже там пару лет из своей, уже второй командировки. Олег Антонович изменился мало: та же интеллигентность, вежливость, предупредительность, готовность помочь ближнему (даже уже находясь в ранге первого секретаря, он порой выступал как переводчик у технических работников, посещавших датских врачей), демократичность с подчиненными и в то же время чувство дистанции. Детей у Гордиевских не было, жили они уже в комфортабельной, положенной по рангу квартире, увешанной картинами Лепина и Савельева — представителей отечественного андерграунда тех времен. Гордиевский увлекался бадминтоном (он всегда тщательно следил за своим здоровьем), на который иногда уходил по вечерам (думается, использовал этот повод для регулярных встреч с английской разведкой), бегал рысцой — именно так, в спортивном костюме, выбежав рано утром летом 1985 г. на пробежку, он и скроется от наружки КГБ и вскоре с помощью англичан очутится в Лондоне.

Ратуя за престиж КГБ в колонии, я все время подталкивал Гордиевского занять место в царствующем, но не управляющем парткоме (партком у нас в колониях — как английская королева), который в духе заговорщических традиций Камо и Кобы камуфлируется за границей как «профком» — загадка века, между прочим, до которой я так толком и не докопался, в ЦК утверждали, что если местные власти проведают, что в колонии действует партячейка (о секрет полишинеля!), то они могут жестоко оборвать ее революционную деятельность.

Но Гордиевский упирался, как конь, предпочитая оставаться в тени, и довольствовался ролью руководителя семинара жен дипломатов — там он снискал популярность, равную, наверное, лишь Алену Делону, ибо одновременно с рейдами в святые святых марксизма-ленинизма открывал страдающим женщинам глаза на проблемы воспитания детей и — страшно сказать! — на запретные в те времена загадки сексологии. Очень любил Гордиевский карнавалы под Новый год, до сих пор помню его, меняющего маску за маской — какие-то усатые рожи, орангутанги и гориллы! — он хохотал, наверное, ликуя, что никто из нас не догадывается, какой тяжкий маскарад ему приходится играть в жизни.

Больших компаний с обильными возлияниями Гордиевский не любил, хотя, конечно, вынужден был порой садиться за стол с коллегами, все знали об этой его интеллигентской порче с торчанием дома за книгой под рокот фуг Баха, в то время как нормальные советские люди простодушно выпивали и закусывали, а потом пели «Подмосковные вечера» или в минуты особой любви к идее «Вихри враждебные», слушали Лещенко и Рубашкина и нежно танцевали со своими и особенно чужими женами. В одном из тогдашних «капустников» мы пели под гитару:

«Пусть Гордиевский-кисочка
Нас судит, как Дантон!
Его жена форсистая,
А сам он... миль пардон!»

Он очень радовался, слушая этот гимн жизнелюбию, и хохотал — вообще смеялся он заразительно и будил во мне горьковские воспоминания о смехе Ильича.

В совколонии Гордиевский не вызывал ровных и прозрачных чувств, жаловали его далеко не все, кое-кто считал лицемером, себе на уме, гнилым интеллигентом и даже высокомерным снобом. Друзей, даже не близких, стабильных у него не было, компаний, которые обычно складываются за рубежом и потом истлевают в Москве, он сторонился. Впрочем, в малых коллективах, где все друг о друге знают, редко встретишь человека, которому не перемывают косточки. Но о его закрытости говорили многие, и это людей к нему не располагало. Посол Егорычев, быстро

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

и небезуспешно постигнувший дипломатическую науку после изгнания с поста секретаря МГК, относился к Гордиевскому с уважением, но без симпатий, резидент военной разведки не выносил его на дух — по характерам они были совершенно несовместимы — и после бегства Гордиевского из Москвы в Лондон звонил мне по телефону и кричал: «Я всегда говорил, что твой Олег — сволочь!» Да и начальство в Москве воспринимало Гордиевского с прохладой, ибо плохо знало его в личном плане: в политическую разведку он пришел из другого управления. Впрочем, не все, кто нам не нравится, работают на иностранную разведку, а тут подозрений даже из пальца не высосать! Конечно, в кулуарных беседах у Гордиевского пробивалось порой куцее свободомыслие, но оно охватывало в годы застоя очень многих, по-видимому, так постепенно прорастали зерна обновления. Подумать только — даже мы с послом не раз обсуждали преимущества и недостатки оппозиции внутри компартии (отталкивались, естественно, от Ленина), я не раз деликатно намекал наезжавшим ответработникам ЦК на изоляцию советской внешней политики после развертывания средних ракет СС-20, а однажды тогдашний редактор «Правды» В. Афанасьев, прибывший в командировку, так огорошил верхушку совколонии своим заявлением, что «все правительство — это сборище старых дураков» (Политбюро он не трогал), что посол просил меня как-то уберечь его от последствий таких деклараций, дабы они не долетели до Москвы, повергнув белокаменную в изумление. Удивительно, но на этот счет «стуков» не было.

Запал мне в голову такой разговор с Гордиевским: «Что-то вам слишком нравятся «левые»... что в них хорошего?» Речь шла всего лишь о социал-демократах, которым я тайно симпатизировал. Я не нашелся, что ответить: «Да нравится, что они хорошо пишут, очень виртуозно». «Мало вы читаете консерваторов...» Я еще тогда подумал: «Эге, куда его занесло!»

За несколько месяцев до своего возвращения на родину (1978 год) Гордиевский сообщил мне грустно, что, очевидно, будет разводиться с женой — это огорчало, но вполне укладывалось в нормы, и его откровенность только подкупала, ибо он знал о моих намерениях предложить его на малый начальственный пост в Москве, что в условиях развода уже было нереальным, ибо не соответствовало высоким моральным меркам, предъявлявшимся руководителю. Впрочем, если новой избранницей становилась дама из «верхов», как случилось с одним подполковником, будущим генералом и заместителем начальника разведки, уволенным несколько лет назад после падения своего высокопоставленного тестя, то моральные мерки почему-то не лезли в голову.

С годами я все больше осознаю, что плохо разбираюсь в людях и всегда склонен их переоценивать, но сейчас, уже смотря на Гордиевского, как на английского агента, я вижу, что поведение его отличалось большой искусностью. Точен, аккуратен, всегда ставит в известность, где он будет находиться, всегда завален газетами, всегда пишет телеграммы и справки, всегда в работе, даже когда уже все покинули посольство (самое лучшее время для составления донесений в Сикрет интеллидженс сервис).

Будучи фактически первым заместителем резидента, Гордиевский никогда не проявлял своих амбиций, наоборот, он старался устраниться от склок, которые иногда возникали в коллективе, не влезал он и в дела других заместителей, в кабинет ко мне — и это правая рука! — входил со стуком, сначала осторожно, словно боясь увидеть нечто невообразимое, приоткрывал дверь и, если видел постороннего, быстро удалялся.

На оперативной ниве Гордиевский не блистал подвигами Геракла: вербовки были, как говорят на разведывательном сленге, жидкие и быстро тухли, не давая ощутимых результатов, да и насчитывалось их, кажется, только две за все десять лет в Дании, причем одна — какой-то сомнительный негр-революционер, быстро уехавший в Африку. На месте англичан я бы, бесспорно, подбросил бы своему агенту такую ценную «вербовку», что взлетел бы он по служебной лестнице как на крыльях, осыпанный орденами. Почему они этого не сделали? Боялись запутаться? Довольствовались возможным и не хотели рисковать? Или он сам отбился от этой нагрузки? Впрочем, вербовщиками в разведке могут быть единицы, а вверх чаще всего идут не те чернорабочие, которые везут на себе основной воз и быстро сгорают под обстрелом контрразведок, а люди по-партийному правильные, умеющие похлопать начальство по голенищу и восхищенно глотающие каждое его слово, они растут как на дрожжах — пусть с ограниченным кругозором, зато без всяких там выкрутасов! В разведке тоже существует

свое разделение труда, зависящее от личных качеств сотрудников: есть блестящие вербовщики, которые не в состоянии связно изложить свои мысли на бумаге, и, наоборот, умелые информаторы, пишущие гладко и много, словно великие классики, но совершенно неконтактабельные и боящиеся иностранцев (чувствуют себя с ними не в своей тарелке), одни легко заводят контакты, но не могут их развить, другие — мастера по агентуре и организации тщательно, хорошо продуманной связи. Порой встречается порода прирожденных руководителей и организаторов с собачьим нюхом на конъюнктуру, но совершенно беспомощных на «боевом поле».

У Гордиевского отлично получалось с информацией — писал он быстро, грамотно, умело используя датскую прессу в подкрепление мыслей своих источников,— пожалуй, лучше всего он работал с официальными датскими контактами высокого уровня, деятельность, по сути дела, дипломатическая. Все эти его достоинства и недостатки вполне вписывались в естественный путь офицера разведки вверх по иерархической лестнице, тем более что и отец, и брат Гордиевского были связаны с КГБ, первая жена тоже там работала, даже отец его новой жены Лейлы Алиевой служил в органах! — просто сплетение чекистских династий!

Развод чуть не сломал карьеру Гордиевского, хотя он прошел спокойно и без скандалов, обычно громоподобных из-за дележа нажитых за границей богатств, и тут снова пища для раздумий: в стереотипном представлении для любого агента дело — прежде всего, он лишь пешка в железных руках, а тут пришла вдруг любовь, человеческий, простите, фактор, непонятно, на что смотрели полковники лоуренсы из СИСа? Могли ведь наши свято блюдущие мораль кадры задвинуть Гордиевского далеко-далеко, в задрипанный архив или на преподавательскую работу...

Но царственный Случай решил оставить его в отделе, со временем он стал отцом двух дочерей, что сразу же создало ему нимб надежного семьянина, подняло акции и обеспечило транспортабельность за кордон. Но куда? Сначала подумывали о Скандинавии, которой он занимался в отделе, пописывая попутно пособия для подрастающих разведывательных поколений, он копался в архивах, начал изучать английский язык и вскоре уже читал в оригинале Сомерсета Моэма. Особенно ему нравился рассказ «Белье мистера Харрингтона», где автор беспощадно и язвительно высмеивает все непостижимые особенности русского характера, ярко расцветшие между февралем и октябрем 1917 года.

В Англию Гордиевского вынесла не только царица-судьба (не велика находка был скандинавист с тогда слабым английским), а острейшая нехватка опытных разведчиков, атакующих секреты коварного Альбиона в самом его сердце.

После громкого скандала в 1971 году, когда более сотни «чистых» и «нечистых» совграждан были изгнаны из Лондона, появились жесткие квоты и началась суровая визовая война. Англичане вели себя в высшей степени дерзко, пользуясь тем, что размеры всех наших представительств в Англии намного превосходили их контингенты в СССР, и категорически отвергали любые фигуры, казавшиеся подозрительными, даже если раньше и нога их не ступала на зловредный остров.

Пробивать людей в посольство удавалось с огромным трудом, главным образом таким неджентльменским, но понятным бывшим колонизаторам способом, как подвешивание в воздухе визы дипломата, собиравшегося в английское посольство в Москве в момент подачи на визу нашему дипломату. Менялись «баш на баш». Эта визовая игра, дающая слишком часто сбои, забавляла многих и здесь, и там: кое-кто потирал руки, наблюдая, как уходят в дипломатическое и разведывательное небытие и наши эксперты по Англии, и их по Союзу. На смену приходили незасвеченный молодняк, никому не известная периферия и эксперты по «третьему миру», вдохнувшие наконец кислород европейской цивилизации.

Гордиевский много раз говорил мне, что у него нет никаких надежд на визу — после десятилетней работы в Дании его должны знать как облупленного,— и поэтому он не торопился ни с продажей старой машины, ни со сборами. Я тоже относился к вероятности его вояжа с большим скепсисом и советовал ему держать под контролем обмен визами «баш на баш», ибо иногда МИД давал маху и плохо подвешивал.

Тут душа просит вспомнить первые годы семидесятых и Владимира Александровича Крючкова, недавнего шефа секретариата КГБ, который пришел в разведку первым заместителем начальника, ведавшим Европой. Тогда он мне очень импонировал прекрасной памятью (как-то, беседуя с резидентом о Новой Зеландии, он даже вспомнил цифру поголовья овец в этой стране), загадочным интересом к театру, редким в столь малохудожественной организации, огромной работоспособностью (с 9.00 до 21—22 часов, не говоря о ночных звонках) и сжиманием иногда в кабинете ручного эспандера, вливавшего новые силы в его уставшие от резолюций пальцы.

В то время я занимался в отделе Англией, и «карфагеняне Северного моря» особенно нагло рубили все кандидатуры в советники, не давая нам вывести на поле сражения командира всей кавалерии — резидента. Именно в то время тогдашний шеф разведки, под которого Андропов подставил своего фаворита, в отчаянии перед неминуемым падением подал гениальную идею: «А почему бы не послать резидентом в Англию моего первого заместителя? Его же англичане не знают и дадут визу!» В кулуарах только подхихикивали над наивным всплеском — недолго мучилась старушка, топор уже висел в воздухе — вскоре Крючков стал шефом...

Наконец паспорт Гордиевского подали на визу, подвесили очередную жертву — англичанина, стремившегося, как все они, запустить свои щупальца в еще не подорванное перестройкой, а вполне монолитное советское общество, все настроились, что «зарубят, гады!», и вдруг... такое бывало редко и становилось праздником.

Советник посольства Гордиевский выезжал в Англию на рядовую работу. Несмотря на высокий ранг, начальство не очень верило в его руководящие способности, опасалось, что скандинавист может быть принят в штыки английской кастой в резидентуре, и приняло мудрое решение: пусть поработает, а там посмотрим. Однако английская разведка взглянула на все это дело по-другому, решив осторожно и ненавязчиво продвинуть Гордиевского в резиденты. Делалось это достаточно ловко и вполне отвечало духу продолжавшейся «холодной войны»: сначала выслали непосредственного начальника Гордиевского, образовали вакуум и напрочь заблокировали визу его заменам. Годы работы в Центре не прошли бесследно у Гордиевского, он сумел улучшить свои отношения с тогдашним начальством, поэтому вполне естественно, что в условиях вакуума его продвинули на пост высланного непосредственного шефа. Дальше, дав ему стабилизироваться, англичане повторили сценарий, выслав резидента и образовав вакуум наверху. Заменам визы не давали, и Центр поставил во главе точки заместителя резидента, а Гордиевского без особого энтузиазма назначил на место зама. Но новый руководитель уже давно собирался на родину, срок его командировки истекал, вот тогда и начал муссироваться вопрос: а что если резидентом назначить Гордиевского? Мешало многое, и прежде всего не сложились в полной мере его отношения ни с тогдашним руководством резидентуры, ни с Москвой.

В те годы мы переписывались, иногда встречались во время его отпусков. Перечитываю его письма, написанные в лапидарном стиле: девочки растут, работы навалом, Англия нравится, нет времени на ее глубокое познание. На встречах в Москве он сетовал на то, что его шефы в Лондоне малообразованны, примитивны по политическому кругозору, склонны к интригам и непривлекательны по человеческим качествам. Тогда Англию впервые посетил Горбачев, разведка, как принято, готовила для него информацию, и Гордиевский присутствовал на его встрече с дипломатами. Его оценка, высказанная мне: обыкновенный провинциальный политик, который с некоторыми модификациями продолжит линию Брежнева. Если этот вердикт через СИС дошел до мадам Тэтчер, то нужно отдать ей должное: она гораздо больше разглядела в Горбачеве и не стала полагаться на свою секретную службу. Впрочем, Гордиевского трудно винить: вряд ли сам Горбачев в то время предполагал все последствия своих реформ.

В начале июня 1985 года у меня дома раздался телефонный звонок. Это был Гордиевский, прибывший, как я предполагал, для окончательного утверждения в завидной должности руководителя лондонской точки. Однако вместо сего радостного известия я услышал минорный тон и неожиданное: «Меня отозвали! Сейчас из Лондона выезжают жена с детьми!» Это не звучало как набат — ведь у нас всегда страхуются, и всегда отзывают под видом командировок или срочных совещаний в Москве, и, конечно, не требуют выезда с семьей — тут сразу запахнет жареным. Вскоре Олег Антонович посетил меня вечером и совершенно ошеломил своим видом: бледный как смерть, нервические, суетливые движения, сбивчивая речь. Он постоянно прикладывался к виски — такой слабости раньше у него не было, иногда по его телу пробегал озноб. Неприятности свои он объяснял тем, что у него в доме засекли книги Солженицына и других эмигрантов, маленький «стук» его враги в резидентуре и в Москве превратили в большое дело — и вот результат! Он даже сказал, что на встрече с начальством во время ужина его пытались «расколоть», подсыпав психотропные средства (это он повторяет и в своей книге), и я поднял его на смех: совершенно исключено, чтобы так обращались с человеком его ранга, он просто спятил! История с книгами вызвала у меня только симпатии и сочувствие — на другой день я сложил всю свою эмигрантскую библиотеку в чемодан и отвез на хранение близкому другу, а книгу Сахарова, как особо опасную, спрятал в портативный сейф и закопал в землю (обнаружил полную беспомощность в подпольной работе в Стране Советов в условиях экстремальной ситуации — книга Сахарова, завернутая тщательно в тряпки и пластик, все же промокла и расползлась на куски).

Версия Гордиевского меня полностью не убедила — все носило печать туманной иррациональности.

Интриги в КГБ, как, впрочем, и в других ведомствах, принимали, конечно, самые замысловатые формы. Горели многие карьеры, даже генеральские: одних губил зеленый змий, других Амур, особенно опасный при женитьбе на супругах, покинувших в пожаре страстей родственников членов Политбюро, или, не дай Бог, при разводе с дочерьми власть имущих. Случались истории, когда в сейфах уехавших на время работников неожиданно находили груды драгоценностей и многие тысячи долларов, явно не соответствующие зарплате. Руководство КГБ создавало комиссии, по службе расползались страшные слухи, но на людях белье никогда не стирали, виновных тихо увольняли или отправляли на пенсию, однако я никогда не слышал о возбуждении уголовных дел по фактам появления таких богатств, хотя, наверное, внутри КГБ такие дела велись, точнее, дела спускались на тормозах, кому охота выносить сор из избы?

Тогда я впервые подумал, что Гордиевский мог на чем-нибудь погреть руки, хотя никогда рвачества и оборотистости в нем я не замечал. Что же произошло на самом деле? В любом случае мне он показался слабаком, сломавшимся из-за отзыва и интриг,— в конце концов все это мелочь по сравнению с жизнью и смертью! — очень он походил на некоторых генералов, которые после понижения ложились с инфарктом в больницы. Я пытался его взбодрить: «Плюнь на все, уходи в отставку из этой конторы, вряд ли теперь ты отмоешься и сделаешь карьеру! Защити кандидатскую, у тебя всегда была склонность к истории».

Гордиевский собирался в подмосковный кагэбэвский санаторий и согласился со мной, что нервы его сдали и надо их подлечить. Стояло лето, я двинулся в дом отдыха под Звенигород и однажды, заскочив в Москву, позвонил Гордиевскому. Вскоре он заехал ко мне, но пребывание в санатории ему не помогло: тот же нервический вид, та же издерганность да еще початая бутыль экспортной водки, захваченная из дому! С гложущей завистью (собирался сесть за руль) я наблюдал, как он опрокидывает рюмку за рюмкой, рука его чуть дрожала. «Странно, что он спился именно в Англии,— подумал я тогда.— Все-таки там поинтереснее, чем в Дании, и времени на возлияния меньше».

Сейчас ясно, в какую страшную ситуацию он попал и что испытывал, чувствуя слежку и ожидая ареста. Думаю, что и ко мне он заезжал, демонстрируя КГБ, что режим его жизни ничуть не изменился, все идет нормально, а может, рассчитывал, что я кое-что знаю об обстановке вокруг него от своих знакомых.

Я всегда любил врачевать отчаявшиеся души и пригласил Гордиевского приехать на пару дней ко мне под Звенигород, поболтать и развеяться. На неделе я оттуда ему позвонил, и мы договорились, что он прибудет в понедельник утренней электричкой и я встречу его на станции. Но напрасно я ждал его утром на платформе, в это время он уже, очевидно, пил целительный «гиннес» в Лондоне.

Через пару дней в Москве мне позвонила его жена, вернувшаяся из Азербайджана: «Вы не знаете, где Олег?» «Я ждал его в понедельник на станции».— «Да, тут на бумажке он записал время электрички».

Даже записал, работал артистично, на публику — ведь план побега наверняка уже давным-давно был подготовлен англичанами, и дата была известна, водил за нос слежку (телефон его, конечно, стоял на контроле, и мой звонок зафиксировали), весьма умело ослабил бдительность...

Вскоре ко мне домой, как на аврал, примчались ребята из контрразведки, ведущие поиск. Разговор о побеге даже не заходил, мне и в голову не могло прийти, что из нашей, так славно охраняемой державы можно убежать! Обсуждали другие версии, более типичные для чекистской среды: не мог ли он умчаться куда-нибудь в шалаш со сногсшибательной красоткой? Все в нашей жизни возможно, но Гордиевский не казался увлекающимся человеком, к тому же не переставал восторгаться своими дочками и ждал их возвращения. Не забился ли в какой-нибудь дальний угол и сидит там, переживает

отзыв из Лондона? Ближе к истине, если у него развивалась шизофрения. Я находился настолько под впечатлением его внешнего надлома, что склонялся к версии самоубийства на почве нервного шока. Вскоре все стало на свое место...

Я пишу эти строчки, как «Независимая газета»,— без гнева и пристрастия — стараясь без эмоций воссоздать картину такой, какой она мне казалась до перехода Гордиевского. Затем появилась некоторая горечь — ведь никому не хочется выглядеть дураком, которого обвели вокруг пальца, но меня утешает, что я не в гордом одиночестве, а также то печальное обстоятельство, что раскрытие измены — сложнейший процесс, особенно если иностранный агент умен, аккуратен и конспиративен и если, конечно, не бросать людей в тюрьму по первому подозрению.

Лучшие наши агенты в английском истэблишменте в отличие от Гордиевского порой вели себя дико, вплоть до признаний в кругу друзей о работе на русских и избиений американских дипломатов из чувства справедливого возмущения капитализмом, а ведь они проработали на СССР гораздо больше, чем Гордиевский на Великобританию, и никто из них не был арестован — удалось убежать.

Почему Гордиевский изменил? Тут можно до бесконечности гадать на кофейной гуще, но ясно одно: в печенках у него была вся система развитого социализма с ее экономическим абсурдом и чудовищным насилием. Но ведь многие, очень многие открыто и мысленно выли от этого великого достижения человеческой мысли, выли, но ведь это не толкало их в объятия иностранной секретной службы! Правда, уже со времен Сталина вызрела гениальная схема, столь полюбившаяся нынешним полозковцам и иже с ними: стоит лишь усомниться в непререкаемой правильности линии партии — и лови себя среди полчищ агентов вражеских разведок. К сведению любителей клеить ярлыки: иностранные спецслужбы гораздо больше заинтересованы в приобретении верных людей не среди тех, кто не без симпатий относится к западной цивилизации и открыто выражает свои взгляды, а в стане противников сотрудничества с Западом — так было всегда, на то и разведка, чтобы копать там, откуда исходит опасность. По этой самой причине подавляющее число иностранных шпиков и перебежчиков принадлежит не к активистам правозащитного движения и другим противникам режима, а к сливкам советского общества — КГБ, ГРУ и МИДа, верным сынам коммунистической партии. Да будут бдительны «коммунисты России»!

Гордиевский считает себя идейным борцом, сознательно ставшим кротом, рывшим под ненавистный режим,— линия практически всех перебежчиков, но он еще добавил к этому несколько необычный нюанс: ему, мол, было неудобно уйти на Запад и жить на дармовщину на чужих хлебах, поэтому он и решил в порядке компенсации передавать советские секреты. Этот аргумент особо не убеждает, но истина заключается в том, что в отличие от музыканта, ученого или литератора сотрудник разведки или МИДа вряд ли может спокойно жить на Западе, не пойдя на сотрудничество,— в спецслужбах сидят не девочки в бантиках, а холодные профессионалы, которые сумеют устроить любому упрямцу такую веселую жизнь, что он быстро пожалеет о своей несговорчивости.

И все же почему, почему он изменил? КГБ, не меняя свой излюбленный репертуар, видит корень зла в сексе и богеме, там и мысли не допускают, что советский гражданин может уйти на Запад по другим причинам...

Я не верю ни версии Гордиевского, ни версии КГБ, поскольку знаю, как любят темнить спецслужбы, когда дело касается обстоятельств вербовки,— тайна приобщения Гордиевского к подпольной работе лежит в досье, хранящемся в Сикрет интеллидженс сервис.

Какой ущерб нанес Гордиевский? Думается, немалый, ведь он долго работал по линии нелегальной разведки и, конечно, не мог не подпортить дела там, он провалил кое-каких агентов и, бесспорно, по мере сил информировал о кадровых сотрудниках и о секретных документах, попадавших ему в руки.

Вообще, если иностранный агент хитроумен и работает целенаправленно, он может почерпнуть бездну информации даже в таком второразрядном посольстве, как наше в Дании. Он знакомится с циркулярами из Москвы и по ним судит, какой информации не хватает у советской стороны и каково направление мыслей у правительства, он черпает сведения у приезжающих членов делегаций и уж, конечно, не скупится на наводки, помогающие спецслужбам завлекать в свои сети новых носителей секретов. Но диапазон подрывной работы Гордиевского, в общем, ограничивался Англией и Скандинавией, и то не в полной степени, всего знать он не мог, на высокий уровень разведки выйти он не успел из-за разоблачения. Если бы не оно, то вполне можно допустить его постпрезидентский взлет в высшее руководство разведки.

Уже в первые годы перестройки английские власти вели переговоры о воссоединении с Гордиевским жены и двоих детей, явно переоценили они расцвет перестройки в Комитете — уперлись товарищи чекисты, вот вам и цена всем осуждениям сталинских преследований родственников врагов народа, жив курилка, не пущать! — и все тут. Какое там, к дьяволу, правовое государство, что там все аргументы о том, что родственники англичан — советских агентов, убежавших к нам, свободно приезжали и уезжали из Союза даже во времена «холодной войны»! Не пущать!

Так что я не завидую Гордиевскому, по слухам, чуть ли не миллионеру и кавалеру наград Ее Величества королевы Великобритании, ожидающему семью в далеком Лондоне, хотя у нас уже в моду вошло завидовать всем живущим «там».

Трудно ему завидовать еще и потому, что перебежчиков не жалуют ни у нас, ни на Западе, за благопристойным фасадом всегда скрывается чисто национальное снисхождение.

На мой взгляд, КГБ нужно не полыхать от гнева, что не требует особых затрат энергии, а подумать, как в обмен на амнистию сидящих у нас шпионов (если их всех по любимой привычке не перестреляли) и перебежчиков — носителей секретов вызволить из западных тюрем своих агентов, которых, кстати, более чем достаточно. Есть какая-то мерзкая несправедливость в том, что лидеры изнемогают от взаимных симпатий, а исполнители их воли хлебают тюремные супы. На Западе многие пишут, что по Гаагской конвенции 1907 года должна проводиться амнистия шпионов, если, конечно, считать войною «холодную войну», завершившуюся в прошлом году Парижской хартией.

Я не завидую Гордиевскому еще и потому, что если он действительно изменил, желая свободы и демократии России, то, по-моему, невозможно и очень больно находиться вне своей родины в этот неимоверно трудный, переломный для нее момент. В это великое время, а оно — великое, ибо придало неведомый доселе смысл нашим быстротекущим жизням.

Михаил ЛЮБИМОВ

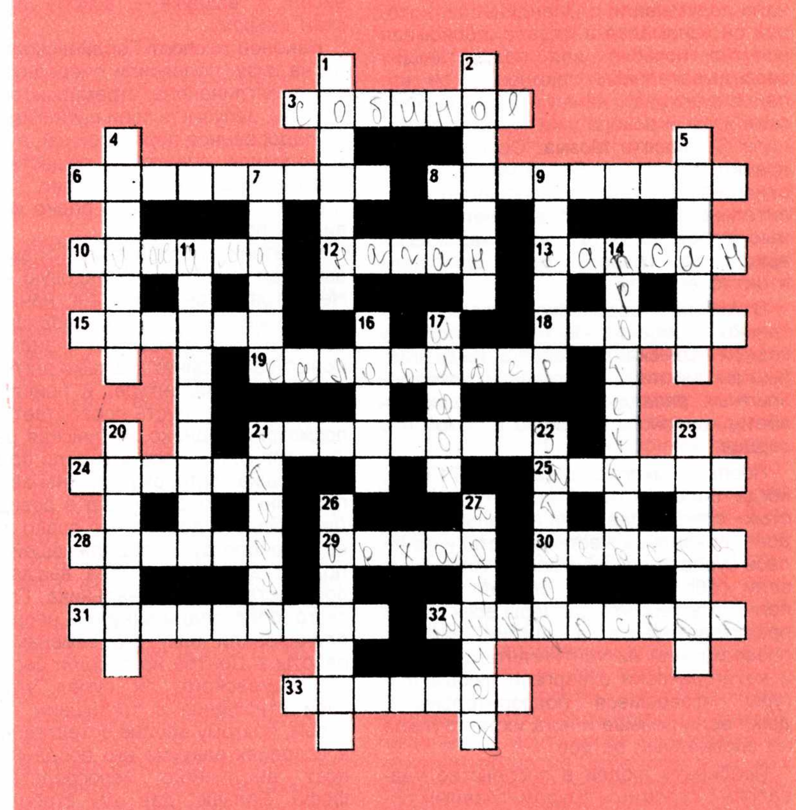
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Выдающийся русский певец. 6. Ода А. С. Пушкина. 8. Ударный музыкальный инструмент. 10. Домашняя одежда. 12. Револьвер. 13. Хищная птица семейства соколиных. 15. Гребная или парусная лодка, распространенная в дальневосточных морях. 18. Приток Колымы. 19. Устройство для нагревания воздуха. 21. Процесс исторического развития органического мира в целом или отдельных его групп. 24. Животное с ценным мехом. 25. Малая планета № 5. 28. Французский философ, математик, физик и физиолог XVII века. 29. Дикий горный баран. 30. Дометрическая русская мера длины. 31. Порт в Нидерландах. 32. Оптический прибор. 33. Живописец, народный художник СССР.

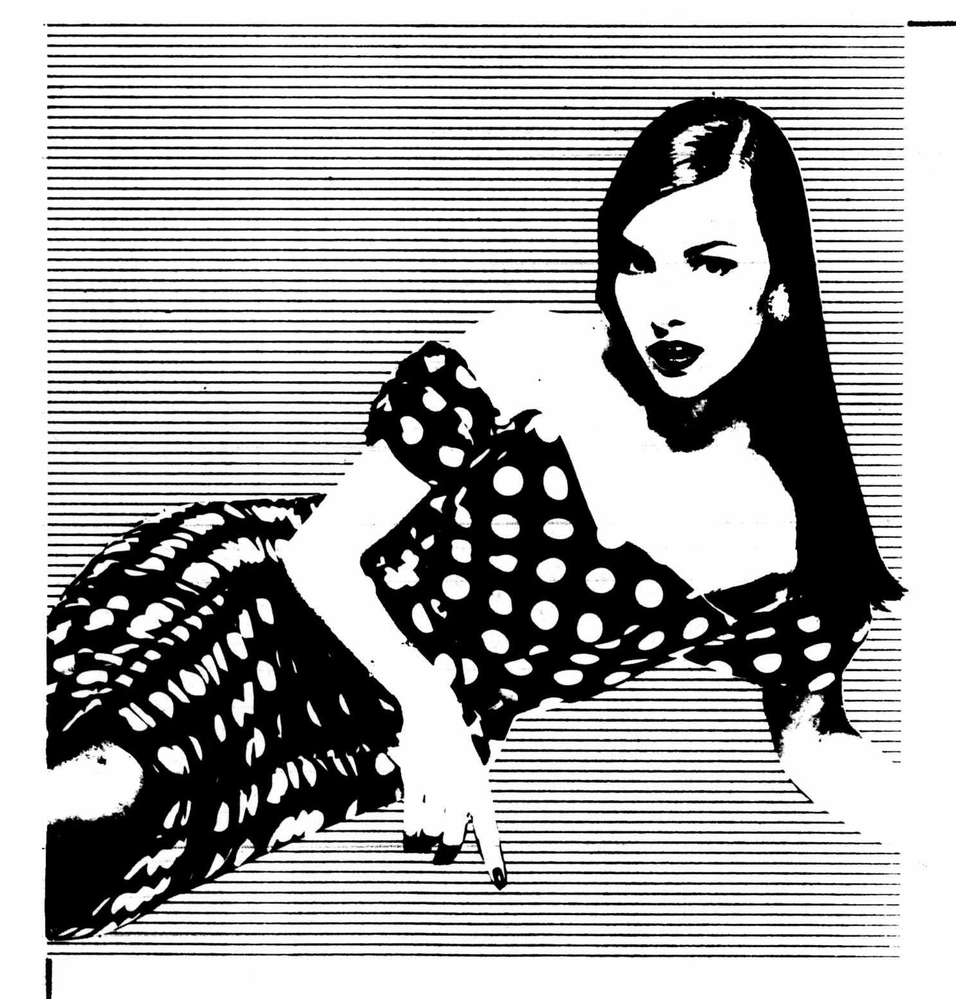
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Итальянский скрипач, композитор, музыкальный теоретик XVIII века. 2. Английский писатель, лауреат Нобелевской премии. 4. Тригонометрическая функция. 5. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. 7. Город в Пермской области. 9. Одна из двух ярких звезд созвездия Близнецов. 11. Государство в Южной Америке. 14. Часть пневматической шины. 16. Река на Кольском полуострове. 17. Прозрачная тонкая хлопчатобумажная ткань. 20. Картина И. И. Шишкина. 21. Причина, движущая сила процесса, явления. 22. Составная часть фотоаппарата. 23. Русский живописец и рисовальщик XIX века. 26. Горный хребет на Южном Урале. 27. Древнегреческий механик и математик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Станина. 5. Цитология. 8. Трава. 9. Новак. 11. Самар. 14. Визитка. 15. «Охотник». 16. Ладья. 17. «Русалка». 18. Лопатин. 19. Тверь. 22. Асино. 24. Гроза. 25. Приставка. 26. Грамота.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Бабочка. 2. Титовка. 3. Скипа. 4. «Арион». 6. Пагинация. 7. Светланов. 8. Трибуна. 10. Квирила. 11. Салат. 12. Медье. 13. Рояль. 20. Верстак. 21. Русанов. 23. Отрог. 24. Гекла.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

У «МММ« НЕТ ПРОБЛЕМ!

Объединение «МММ» предлагает:
компьютеры, совместимые с IBM PC AT,XT
с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор:
пишущих машинок,
дигитайзеров,
электронных записных книжек,
калькуляторов и т.д.

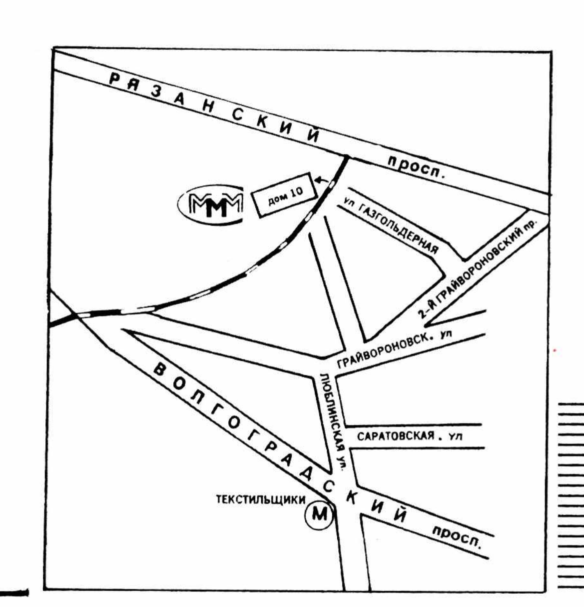
Без предоплаты.
Оптовым покупателям предоставляется скидка.

КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT-286 - 44000 руб.
IBM PC/AT-386 (Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ, 25 МГц) - 107000 руб.
ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат А3 -31500-33000 руб.
Формат AI - 107000 руб.
ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASERJET II P» - 51000 руб.
«LASERJET III» - 85000 руб.
КСЕРОКСЫ
Формат А4
«SHARP Z-50» - 28000 руб.
«CANON FC-2» - 30500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» - 62000 руб.
«CANON 1215» - 80000 руб.
ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE-M5» и «FI» - по 21500 руб.
АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» - 7750-8000 руб.
ТЕЛЕФОНЫ
«PANASONIC» - 3400 руб.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?
МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

Адрес:109518 Москва,ул.Газгольдерная, *10* (проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»).
Телефоны в Москве: 171-03-97,173-44-15,171-13-81, 171-06-90.

Филиалы «МММ»:
г.Николаев, Мельничная ул., 23, тел. 37-56-49 г.Пенза, 2-й проезд Молокова, тел. 33-22-65
г.Южно-Сахалинск,Коммунистический проспект, д.1, тел. 3-25-41
г.Новосибирск, ул.Фабричная, д.13, тел. 23-75-29
г.Красноярск, ул. Урицкого, д. 61,тел. 27-84-09

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел.450-67-88 , 412-95-06

УНИКАЛЬНЫЙ, СПЕЦИАЛЬНО СПРОЕКТИРОВАННЫЙ ДЛЯ РОССИИ

«КОМПАН ЕП, ЛП»

ПРЕДЕЛЬНО РУСИФИЦИРОВАННЫЙ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ КОМПЬЮТЕР.

Производительность, полная совместимость и большая емкость памяти.

Надежный «КОМПАН» продается как за рубли, так и за валюту.

Фирма КОМПАН.
СССР. Ленинград, ул.Маршала Говорова, 52.
Тел. 252-15-64, 186-05-93, 186-55-11.
Телекс: 121412.
Телефакс: 2524184.

Скорость «КОМПАН» не уступает серии 386 SX
«КОМПАН» прошел тестирование в США и признан полностью совместимым.

1 руб. Индекс 70663